

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Ордена Трудового Красного Знамени
Институт востоковедения

А.Л. Емельянов, П.А. Мыльцев

**ЗАБЫТАЯ ИСТОРИЯ ВЕЛИКОГО ОСТРОВА
МАДАГАСКАР В СЕРЕДИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.**

Москва
«НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
1990

Ответственный редактор И.И. ФИЛАТОВА
Редакционная коллегия
К.В. МАЛАХОВСКИЙ (председатель), Л.Б. АЛАЕВ,
Л.М. БЕЛОУСОВ, А.Б. ДАВИДСОН, Н.Б. ЗУБКОВ,
Г.Г. КОТОВСКИЙ, Р.Г. ЛАНДА, Н.А. СИМОНИЯ

Утверждено к печати
редколлекцией серии
„Рассказы о странах Востока“

Емельянов А.Л., Мыльцев П.А.

Е.60 Забытая история Великого острова. Мадагаскар в середине XIX - начале XX в. - М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. - 141 с.: ил. — (Рассказы о странах Востока).

Книга посвящена забытым страницам истории Мадагаскара - становлению и расцвету малагасийской монархии, реформаторской деятельности премьер-министра Райнилайаривуни, а также борьбе народов Мадагаскара против колонизаторов.

Для широкого круга читателей.

ББК 63.3 (бМад)
Е 0802000000-009 013(02)-90
ISBN 5-02-016851-3

© Главная редакция восточной литературы издательства „Наука“ 1990

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение (Емельянов А.Л.)	3
Глава первая. Малагасийское общество и государство до середины XIX в. (Емельянов А.Л.)	16
Глава вторая. 70-90-е годы XIX в. – изменения в малагасийском обществе (Емельянов А.Л.)	27
Глава третья. Франко-малагасийская война (Емельянов А.Л.)	49
Глава четвертая. Завоевание Малагасийского государства (Емельянов А.Л.)	71
Глава пятая. Восстание меналамба (Мыльцев П.А.)	94
Глава шестая. Становление колониального общества (Мыльцев П.А.)	109
Библиография (Емельянов А.Л., Мыльцев П.А.)	113

ВВЕДЕНИЕ

Мадагаскар издавна был окутан ореолом загадочности, экзотичности, таинственности. Как в начале XIX в. Аляска, Калифорния или Австралия, так в конце XIX в. Мадагаскар наряду с Южной Африкой представлялся российскому читателю полным самых невероятных чудес местом. Вспомним, что Чехов мечтал о путешествии в какой-нибудь дальний и удивительный край - Мадагаскар. А в начале XVIII в. Петр I направил „высокопочтенному королю и владетелю славного острова Мадагаскарского наше поздравление“.

...Почему Великий остров? Великий потому, что Мадагаскар — четвертый по величине остров мира, малагасийцы считают его маленьким континентом. Тем не менее название „Великий остров“ — не местного происхождения, оно пришло от европейцев. Со времени открытия морского пути в Индию Мадагаскар привлекал внимание как промежуточный пункт с удобными бухтами, обилием продовольствия и пресной воды. В XVI в. португальцы, в XVII-XVIII вв. англичане и французы пытались обосноваться в различных частях острова. Однако все их поселения оказались нежизнеспособными, поскольку европейцы в первую очередь осваивали небольшие острова - Реюньон и Маврикий. Их жители называли Мадагаскар большой землей, или Великим островом.

В литературный обиход это название ввел Этьен де Флакур, один из первых губернаторов небольшого французского поселения на юге Мадагаскара - Форт-Дофина. В 1658 г. он издал „Историю Великого острова Мадагаскар“ и „Сведения о Великом острове Мадагаскар, гласящих об отношениях между французами и жителями этого острова с 1642 по 1657 г.“ Что же дало основание Флакуру назвать Мадагаскар „Великим островом“? Прежде всего - его история и культура. Автор был знаком с арабо-малагасийскими рукописями (написанными на малагасийском языке арабской графикой), хотя остров не был исламизирован. Наличие письменности, по представлениям того времени, в значительной мере определяло уровень цивилизации. Автор говорил о влиянии арабской культуры, а также о переселении группы евреев. Если учесть время написания книги - первая половина XVII в. (до начала петровских преобразований оставалось более 50 лет), когда история тесно увязывалась с Библией, то уже сам факт общения с библейским народом давал малагасийцам „право“ на историческое прошлое. Все это и сыграло решающую роль в закреплении за Мадагаскаром названия Великого острова.

Почему забытая история? Ведь в советских библиотеках есть и труды Флакура, и десятки исторических, этнографических исследований XIX и XX вв. Однако интерес к Мадагаскару на протяжении XX столетия постоянно падал. Обратимся к фактам. Библиография работ о Мадагаскаре, увидевших свет до 1904 г., насчитывает около 10 тыс. названий, аналогичное издание за 1934—1955 гг. - несколько тысяч, а за 1964-1969 гг. - немногим более тысячи, и в основном они посвящены периоду после второй мировой

войны.

Сравнивая исторические разделы, посвященные XIX в., статьи „Мадагаскар" в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона (т. XVII, 1896 г.) и в Большой советской энциклопедии (т. 15, 1974 г.), необходимо отметить не только лучшую информативность дореволюционного издания, но и более верную, на наш взгляд, расстановку акцентов. Для современного читателя Мадагаскар — лишь одно из 50 африканских государств. А в начале XX в. все было иначе. Характерный пример - один из первых документов внешней политики молодого государства „Обращение Народного комиссариата иностранных дел к правительствам союзных стран" от 17(30) декабря 1917 г.: «Согласны ли они (союзники России в первой мировой войне. — Авт.) со своей стороны, предоставить право на самоопределение народам Ирландии, Египта, Индии, Мадагаскара, Индокитая и т. д.» [32, с. 69]. Из африканских колоний упомянуты лишь Египет и Мадагаскар. Случаен ли этот выбор? Нет. Ведь у истоков советской внешней политики стояли хорошо образованные люди, знавшие историю недавно окончившегося XIX в. и завершения раздела мира — основное событие его последней трети.

Колониальный раздел, с одной стороны, положил конец самостоятельному развитию африканских обществ, с другой - повысил интерес к континенту в целом и к его прошлому в частности. Африканская история постепенно становилась частью всемирной. Но ученые столкнулись с фактически полным отсутствием письменных свидетельств самих африканцев. Их заменяли европейские источники. Но европейцев, изучавших Африку, интересовали прежде всего европейцы в Африке или реакция местных жителей на их появление. Так было положено начало одному из двух основных подходов в африканистике — изучению „истории Европы в Африке".

В середине XX в., с активизацией политической, экономической, культурной деятельности на Африканском континенте начало оформляться другое основное направление — изучение „истории Африки в Африке". Оно вызвало к жизни новые группы источников, таких, например, как устная народная традиция. При этом архивные документы приобрели подсобный, второстепенный характер. Этим можно объяснить в определенной степени невнимание к малагасийским архивам и их одностороннее использование теми, кто писал „историю Европы в Африке". Для них история Мадагаскара XIX - начала XX в. не только не уникальна, но и вполне заурядна. Первые десятилетия XIX в. — начало активного проникновения европейцев, середина - укрепление их позиций, конец — завоевание, начало XX в. - завершение установления эффективного контроля над островом и складывание предпосылок для создания колониального общества.

Но наличие богатейших архивных материалов, не сопоставимых с тем, что имеется в других странах Тропической Африки, включая Эфиопию, дает возможность взглянуть на историю Великого острова под иным углом зрения. Письменные документы местного происхождения, оставшиеся от XIX в., насчитывают тысячи единиц хранения. С начала XIX в. малагасийское общество постепенно становилось „письменным". Многовековая традиция использования арабской графики не получила повсеместного распространения. Поэтому в 20-х годах XIX в. произошел очень быстрый и безболезненный переход на латинский алфавит, что было в основном заслугой европейских миссионеров.

Миссионерская проповедь пала на благодатную почву. Грамотность, которая в представлении малагасийцев была неразрывно связана с христианством, распространялась не только среди представителей знати, получавших высшее и среднее образование в Англии, Франции, на Маврикии и Реюньоне, а в последней трети XIX в. — в столице Малагасийского государства Антананариву (теологический, медицинский и педагогический колледжи). Она стала доступной всем жителям Имерины (Высокое плато), том числе лично-зависимым категориям населения. Это легко подтвердить распоряжением королевы Ранавалуны I (1828-1861), запретившим в начале 30-х годов XIX в. всем „рабам" учиться читать и писать. В середине века даже служители

традиционных культов начали составлять рукописные документы. Широкому распространению грамотности способствовало принятие в 1879 г. закона о всеобщем и бесплатном начальном образовании. Малагасийское общество второй половины XIX в. было письменным, что уникально для Африканского континента того времени.

Становление же архивного дела началось в 20-х годах XIX в. Во дворце правителей малагасийского государства была отведена комната для хранения документов, которая положила начало так называемым королевским архивам.

Другая уникальная черта истории Мадагаскара - наличие и относительно широкое распространение книгопечатания. В 20-х годах на острове появилась первая типография, организованная Лондонским миссионерским обществом. Выпускалась не только религиозная литература, но и книги светского содержания, прежде всего буквари, сборники сказок, пословиц, научно-популярные книги. В 30-х годах были осуществлены полный перевод и издание Библии на малагасийском языке. Значение этого перевода для формирования литературного языка сопоставимо с лютеровским переводом Священного писания. По некоторым данным, во второй половине XIX в. продавалось более 10 тыс. экземпляров книг ежегодно, в том числе по различным отраслям знания — истории, биологии, географии (например, „Библейская археология“, „Сведения о государственном устройстве Англии“, „Популярная астрономия“). Выходили и научные издания. Одно из них — бюллетень наблюдений обсерватории, построенной в 80-х годах в окрестностях Антананариву французским миссионером Эли Колэном, одной из первых в южном полушарии; другое — „Ежегодник Антананариву и журнал Мадагаскара“. Нередко в нем печатались представители малагасийской интеллигенции.

Помимо частных, преимущественно миссионерских, существовала королевская типография, которая в основном печатала законодательные акты, выступления политических деятелей, а также официоз Малагасийского государства - „Газета Малагаси“. Одно из самых интересных изданий королевской типографии — четыре „красные книги“, изданные в 1882 — 1894 гг. Они содержат официальные документы Малагасийского государства, дипломатическую переписку и т. д.

Об уровне развития письменного общества (разумеется, с определенными оговорками) можно судить по наличию периодической печати. На Мадагаскаре, начиная с 1866 г. - даты появления первой газеты „Тени суа“ („Благое слово“) — и по 1896 г. выходило около 50 периодических изданий на малагасийском, французском и английском языках. Но в отличие от книг газеты не получили широкого распространения. Большинство газет заканчивали существование на первых номерах из-за финансовых трудностей и жесткой цензуры. Самые устойчивые издания, помимо упомянутого официоза, издававшегося с 1883 г., — клерикальные. Среди светских можно выделить „Мадагаскар таймс“ и профранцузские „Мадагаскар“ и „Клош“ („Колокол“).

В XIX в. появилась относительно широкая прослойка малагасийской интеллигенции. Первые ее представители получили образование в Англии в начале века. Среди них наиболее известны братья-близнецы Раумбана и Раханирака. Раумбана - автор первой истории Мадагаскара, написанной на английском языке и предназначенной для европейцев. Внушительен ее объем - около 8 тыс. рукописных страниц.

Приведем еще несколько имен. Расамиманана в 1891 г. защитил диссертацию о физиологическом действии кристаллического тангина (ядовитое вещество, использовавшееся при ордалиях и при традиционном судопроизводстве). Ее основные выводы он опубликовал в Париже. Райнандриамампандри — выдающийся государственный и политический деятель (он будет часто упоминаться на страницах книги), вместе со своим братом Рабеараной выпустил в 1868 г. на Маврикии англо-малагасийский словарь, через восемь лет в Антананариву — сборник народных сказок, в 1897 г. - там же книгу „История и обычаи предков“. Кроме того, остался неизданным основной труд жизни Райнандриамампандри - „История Мадагаскара“. В течение 20 лет он собирал материал и работал над текстом, но его исследование было прервано в 1897 г.,

когда французы, не простишие ему разгрома своих войск в 1885 г., обвинили его в руководстве восстанием „меналамба" и расстреляли. Среди малагасийцев довольно широко были распространены профессии врача, учителя, проповедника. И нет ничего удивительного, что первая на Африканском континенте и одна из первых в афро-азиатском регионе Академия наук была организована в Антананариву в 1902 г.

Но жители Великого острова не только изучали и писали свою историю. Они использовали в своих интересах то новое, привносилось европейской культурой. В неизвестные белому человеку районы Африки первыми, как правило, приходили путешественники, за ними — миссионеры, и именно они знакомили местное население с европейской цивилизацией. И именно их ученики-африканцы были той частью общества, которая приветствовала завоевание, наиболее охотно сотрудничала с колониальной администрацией. И вновь Мадагаскар явился исключением. И дело не столько в том, что малагасийцы более умело использовали противоречия между протестантскими и католическими миссиями, за которыми стояли соответственно Англия и Франция, и даже не в факте официального провозглашения христианства государственной религией. Подобные примеры можно найти и в других районах Тропической Африки. Малагасийские руководители создали свою религиозную организацию, которую назвали „государственная церковь", теологические построения которой базировались на протестантизме. Они сумели направить протестантскую идеологию, которая изнутри размывала традиционное общество, подготавливала прослойку, ориентированную на европейские экономические и культурные ценности, видевшую в европейцах лишь носителей прогресса и духовного обновления, для создания внешнеполитического стереотипа „цивилизованного", христианского государства. Его укреплению способствовали и активная внешняя политика, и государственные структуры по европейскому образцу, и развитое законодательство, и система образования, и богатая культурная жизнь.

Не случайно, что первая попытка соединения политической борьбы с массовым народным движением с целью завоевания независимости была предпринята на Мадагаскаре. Это тайная организация ВВС (Ви, вату, сакелика — железо, камень, ответвления). В Тропической Африке до начала второй мировой войны практически ни одна политическая организация не выдвигала требования предоставления независимости и тем более не пыталась его пропагандировать. Многочисленные восстания конца прошлого - начала нынешнего века, направленные против установления системы колониального господства, проходили в рамках „традиционного" общества. Их участники и руководители ратовали не за завоевание независимости, а за возвращение к старым, архаичным порядкам. Поэтому они были исторически обречены. Только привнесение политической идеологии и новых целей в массовое антиколониальное движение могло способствовать достижению независимости. Уникальность организации ВВС, состоящей преимущественно из студентов и учащейся молодежи, заключалась в том, что это была первая в Африке политическая, антиколониальная в полном значении этого слова организация. Французские власти некоторое время смотрели сквозь пальцы на ее существование, хотя им хорошо были известны ее цели. Но когда молодые патриоты начали активную пропагандистскую работу в массах, организация сразу же была уничтожена, а ее членам были вынесены суровые приговоры.

Изложенное выше предопределило хронологические рамки работы. Середина XIX в. — начало ускоренного развития Малагасийского государства, попыток модернизировать сверху традиционные структуры — бесспорная точка отсчета. Для завершения работы также существует очень четкий формальный критерий - уничтожение политической и экономической структуры Малагасийского государства. Исходя из периодизации всемирной истории и учитывая ход развития малагасийского общества, мы заканчиваем работу 15-20 годами XX в. Именно в эти годы началось складывание колониального общества и в этот период был впервые определен путь борьбы за достижение независимости.

В Советском Союзе история Мадагаскара изучалась недостаточно. Помимо соответствующих разделов в обобщающих и справочных работах, ряда статей изданы всего лишь три книги, посвященные истории Великого острова. Все они были опубликованы до 1960 г. Это монография А.С. Орловой „Общественный строй мальгашей в XIX в. Из истории острова Мадагаскар“, переводы книг „Мадагаскар. История мальгашской нации“ Р. Рабеманандзары, написанная с националистических позиций, и „Мадагаскар. Очерки по истории мальгашской нации“ политического деятеля и историка П. Буато, члена ФКП.

В последние десятилетия все больше и больше советских людей выезжают на работу в страны Тропической Африки, в том числе и на Мадагаскар. Поэтому далекий и малоизвестный континент начинает к нам приближаться. Соответственно у широких читательских масс проявляется интерес к „экзотическим странам“, их прошлому и настоящему. Доказательством этого служит издание с интервалом в год двух интересных книг советских журналистов: С. Кулика „Когда духи отступают“ (1981 г.) и В. Корочанцева „Остров загадок и открытий“ (1983 г.). Затрагивается в них и история Великого острова. Исторические разделы их написаны на основе исследований французских авторов. Мы ни в малейшей мере не пытаемся поставить под сомнение научную добросовестность и компетентность западных исследователей, но почти всех их объединяло одно: они пишут „историю Европы в Африке“, затрагивая „историю Африки в Африке“ постольку, поскольку это необходимо для иллюстрации их основных положений. Можно привести пример так называемых колониальных войн. Они были изучены досконально, практически во всех аспектах, кроме одного - как боролись африканцы за свою независимость. В середине 50-х годов началось изучение и этого „аспекта“, которое привело к созданию нового научного направления - истории национально-освободительного движения.

В исследованиях по „истории Европы на Мадагаскаре“, типологически мало чем отличавшихся от работ по другим районам Тропической Африки, постепенно нивелировалась и терялась уникальность исторического развития Мадагаскара в XIX в., которую хорошо видели современники событий. Особенности развития Мадагаскара и дали возможность руководителям советской внешней политики даже в 1918 г. поставить Великий остров в один ряд с Египтом и Индокитаем.

Наша работа называется „Забывтая история“, так как авторы попытались сосредоточить свое внимание на истории малагасийцев на Мадагаскаре, воскресить некоторые полузабытые страницы их прошлого, расставить верные, на наш взгляд, акценты в событиях почти столетней давности. Другими словами, мы поставили перед собой цель подойти к исторической действительности не со стороны Европы, а со стороны Мадагаскара, используя преимущественно малагасийские источники.

Богатая история наложила отпечаток и на нынешний облик острова, и на высокий авторитет, завоеванный на международной арене. Демократическая Республика Мадагаскар неизменно среди зачинателей многих важных инициатив, среди тех, кто активно выступает в пользу различных прогрессивных начинаний. Малагасийские представители постоянно поддерживают советские мирные предложения. Мадагаскар оказывает принципиальную и бескорыстную помощь национально-освободительным движениям, особенно в Южной Африке и Намибии, он — один из инициаторов и самых активных сторонников превращения Индийского океана в зону мира, свободную от ядерного оружия. И в XIX в. известны многочисленные примеры активной и действенной внешней политики (регулярные посольства, постоянные представительства в ведущих странах Европы, в США), так что в определенной степени можно говорить о ее преемственности. Это один из примеров, как сегодняшний день в истории Мадагаскара переплетается с давно минувшим. Но есть и более важные, хотя и менее заметные на первый взгляд связи. Взаимоотношения различных этнических, социальных и религиозных групп, их участие в освободительном движении, многие привычки,

стереотипы поведения и мышления — все это уходит корнями не просто в прошлое, а как раз в период второй половины XIX - начала XX в. Именно в то время складывались условия, на многие годы вперед определившие пути развития общества. И немаловажную роль в этом играло сопротивление как составная часть национально-освободительного движения. Под его воздействием в XIX в. стало обновляться Малагасийское государство. Сопротивление решающим образом влияло на характер отношений с колониальной администрацией и в конечном счете на то, каким стало колониальное общество на Мадагаскаре, в какой степени малагасийцы отстаивали свои права.

Из многочисленных свидетельств доколониального периода узнаем, что на Мадагаскаре продовольствие производили в изобилии. Малагасийские мясо и рис шли даже в Северную Америку, подвергшуюся во время войны за независимость блокаде Англии. А сегодня импорт риса, пожалуй, главная проблема малагасийского правительства. Что же произошло? Ответ следует искать и в аграрной политике колониальной метрополии — Франции, в насаждении экспортных культур, в основном непродовольственных.

Задачи исследования определяют круг источников, используемых в работе. „Пока в глазах большинства западных исследователей история Африканского континента оставалась „историей белого человека в Африке“, другими словами, историей колониальной деятельности европейцев, круг источников сам собой ограничивался отчетами европейских путешественников и колониальных деятелей, да официальными публикациями органов колониального управления. Вне поля зрения историка оставались свидетельства прошлого, созданные самими коренными жителями континента“ [111, с. 5]. Мадагаскар обеспечен источниками местного происхождения лучше ряда других стран и районов Африки южнее Сахары. Большинство архивных документов по малагасийской истории до недавнего времени мало использовались. Одному из авторов книги, П.А. Мыльцеву, первому из советских историков посчастливилось познакомиться с архивными материалами ДРМ.

Эти документы находятся как в государственных, так и в частных собраниях. В первую группу входят собственно общегосударственное архивное хранилище - Национальные архивы Демократической Республики Мадагаскар, а также архивы Малагасийской академии, Национальной библиотеки Мадагаскара и библиотеки Университета Мадагаскара. Среди второй группы необходимо выделить личные архивы историков, потомков королевской и других аристократических семей. Из имевшихся в распоряжении материалов отбирались наиболее важные, например материалы участников освободительного движения и документы следствия. Удалось привлечь материалы разделов „гражданское управление“, „официальные телеграммы“, „общественные работы“, „торговая палата“, „бюджеты“, „стенографические отчеты заседаний совета управления“, где содержатся сведения обо всем, что касается политики французской колониальной администрации на Мадагаскаре. Сотрудники Университета Мадагаскара предоставили автору возможность ознакомиться с микрофильмами документов архива колониальной политики Франции в Экс-ан-Провансе.

Трудно переоценить значение документов королевских архивов. Они включают в себя дипломатические документы малагасийского государства, тексты договоров и соглашений, отчеты о поездках малагасийских посольств, распоряжения премьер-министра и королей, различные материалы, касающиеся отношений с проживающими на Мадагаскаре иностранцами, сообщения и отчеты с мест в центр, а также наиболее значительные законы и указы центральной власти. Особый интерес представляют выделенные из общей классификации бумаги, собранные в описи „NN“ под № 91, куда французские чиновники заносили все для них непонятные по смыслу документы. Эти бумаги содержат интереснейшие материалы как по доколониальной, так и по колониальной истории Мадагаскара, даже те, которые в силу разных причин французской администрации невыгодно было сохранять. В описи, например, имеются бумаги из

личных архивов малагасийских политических деятелей, отчеты и донесения тайных агентов канцелярии генерал-губернатора, дневники участников антиколониальных движений. Большой интерес представляют также хранящиеся в архивах особняком „Коллекция Радзаунеры" и „Коллекция Митридата". После смерти коллекционеров по завещанию владельцев они были переданы в архивы. Они охватывают различные периоды и сферы жизни малагасийского общества конца XIX - начала XX в.

До сих пор вне поля зрения историков были такие интереснейшие документы по изучаемому периоду, как протоколы допросов одного из руководителей восстания менамба - Ра-безаваны. Эти протоколы проливают свет на истинные мотивы и характер восстания, его движущие силы и взаимоотношения с традиционной элитой, в первую очередь с королевской семьей.

Пробелы в обеспечении работы документами по возможности восполнялись за счет публикаций архивных материалов, осуществленных в двух томах директором архивов Разухарину-ру-Рандриамбуавундзи [25; 26]. В публикациях собраны документы о международных связях Малагасийского государства. Первый том - „Документы, Отношения Мадагаскара с иностранцами по 1868 г." - охватывает период с 1828 по 1868 г., второй - „Документы 2. Мадагаскар и Европа" - с 1868 по 1887 г. В них вошли материалы из фонда „Королевские архивы".

К источникам местного происхождения относятся также публикации документов Малагасийского государства по типу европейских „красных" или „синих" книг [38; 39; 48; 49] законодательные акты Малагасийского государства, его договоры с Англией, Францией, США, Германией, Италией, различные соглашения. В отдельную группу источников можно выделить выступления, послания, инструкции премьер-министра и королей, которые были особенно многочисленны в период франко-малагасийских войн. Фактические данные о деятельности сначала малагасийского правительства, а потом — французской колониальной администрации содержатся в официальных газетах: „Газети Малагаси", „Журналь офисель де Мадагаскар э дэпан-данс" („Официальная газета Мадагаскара и подвластных ему территорий") и „Ваувау францай-малагаси" („Франко-малагасийские новости"). Газеты издавались в Антананариву, Таматаве и Диего-Суаресе.

С 1875 г. на Мадагаскаре начало выходить первое издание научного характера — „Ежегодник Антананариву и журнал Мадагаскара. Сборник информации о топографии, природных богатствах Мадагаскара, обычаях, традициях, языке и религиозных верованиях его жителей" [197]. Он выходил регулярно до 1900 г.

В европейских архивах находится значительное количество документов по изучаемому периоду. Наиболее важными для данной работы являются публикации материалов французских и английских архивов, отражающих прежде всего внешнюю политику Малагасийского государства. Документы, относящиеся к Мадагаскару, хранятся и в Архиве внешней политики России, во Всесоюзном географическом обществе и в Центральном государственном архиве военно-морского флота (ЦГАВМФ). Наибольший интерес представляют материалы из ЦГАВМФ, они содержат подробное донесение о французской эскадре, перевозившей экспедиционный корпус на Мадагаскар, и описание военно-морской базы в Диего-Суаресе.

Французские и английские парламентские документы и официальные публикации дают возможность проследить борьбу европейских держав за Мадагаскар, подготовку к захвату острова. Они дополняют и уточняют сведения, полученные из малагасийских источников.

В монографии используются свидетельства европейских миссионеров, путешественников, исследователей и офицеров, которые были непосредственными участниками тех или иных событий. В их воспоминаниях дается конкретный материал по вооруженному сопротивлению малагасийцев.

К свидетельствам европейцев непосредственно примыкают работы, написанные людьми, специально занимавшимися Мадагаскаром и собиравшими о нем материалы

[68; 85; 89]. Они представляют собой личные воспоминания, но в них используются и документы, не имеющие прямого отношения к пребыванию авторов на острове.

Подход европейской прессы к событиям на Мадагаскаре отличался разнообразием. Прежде всего описывались пышные приемы малагасийских посольств в Европе и Америке, распространение христианства на острове, — словом, все то, что резко отличалось от обыденной жизни или, наоборот, было очень схоже с ней. Что же касается самого Мадагаскара, то пресса концентрировала внимание на европейцах.

В западной историографии основное внимание уделялось Месту и роли Европы и европейцев в развитии Мадагаскара.

Благодаря публикациям французских исследователей началось изучение многих ценных исторических памятников. Но ни в одном из исследований не делалось попытки рассмотреть сопротивление малагасийского народа как субъекта исторического развития. Именно поэтому в фундаментальных обобщающих работах С. Оливера, Г. Грандидье, Р. Декари и Ю. Дешана даже франко-малагасийские войны неизменно представлялись только как „колониальные“. Всех этих ученых объединяет одно: они прежде всего изучали действия французских войск и французских властей. Дешан, например, признавая за французской администрацией отдельные ошибки, объяснявшиеся злой волей отдельных недобросовестных чиновников, изображал антиколониальные движения как результат недопонимания малагасийцами „добрых“ намерений французских властей, как отголоски вражды доколониального периода [147, с. 233—236]. Декари представлял зверства карателей во время „умиротворения“ юга Мадагаскара как своего рода издержки наведения порядка, необходимую суровость [144, с. 25].

Что касается национальной историографии, то романтизм и чувство возрождающегося национального самосознания и гордости зачастую берут верх над чувством меры и в описании антиколониальных движений. ВВС - тайная и преимущественно студенческая организация с ограниченным числом членов рассматривается Рабеманандзарой как философское и социальное движение за достижение демократии и сохранение мальгашских национальных особенностей [116, с. 134]. Он не сомневался также в четкой организации и руководстве действиями меналамба со стороны традиционных властей [116, с. 122]. Но его работа сыграла положительную роль, ибо привлекла внимание к проблемам национально-освободительной борьбы на Мадагаскаре. Частные вопросы сопротивления были разработаны в исследованиях М. и Ф. Эсуавелумандрусу, Ж. Расуанаси, основанных на богатейшей источниковедческой базе [149; 150; 151]. Ж. Расуанаси одна из первых в национальной историографии опубликовала монографию по восстанию меналамба. Ее работа дает возможность ознакомиться с материалами семейных архивов, например с перепиской руководителей отрядов меналамба [187].

К национальной историографии типологически примыкают работы африканских историков, которые все активнее в своих исследованиях выходят за пределы своих стран и регионов. Яркий пример — угандиец П. Мутибва. В фундаментальной монографии „Малагасийцы и европейцы“ он подвел итог почти 100-летнему изучению взаимоотношений Мадагаскара и Европы [177].

Первой в советской историографии к проблемам истории Мадагаскара обратилась А.С. Орлова [115]. В принадлежащих ее перу частях коллективных монографий [81; 82; 109; 110] дается обобщающий очерк истории малагасийцев с начала XVII в. до настоящих дней. Большое внимание антиколониальным выступлениям на Мадагаскаре уделяется в одном из самых обстоятельных и глубоких исследований по французской колониальной политике - монографии В.А. Субботина [119]. Основанная на многочисленных европейских источниках, она дает разбор мотивов, методов и форм захватнической политики Франции, видов и типов французской системы колониального управления и эксплуатации. Монография французского ученого П. Буато „Мадагаскар. Очерки по истории мальгашской нации“ [106] - единственная работа в марксистской историографии,

охватывающая период с древнейших времен и до 50-х годов XX в. Большую часть книги автор посвятил новейшей истории острова.

Глава первая

МАЛАГАСИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО ДО СЕРЕДИНЫ XIX в.

По сравнению с большинством стран Африки этнический состав острова более однороден: подавляющее большинство жителей — малагасийцы. Крупнейшая этническая группа Мадагаскара — мерина (во франкоязычной литературе XIX — начала XX в. в качестве синонима часто употребляется термин „хува“) - населяет центр острова — Высокое, или Центральное, плато. Южнее живут бецилеу, севернее — сиханака, цимихети, восточное — безанузану, антайфаси. Западное побережье занимают сакалава, восточное — бецимисарака, антаймуру, антайсака. На юге острова проживают бара, махафали, антандруй, танала, на севере - антан-карана.

В соответствии с принятой классификацией жители Мадагаскара выделяются в особый смешанный расовый тип, сочетающий черты монголоидной, негроидной и европеоидной больших рас. У жителей Высокого плато преобладают монголоидные черты, у жителей западной прибрежной зоны - негроидные, а у этнических групп восточного побережья — европеоидные [97, с. 28-29] .

Историческое развитие этнических групп происходило неравномерно. В XIV—XV вв. возникли первые, еще непрочные государственные образования сакалава. К XIX в. оформились два крупных государственных образования сакалава — Буйна и Менабе. Они не имели централизованного управления, власть правителя была номинальной. Он в основном выполнял культово-религиозные функции. Свою государственность имели также бецилеу, антаймуру и некоторые другие этнические группы.

В XVI—XVII вв. возникли первые государственные образования мерина, но до второй половины XVIII в. они были небольшими и слабыми, постоянно враждовали между собой. В последней четверти XVIII в. Андрианампуйнимерина (1787-1810), правитель одного из них, объединил Имерию. Малагасийское государство сложилось при Радаме I (1810-1828). Он объединил вокруг Имерии весь остров, за исключением крайнего юга и севера. В 1817 г. Радама I провозгласил себя „королем“ всего Мадагаскара, что было подтверждено англо-малагасийским договором 1817 г. С этого времени можно говорить о Малагасийском государстве. Его основные черты сходны с государственными образованиями, которые исследованы в нашей литературе и подробно охарактеризованы в монографиях Л.С. Васильева [107], Г.В. Киселева [112], Н.Б. Кочаковой [113] и Л.Е. Куббеля [114]. Наиболее развитой частью Мадагаскара был центральный район страны, населенный мерина и бецилеу, где в XV-XVI вв. сложились государства.

Основой Малагасийского государства была этническая группа мерина. Несмотря на то что государство охватывало практически весь остров, не существовало территории в общепринятом европейском смысле этого слова. Не было жестко зафиксированных границ, одна и та же территория могла включаться в государства или же оставаться вне его пределов. Степень включения этнических групп в структуру Малагасийского государства была различной. Лишь бецилеу, южные соседи мерина, в значительной мере были интегрированы. Остальные малагасийцы не были подданными в нашем понимании. Все они признавали верховный суверенитет государства, но не были гражданами. Даже в рамках одной этнической группы были слои, заинтересованные в более тесной интеграции с мерина и стремившиеся отделиться от них. Наиболее прочными связи были у жителей центральной части острова, где находились крупнейшие порты. Центробежные и центростремительные процессы проявлялись одновременно, они сосуществовали на протяжении всей истории Малагасийского государства.

На процесс этнической и политической консолидации оказывало влияние синтез двух

культур (в самом широком понимании этого слова): традиционной и европейской, культур обществ, находившихся на разных стадияльных уровнях развития. Этот процесс во многом был приостановлен в 30—40-х годах XIX в., а с наибольшей силой проявился в последней трети XIX в.

При Радаме I были заложены основы отношений с Европой, ликвидировано множество полунезависимых государственных образований, созданы условия для безопасного передвижения почты на всем острове, началось активное включение в международную торговлю. На Мадагаскар были приглашены многие иностранные ремесленники, привлекались денежные средства, в основном с Маврикия и Реюньона. Появились зачатки инфраструктуры: активизировался процесс строительства дорог и мостов в Имерине, частями вводился в эксплуатацию многокилометровый канал Пангалана на восточном побережье, была налажена постоянная связь между столицей Малагасийского государства Антананариву и основным портовым городом и центром внешней торговли — Таматаве.

Отсутствие военной угрозы позволило скрыть все фортификационные сооружения в Имерине, а на их месте построить ирригационные системы для рисовых полей. На острове началось возделывание новых культур: кофе, ванили, тутовых и некоторых фруктовых деревьев. Появились первые промышленные плантации хлопка, сизаля, сахарного тростника. Началось становление мануфактурного производства: в 1825-1826 гг. на восточном побережье был построен первый завод по переработке сахарного тростника, определенный процент доходов от которого передавался Радаме. Правитель удерживал в своих руках монополию на продажу пороха и огнестрельного оружия, ввел десятипроцентный таможенный сбор в крупных портах.

С 1818 г. на острове начало действовать Лондонское миссионерское общество (ЛМО), которое соединяло проповедь христианства с распространением грамотности, европейских культурных и технических навыков. В течение нескольких лет на большей части Имерины была создана система начального образования, малагасийская письменность была переведена с арабской графики, мало отвечавшей фонетическому строю языка, на латинскую, открылись первые типографии, в которых помимо религиозной литературы печатались азбуки, учебники, словари, сборники сказок и пословиц. В Англию и в соседние с Мадагаскаром английские колонии были направлены первые группы юношей как для обучения гуманитарным наукам, английскому языку, так и для овладения различными специальностями.

После смерти в 1828 г. Радамы I его жена и преемница Ранавалуна I взяла курс на постепенное свертывание отношений с Европой. В 1831 г. были существенно ограничены права христианской малагасийской общины. Гонениям подверглось также и образование, неразрывно связанное в восприятии малагасийцев с христианством. В 1832 г. было запрещено учиться рабам и многим группам независимого населения, через два года — всем, кто состоял на государственной службе, а в 1835 г. христианское вероисповедание и образование были запрещены, а все миссионеры высланы с острова. Традиционное общество, усматривая в проникновении отдельных элементов капиталистического общества их синтез с местными структурами, активно сопротивлялось нововведениям. Его реакцией было практически полное закрытие острова, неприятие всего, что было связано с Европой. С одной стороны, это способствовало кратковременному усилению государства и общества, с другой — консервировало старые, недостаточно приспособленные к саморазвитию традиционные структуры.

После смерти королевы власть перешла к ее сыну, короновавшемуся под именем Радамы II (1861-1863). Выбор имени не случаен. Правитель попытался продолжить политику своего отца. Но, не обладая ни талантом, ни государственным умом Радамы I, он стал самой противоречивой фигурой малагасийской истории. Радама II разрешил продажу земель иностранным подданным, сдал в бессрочную аренду на самых льготных условиях одну треть острова, отменил таможенные пошлины, активно приветствовал внедрение

всего европейского. Он восстановил свободу вероисповедания, отменил все „дикие" с европейской точки зрения обычаи и обряды, признал за европейской общиной право экстерриториальности, т. е. попытался превратить Малагасийское государство в полуколонию Франции. Радама II начал выплачивать отработавшим государственную барщину определенные суммы из королевской казны. Все это могло стать началом, по словам Маркса, „единственной социальной революции, пережитой когда-либо Азией" [2, с. 135], т. е. началом активного развития зависимых форм капитализма. Но одновременно с этим он предоставил наиболее приближенным своим офицерам право реквизиции собственности любого лица. В стране по-прежнему не существовало основного демократического права — права на жизнь и собственность. Радама II был последним малагасийским правителем, который обладал неограниченной властью в государстве, решал вопросы жизни и смерти любого своего подданного.

Основа хозяйственной деятельности малагасийцев — сельское хозяйство. Главная продовольственная культура — рис был распространен по всему острову, служил основой питания. Но методы выращивания риса менялись в зависимости от района острова. Наибольшего развития рисоводство достигло у мерина и бецилеу, где уже в XVIII в. существовали комплексы ирригационных сооружений — многокилометровые дамбы, каналы. Широко применялось террасирование склонов гор, холмов и возвышенностей. На богарных землях возделывали маниоку, сахарный тростник, кукурузу, сорго, садовые и огородные культуры. С 20-х годов XIX в., особенно на восточном побережье, стали появляться плантации экспортных культур.

Малагасийское общество середины прошлого века, по свидетельству современника, первого малагасийского историка Раумбаны, было разделено на три большие социальные группы: андриана, хува и андеву. Андриана состояли из шести групп [91, с. 51—53]. Первые три из них обладали правом на наследственные держания — вудивуна, были освобождены от безвозмездных отработок и поземельного налога, имели „почетные" привилегии - носить особую одежду, жить в домах определенной формы и т. д. Следующие за ними три группы андриана пользовались теми же привилегиями, за исключением права на наследственные неотчуждаемые держания; кроме того, существовала промежуточная, седьмая группа, представители которой обладали лишь „почетными" привилегиями [139, отд. 4, с. 2].

Основную массу населения Имерины составляли хува - в основном земледельцы, ремесленники и торговцы. Как и знать, хува делились на группы, которые были очень крупными и не имели столь отчетливых границ, как у андриана. Ремесленное производство было сосредоточено в больших населенных пунктах и городах, крупнейшим из которых был Антананариву, столица Малагасийского государства. В руках хува находилась внутренняя торговля, а внешней, как правило, занималась знать. Крестьяне-хува делились на две категории: первые — обрабатывали земли менакеле, по положению были близки к крепостным; вторые — менабе — работали почти как на своих участках. Все группы хува были податным сословием и привлекались на не оплачиваемые общественные работы определенное количество дней в году („безвозмездные отработки", или государственная барщина).

На низшей ступени социальной лестницы стояли андеву, положение которых было различно: они либо являлись полной собственностью своего хозяина, либо находились на положении младших членов большой семьи. Рабы не платили налогов и не привлекались к безвозмездным отработкам [139, отд. 4, с. 2], что иногда ставило их в более привилегированное положение, чем формально свободных хува.

Сложившаяся к середине XIX в. общественная структура не оставалась чем-то застывшим, неподвижным. Постепенно шел процесс образования новых групп знати, часто из низших подразделений андриана или из хува, усиливались тенденции к экономическому и политическому упадку знати, увеличивалась важность обладания значительными денежными суммами. В сельской общине, преимущественно на землях

менабе, шел процесс расслоения крестьянства, появились работающие по найму.

Во главе иерархической структуры Малагасийского государства стоял суверен, окруженный свитой из знати, которая составляла совещательный орган. Формально он был верховным властителем всего острова, ему принадлежали все земли, он право распоряжаться жизнью и имуществом всех подданных. Но реально все важные решения вступали в силу только после их формального одобрения народным собранием представителей всех слоев населения Имерины. Каждый из них представлял определенную группу людей и имел право высказываться за или против. Одобрение или неодобрение выражалось громким криком. На собрании выступали суверены или их приближенные. Процедура принятия решения носила название „кабари" [98, ноябрь 1959, с. 4]. Контроль за исполнением решения возлагался на вадин-тани — своего рода королевского посланника. Основой традиционного общества была фукунулуна.

После смерти Радамы II реальное управление страной перешло в руки Райнилайаривуни, который в 1864 г. стал премьер-министром. Королевы - Расухерина (1863—1868), Ранавалуна II (1868-1883), Ранавалуна III (1883-1896) - поочередно становились его женами, Премьер-министр опирался на богатейшие семьи острова. Они состояли не только из представителей первых трех групп андриана, занимавших основные гражданские и военные должности, но и из представителей незнатной, но сильной, влиятельной прослойки.

В основе поземельных отношений лежала государственная собственность на землю. В распоряжении государственной власти, персонифицированной в правителе, находились все земли страны. Это выражалось в присвоении сувереном ренты-налога с орошаемой земли и в праве на безвозмездные отработки. Часть государственных земель (менабе) передавалась в условное держание — менакели. К середине XIX в. стали выделяться наследственные держания. По отношению к верховной власти держатель земли нес обязательства двоякого рода: он отвечал перед правителем за сбор и поступление налогов и за своевременную организацию населения на безвозмездные отработки [115, с. 74—79]. Права на землю давали одновременно право на эксплуатацию подвластного населения.

На землях менабе этот процесс проходил иначе. Наделение землей происходило через коллектив землевладельцев, живших в одной деревне — фукунулуна. В общинном земельном массиве различались следующие категории: 1) тани-лава-вулу — невозделанный массив, представлявший собой коллективное пользование фукунулуны; 2) хетра - участок рисового поля, находящийся в индивидуальном владении, который можно было передать по наследству, но нельзя было продать или подарить; 3) участки, на которые распространялось право отчуждения — территория, где построен дом; участок, возделанный трудом самого крестьянина и т. д. Крестьяне на землях менабе были прикреплены к налогам, а не к земле [115, с. 84-91]. В 60-х годах XIX в. население Имерины составляло около 500 тыс. человек [172, т. 1, с. 68].

В первой половине XIX в. постепенно развивалась система управления Малагасийского государства. На Высоком плато прежних вассалов заменяли назначаемые из столицы чиновники, не получавшие жалованья. Это было схоже с русским „кормлением". Подобный административный контроль центрального аппарата постепенно распространялся на многие сферы деятельности. На побережье к представителям традиционной власти, выполнявшей административные функции, направлялись чиновники, которые должны были следить за соблюдением законности и контролировать сбор налогов. Происходил медленный процесс сращивания старой и новой знати.

Нормы обычного права были зафиксированы в кабари Андрианампуйнимерина. Первый письменный кодекс, принятый в 1828 г., состоял из 48 статей. Все кодексы не имели названия, в историографии их принято называть либо по количеству статей, либо по году провозглашения, либо по имени суверена. Кодекс 1828 г. был принят в правление Ранавалуны I, хотя и до ее коронации. В нем зафиксированы итоги правления Андриа-

нампуйнимерины и Радамы I, традиции и нововведения в семейно-брачных отношениях, вопросах наследства, земельного права, в определении положения рабов, в наказаниях за преступления, в отношениях между различными группами свободных людей. 48-я статья заканчивалась словами: „Таковы законы королевства для Имерины" [20, с. 20]. Таким образом было заложено юридическое неравноправие жителей Малагасийского государства. Законодательство, как и большинство последующих реформ, распространялось исключительно на Имерину и служило лишь интересам ее развития, ставя всех остальных малагасийцев в неравное, подчиненное положение по отношению к жителям центральной части острова. Последующие кодексы были приняты во второй половине XIX в.

Основой экономики Малагасийского государства было сельское хозяйство (скотоводство, выращивание продовольственных и технических культур). Под рис - важнейшую сельскохозяйственную культуру — было отведено большинство посевных площадей. Выращивались различные овощи как местного происхождения, так и завезенные из Европы в начале XIX в. С "открытия" европейцами острова в 1500 г. он рассматривался как место, где можно было на пути в Индию пополнить запасы продовольствия и пресной воды. Население прилегающих английских и французских островных колоний с ярко выраженным некультурным характером сельского хозяйства полностью зависело от поставок продовольствия с Мадагаскара. Крупный рогатый скот и рис были основными экспортными товарами на протяжении почти 400 лет.

Местные культуры, ориентированные на внутренний рынок, постепенно вытеснялись введенными европейцами — кофе, ванилью, гвоздикой, корицей. В других случаях происходила переориентация на внешний рынок. Так было, например, с сахарным тростником, сизалем. Расширялись площади под культуры, предназначенные на экспорт [182, с. 210].

Ремесленное производство в XVIII в. отделилось от сельского хозяйства и приняло форму объединений по специальности, отчасти напоминая средневековые европейские цехи. Врвыми корпорациями, возникшими еще в правление Андрианампуйнимерины (1787—1810), стали объединения пастухов королевских стад, кровельщиков и рабочих мастерских по производству пороха [132, с. 71]. К середине XIX в. в примерно 50 цеховых организациях было занято более 10 тыс. человек [136, 231—232]. Самыми крупными были корпорации кузнецов, производителей несложных металлических изделий (4 тыс. человек), каменотесов и строителей (800), столяров и плотников (около 500). Объединения ремесленников, выполнявших тонкие работы по металлу, ремонт стрелкового вооружения, часов, насчитывали более 300 человек, работавших по меди и другим цветным металлам, оцинкованному железу, — приблизительно 200 человек. В 1878 г. открылась мастерская, где изготовлялись взрывчатые вещества по европейской технологии. В 1885 г. в ней работало 150 человек. Около 350 ремесленников производили порох и патроны. В цеховые организации были объединены ювелиры, ткачи, кожевники и др. Особое положение занимала государственная корпорация „Царакуненана", которая производила нитки и хлопчатобумажные ткани. На принадлежавшей ей мануфактуре работали свободные ремесленники и были установлены английские машины. Производством управлял Раулумбелуна, прошедший обучение на аналогичных английских фабриках [136, с. 231-232].

Малагасийское государство не имело собственных денежных знаков. Издавна использовались португальские, испанские, мексиканские пиастры и французские монеты. Основной денежной единицей было ариари (другие названия - пиастр, параты, доллар и т. д.), равное пяти французским франкам. Подобная система сохранилась до наших дней (за эквивалентом в пять франков закрепилось официальное название „ариари"). Разменная монета отсутствовала, ее заменяли куски разрубленных пиастров. Наименьшая часть — ирайвенти — оценивалась в 0,7 французского сантима и составляла 1/720 ариари.

На Мадагаскаре зачатки регулярной армии появились в конце XVIII в., в правление

Андрианампуйнимерины. Основу его войска составляло народное ополчение, но он стал использовать отряды, состоявшие из черных рабов — циарундахи для своей личной охраны. Отрядам циарундахи выдавались огнестрельное оружие и экипировка. Приблизительно в это же время были созданы первые военные мастерские, организованные по цеховому принципу [136, с. 231].

Отряды циарундахи не вошли в ядро регулярной армии, созданной при сыне и преемнике Андрианампуйнимерины — Радаме I. Основой будущей армии стали рекруты из линиджа вурумахери [182, с. 158-159]. Первые неудачные экспедиции Радамы I на западное побережье послужили толчком к реорганизации народного ополчения. По договору, заключенному 23 октября 1817 г. с Англией, Радама I получил современное вооружение, порох, амуницию и инструкторов для формирования и обучения армии по европейскому образцу [174, с. 24].

Формирование и обучение малагасийской армии было поручено Хейсти, официальному представителю Англии на Мадагаскаре, а также Робэну — бывшему наполеоновскому солдату, дезертировавшему с Реюньона, впоследствии ставшему личным секретарем Радамы I, и англичанину Брэди [140, с. 168—170; 147, с. 155]. Все провинции Имерины, кроме Вакинанкаратры и Вунизунги, обязали выделить до 50 % взрослого годного к военной службе мужского населения [194, с. 21]. Для упрощения набора все жители были разделены на военных (миарамила) и гражданских (буризану — от французского „bourgeois“). Каждая из этих групп была разбита на тысячи и сотни. К 1823 г. численность малагасийской армии достигла 12 тыс. человек. Она получила название „фулуалиндахи“ (100 тыс. человек) [194, с. 22-23]. Название сохранилось и до наших дней.

Для управления войском Радама I ввел 12 рангов (вунинахитра), или степеней знатности. Первый вунинахитра — простой солдат, второй — командир 10 человек, третий — командир 20-25, четвертый — командир 40 человек, пятый — знаменосец, шестой — командир 50 человек, седьмой — командир 100, восьмой — командир 500, девятый — командир 1 тыс., десятый — командир 2 тыс., одиннадцатый — командир 5 тыс. человек, двенадцатый — главнокомандующий — марусали (маршал) [180, с. 43]. До пятого ранга степень знатности присваивал непосредственный начальник, с пятого — утверждал Радама I [145, с. 13]. В 1817 г. он ввел в армии красно-белое знамя, составленное из любимых цветов малагасийцев, символизирующих силу, могущество, надежду, чистоту. Солдаты не имели определенной формы, но наголо сбрасывали волосы [132, с. 94; 180, с. 44; 183, с. 174]. При Радаме I армия сохранила много черт народного ополчения. Солдаты и офицеры в свободное от уходов время могли заниматься земледелием, скотоводством, ремеслами, торговлей для обеспечения себя продовольствием и амуницией. Солдат стремились набирать из зажиточных крестьян, которые могли сами купить себе вооружение. Во время походов, учений, маневров армия пользовалась правом постоя и местное население было обязано содержать их за свой счет [136, с. 49-50]. Для стабилизации положения в недавно присоединенных провинциях Радама I создавал военные поселения или „посты“, куда наряду с воинскими подразделениями переселялись и крестьяне [106, с. 92].

Армия требовала значительных денежных затрат, и Радама I ввел два налога: первый подоходный, второй — подушный. Женам военных полагались налоговые льготы [182, с. 160]. Формировалось ремесленное производство, связанное с нуждами армии. Были организованы цехи по изготовлению холодного оружия, кожаных ремней, патронташей и портупей, арсеналы для хранения вооружения и боеприпасов [136, с. 231-12]. Дисциплина в армии поддерживалась системой наказаний. За дезертирство сжигали живьем [182г с. 159]. В конце правления Радамы I армия была дополнена подразделениями миарамила лава-вулу - своего рода вспомогательной полицией [106, с.92],

Реформы с использованием элементов европейской военной культуры позволили

Радаме I создать при любых недочетах и слабостях сильнейшую на острове армию, что подтвердили последующие военные кампании на западе и юге Мадагаскара. Небольшими силами были присоединены и контролировались обширные территории.

Преемники Радамы I не внесли значительных изменений в структуру армии. Ранавалуна I добавила к 12 рангам два. Радама II ввел еще два ранга и для себя лично дополнительный, семнадцатый, — вукинахитра [145, с. 13] .

Во время правления Ранавалуны I были созданы цехи по производству боеприпасов, взрывчатых веществ, военного обмундирования и национальных флагов [136, с. 231—232]. Тем не менее дальнейшего развития и укрепления армии не произошло. Учащались случаи дезертирства, казнокрадства, дальние гарнизоны голодали, их личный состав не меняли по многу лет. Солдат в походах сопровождали жены и слуги. В середине XIX в. резко снизилась боеспособность армии. Многие, пользуясь правом постоя, беззастенчиво грабили население, особенно вне пределов Имерины.

Традиционный набор в армию происходил следующим образом. Королева вызывала в столицу знать и представителей всех свободных слоев населения из различных частей Имерины, с которыми определяла число рекрутов для каждой провинции [145, с. 58-59] . Подобная система практиковалась до 70-х годов XIX в. В 30-х годах военная служба была приравнена к безвозмездным отработкам [21, с. 114], что послужило одной из основных причин дезорганизации армии.

Подводя итоги развития малагасийской армии за 50 лет, еще раз подчеркнем, что в начале XIX в. на острове была создана армия по европейскому образцу, относительно боеспособная и хорошо вооруженная. С приходом к власти Ранавалуны I началось ее разложение. Срок службы в армии не был ограничен, что значительно повысило средний возраст военнослужащих. Солдаты жили за счет грабежа. Соответственно падала дисциплина, снижалась боеспособность армии. Ранги стали передаваться чуть ли не по наследству, участились случаи самовольного присвоения того или иного вукинахитра. Непропорционально увеличивался офицерский корпус. Каждый офицер старался окружить себя как можно большим количеством адъютантов, использовавшихся, как правило, в личных целях. Подобные изменения в армии были следствием аналогичных процессов в обществе. Не меняя внешний европейский облик, она, по сути, превратилась в феодальное войско (пожизненный срок службы и институт адъютантов и т. д.). Восстановление боеспособности армии стало одной из основных задач руководителей Малагасийского государства.

Глава вторая

70-90-е ГОДЫ XIX в. - ИЗМЕНЕНИЯ В МАЛАГАСИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Вторая половина XIX в. и особенно его последняя треть были ознаменованы резким повышением интереса к Африке. Это объяснялось комплексом причин, основной из которых, по нашему мнению, было завершение борьбы за наиболее богатые азиатские территории и, как следствие, перенесение центра тяжести соперничества за колонии и сферы влияния на Черный континент. Необходимость новых рынков сбыта и гарантированных источников сырья, технический прогресс Европы, постоянное совершенствование средств сообщения и ведения войны, богатый опыт колониальных экспедиций давали возможность приступить к освоению и завоеванию земель, не имевших жизненно важного значения для метрополии.

Постепенно менялось европейское общественное мнение. На первый план начало выдвигаться такое понятие, как принадлежность к „мировой державе“, одним из основных критериев которой стало обладание обширными колониями. Страны капиталистической Европы все больше проникались гордостью за свой технический и экономический прогресс, все более популярными здесь становились мессианские идеи о цивилизаторской

и культурной миссии белого человека, о необходимости нести в окружающий мир практику индустриального развития, даже если при этом необходимо было применять вооруженную силу, уничтожать государства с их культурой и традициями. Африка из субъекта исторического развития постепенно становилась объектом крупномасштабного европейского эксперимента.

Мадагаскар вступил во вторую половину XIX в. практически полностью изолированным, отрезанным от внешнего влияния, наподобие Японии начала XVII в. Но внутри закрытого общества вызревала противоположная идея — полное открытие Малагасийского государства для Европы, носителем которой стал принц Ракуту, сын Ранавалуны I, коронованный под именем Радамы II. Во время своего короткого (менее трех лет) правления он окончательно подорвал в малагасийском обществе идею о незыблемости существующего порядка, уничтожил представление о богоданности королевской власти, о непосредственном воплощении в правителе мудрости всех предшествующих поколений. Был разорван „завет" с божественными предками, была разрушена в сознании малагасийцев выстроенная его предшественниками система мироздания.

Данный разрыв не мог не отразиться на социальной психологии. Он выразился в массовых психических эпидемиях — раманендзана, когда в сотни, тысячи простых малагасийцев „вселялся дух" умершей Ранавалуны I, который требовал возвращения к старым порядкам. В социально-экономическом развитии стал возможен постепенный отход от традиционного, хотя и во имя его сохранения. В политической области после осознания вседозволенности также произошли необратимые изменения. Формально у власти осталась правящая династия, из генеалогии которой был вычеркнут Радама II, но фактически вся власть перешла в руки новой аристократии, тесно связанной с экспортно-импортной торговлей. Не имея шансов на длительное сохранение власти традиционным путем, они начали искать выход из сложившейся ситуации в реформах, что объективно совпадало с нуждами малагасийского общества. Но все даже самые далеко идущие преобразования субъективно направлялись на возрождение старых порядков, т. е. к установлению режима неограниченной личной власти, но новыми путями и средствами. В экономике, социальной области, идеологии, даже учитывая активное европейское влияние, предпосылки для развития капитализма были еще слишком слабы. При всем внешнем сходстве преобразований с взятой за образец моделью малагасийское общество оставалось в рамках докапиталистических социально экономических и идеологических структур, что привело к новому кризису в начале 90-х годов XIX в.

Центральной фигурой малагасийской истории второй половины XIX в. по праву является Райнилайаривуни. Он родился в 128 г. в семье, выдвинувшейся при Андрианампуйнимерине. Его дед начал карьеру с командира сотни. Расположение звезд и планет при рождении Райнилайаривуни было определено малагасийскими астрологами как несчастливое, он должен был принести много бед семье. Райнилайаривуни был отвергнут отцом и матерью; у него отрезали крайние фаланги указательного и среднего пальцев левой руки. К счастью для ребенка, его пожалели близкие родственники и вырастили. В шесть лет он был зачислен в класс миссионера Грифита, где быстро научился читать и писать. С десяти лет будущий премьер-министр был вынужден сам добывать себе пропитание и занялся торговлей. Европейцы сразу оценили пунктуальность и честность коммерсанта, он быстро разбогател. Вскоре отец, фаворит королевы, признал сына, и Райнилайаривуни стал секретарем королевы. В 16 лет он получил шестой ранг. С 1853 г. ему было поручено наблюдать за использованием королевской печати [137, с. 10].

После смерти Ранавалуны I он — один из крупнейших чиновников Малагасийского государства, главнокомандующий. После дворцового переворота 1863 г. на трон была возведена жена Радамы II — Расухерина. Она была вынуждена подписать и выполнять „хартию" из шести пунктов, основными из которых были ограничение власти правителя законодательством, привлечение к его выработке знати, лишение права

правителя единолично приговаривать к смертной казни, свобода вероисповедания [132, с. 147]. Мужем королевы стал брат Райнилайаривуну — Райнивунинахитриниуни, премьер-министр Малагасийского государства. В 1864 г. Райнилайаривуни удалось свергнуть брата и до 1895 г. он занимал должность премьер-министра.

Райнилайаривуни стоял во главе государственной машины, располагал королевской казной, от него зависели назначения на высшие государственные должности и утверждение вунинахитра [162, с. 303].

Сконцентрировав всю государственную власть в одних руках, премьер-министр столкнулся с проблемой осуществления эффективного контроля за действиями своих подчиненных. Кодекс 1828 г. сильно устарел, кодекс Радамы II из 50 статей 1862 г. [21, с. 462-476] не мог быть принят за основу из-за многочисленных привилегий, предоставлявшихся иностранцам. Кодекс Расухерины 1863 г. был принят в спешке, чтобы заменить законодательство Радамы II, и состоял из 16 статей, трактующих должностные и уголовные преступления, положение групп зависимого населения и некоторые вопросы, связанные с семейным и земельным правом [21, с. 479-482]. В этом же году был принят более подробный кодекс из 68 статей [21, с. 482—503], но и он не отвечал стремлениям Райнилайаривуни. Поэтому первые годы своего правления Райнилайаривуни в основном посвятил разработке законодательства, призванного укрепить его власть, поставить ее на юридическую основу и дать свободу рук в проведении задуманных реформ. Такой кодекс был принят в 1868 г. и состоял из 101 статьи. Помимо уголовного и гражданского законодательства в него вошли статьи, ограничивавшие рабство, деятельность иностранцев, регулировавшие торговлю, охрану собственности, земельное, семейное и финансовое право [21, с. 504—533]. На его основе в 1873 г. был создан кодекс для провинции Бецилеу, состоявший из 118 статей [196, с. 27-31].

Согласно донесениям высокопоставленных чиновников, применение „Кодекса 101 ст.“ не дало желаемых результатов: мир и спокойствие в сельской местности постоянно нарушались актами насилия, отсутствовала безопасность на рынках, процветало ростовщичество. Местная знать и чиновники практически узурпировали власть, вводили чрезмерные поборы [127, с. 96; 179, с. 35-36]. Кроме того, невозможно было создать эффективную систему набора пополнения для армии без организации действенной администрации на местах. Необходимость реорганизации государственной системы была осознана Райнилайаривуни. Для него, не имеющего законного права, с точки зрения малагасийского общества, управлять государством, это была единственная возможность удержаться у власти.

Первая административная реформа была направлена на создание низшего административного звена управления. 6500 солдат и офицеров, не годных к несению активной воинской службы, были уволены из армии и направлены в 194 округа Имерины [168, с. 31]. Бывшие солдаты и офицеры - сакайзамбухитра (досл. „друзья деревни“), служившие бессрочно, не имели связей с родными местами, полностью зависели от центральной власти, привыкли к беспрекословному подчинению. Все это, по мнению Райнилайаривуни, должно было обеспечить успех реформы.

14 июля 1878 г. были обнародованы „Инструкции сакайзамбухитра“. Они регламентировали большинство сторон жизни нового корпуса чиновников: ограничивали права знати, предусматривали наказания за узурпацию власти, оговаривали полицейские функции сакайзамбухитра, регламентировали порядок сбора налогов, вводили записи актов гражданского состояния и оформление различных сделок, регулировали торговлю, денежное обращение, продажу земель, устанавливали единые меры веса, объема, длины. Сакайзамбухитра был обязан следить за неукоснительным соблюдением свободы вероисповедания, иностранцев, условий жизни зависимых групп населения. Кроме того, на сакайзамбухитра возлагалась ответственность за состояние дорог и поддержание в чистоте общественных мест [23].

Основная цель введения института сакайзамбухитра — уничтожение

административных функций местной знати, уменьшение влияния на местах. Институт "друзей деревни" был первым шагом на пути создания нового аппарата управления, так как сакайзамбухитра назначались государством, подчинялись центральной власти и зависели только от нее. Появилась возможность контролировать знать и чиновников на местах, так как "друзьям деревни" было вменено в обязанность сообщать непосредственно премьер-министру или его окружению о нарушениях малагасийского законодательства или указов королевы.

В обязанность сакайзамбухитра было вменено ведение специальных регистрационных книг — бужимпанзакана, в которые вносились следующие данные: 1) Рождения, браки, смерти; 2) займы, продажи; 3) условные продажи, аренда; 4) гражданские дела; 5) текущие дела. Брак считался юридически незаконным, если он не регистрировался гражданским порядком. За регистрацию актов гражданского состояния и нотариальных услуг взималась незначительная пошлина [193, с. 108]. Сакайзамбухитра были обязаны следить за посещением школ и правильностью составления списков учащихся, являющихся основой военных наборов. Насколько эффективным был институт сакайзамбухитра и в какой степени исполнялись инструкции на местах, установить невозможно из-за отсутствия данных. Но совершенно очевидно, что он не мог быть в достаточной степени эффективным. Это связано с практически полным отсутствием у сакайзамбухитра исполнительной власти. Они не имели права пресекать все выявленные нарушения, а были обязаны сообщать о них в центр. Не случайно, что через три года была проведена новая реорганизация аппарата местной власти.

Следующей реформой Райнилайаривуни была реорганизация законодательства и центрального аппарата. 29 марта 1881 г. в кабари было объявлено о принятии нового кодекса, состоявшего из 305 статей, и о создании восьми министерств: внутренних дел; иностранных дел; военного; юстиции; торговли, промышленности и общественных работ; финансов; народного образования. Каждое из них состояло из нескольких управлений [26, с. 15]. Министерства были скопированы с европейского образца.

Кодекс делился на четыре неравные части: законы, относящиеся ко всем подданным (ст. 1-188); законы о суде и судопроизводстве (ст. 189—265); законы об образовании (ст. 266-301) и законы об алкогольных напитках (ст. 302-305). Первая часть содержала четко выраженное „уложение" об уголовных наказаниях, семейно-брачное и поземельное законодательство. Ст. 85 гласила: „Малагасийские земли не могут быть ни проданы, ни подарены, а также не могут служить предметом обмена с иностранцами" [27, с. 59]. Статьи 81-84 обязывали жителей поддерживать в хорошем состоянии дороги и тропы, но одновременно под угрозой наказания запрещали прокладывать новые. Это объяснялось оборонительной тактикой Малагасийского государства: считалось, что отсутствие дорог между Высоким плато и портовыми городами - одно из важнейших традиционных условий сохранения независимости центральной части острова.

Вторая часть декларировала права и обязанности малагасийских подданных, в частности свободу вероисповедания, возможность беспрепятственно обращаться с любыми жалобами непосредственно к Райнилайаривуни и королеве. Принятие кодекса отнюдь не означало автоматической отмены всех предыдущих законодательных актов. Статья 263 разъясняла, что „все принятые ранее законы сохраняют свою силу и считаются действующими, даже если они не упомянуты в данном кодексе" [27, с. 143].

Третья часть подтверждала все законы о школе, принятые раньше. Статья 271 гласила: „Все дети, как мальчики, так и девочки, имеют право на получение образования с восьмилетнего возраста" [27, с. 147].

В начале 80-х годов XIX в. стало очевидным, что реформа сакайзамбухитра не принесла желаемых результатов. В 1881 г сакайзамбухитра были переименованы в антили (досл. „тот, кто сохраняет путь"). Новый текст инструкций был включен в кодекс 1881 г. (ст. 163-173). Были расширены права новосозданной местной администрации в принятии самостоятельных решений. Руководством антили и регламентацией их

деятельности занималось четвертое управление министерства внутренних дел. Основным документом по-прежнему были „Инструкции сакайзамбухитра" [27, с. 99]. Однако и эта реформа не решила проблему эффективности местного управления. Антили, в подавляющем большинстве бывшие „друзья деревни", и старая местная администрация подчинялись тому же министерству, дублировали друг друга на местах, что снижало эффективность управления. 7 ноября 1884 г. Райнилайаривуни в качестве эксперимента заключил соглашение с фукунулуной Амбату-фин-ан-драхана, предоставив ей самостоятельность в решении внутриобщинных вопросов, освободив от опеки чиновников, в обмен на коллективную ответственность за поддержание порядка, выплату налогов, выполнение безвозмездных отработок и т.д. [103, с. 763]. Затем последовал ряд соглашений с другими фукунулунами. Наиболее разработанным стало соглашение с фукунулуной Антананариву в апреле 1885 г., которое охватывало все стороны жизни, включая применение наказаний [184, 335-340].

Одновременное сосуществование трех систем местного управления сохранялось до 1889 г., когда были утверждены «Временные инструкции губернаторам Имерины" (14 статей). Новому законодательству упразднялась вся старая, местная администрация и вводились должности губернаторов и губернаторов-мадиника (досл. „малый", „мелкий") во всей Имерине, определялись их административные обязанности и юридическая потенция. Новые губернаторы рассматривались как промежуточное звено между фукунулуной и центральным аппаратом [22, с. 27—30]. Через год были приняты „Инструкции губернаторам Имерины", состоявшие из 61 статьи [163, с. 3]. В дальнейшем административный аппарат не претерпевал структурных изменений.

Новая система государственного управления требовала новой организации судопроизводства. 21 февраля 1878 г. Райнилайаривуни принял решение о создании судов, включавших двух судей и 11 „офицеров двора", которые вели следствие и разбирали дела. Высшей и последней инстанцией формально была королева, фактически премьер-министр [106, с. 167]. Декларированную гласность судебного разбирательства призван был осуществлять построенный в 1881 г. дворец правосудия, скопированный с античных образцов, который вмещал несколько сот человек [192, с. 654].

Налоговая система в Малагасийском государстве сложилась к последней трети XIX в. Налоги подразделялись на прямые и косвенные. К прямым относились хасина - нефиксированный нерегулярный налог, выплачиваемый как в Имерине, так и за ее пределами по случаю какого-нибудь события либо носящий характер дани или признания суверенитета; видинайна — подушный налог (0,18 фр. в год); исам-пангади - земельный налог, взмавшийся натурой с крестьянской семьи (в ценах 1895 г. приблизительно равнялся двум ариари); хегра - за пользование участком поливного рисового поля.

Иногда вводились чрезвычайные налоги, например на закупку вооружения или на покрытие внешнего долга. Последний мог быть дифференцированным [89, с. 135-138; 145, с. 69—70]. Важным источником поступлений в казну были таможенные пошлины в размере 10 % стоимости товара, взимаемые в шести крупнейших портах страны. На некоторые виды товаров, например алкогольные напитки, пошлины могли повышаться [78, с. 150-157]. С принятием института сакайзамбухитра была введена плата за регистрацию актов гражданского состояния, за нотариальные услуги. Взимались также налоги за транспортировку товаров, за разрешение на забой скота, на выезд за пределы Мадагаскара. Источником поступлений в казну были также штрафы и конфискации в пользу государства в качестве наказания за неуважение королевы, укрывание преступников, торговлю рабами, распространение ложных слухов или клеветнических сведений в печати [78, с. 158; 162, с. 120; 171, с. 51-52].

К 90-м годам XIX в. сложилась централизованная система управления Малагасийским государством. Формально его возглавляла королева, а реально - Райнилайаривуни, опиравшийся на свою семью и преданную ему аристократию и нуворишей, из числа которых он формировал правительство из восьми министров.

Каждый из них возглавлял министерство. Завершилось создание государства с центральным и местным административным аппаратом, содержавшимся за счет налогов с населения. Малагасийское государство имело юридическую основу - „Кодекс 305 ст.“, который распространил сферу действия центральной власти на экономическую и социальные области.

В 70-е годы угроза французского вторжения стала реальной, для отпора ему была необходима боеспособная армия. Военные реформы Райнилайаривуни коснулись вначале офицерского состава. Первая реформа была незначительной. Всем военным до седьмой вуинахитра запретили носить саблю, которая в обязательном порядке заменялась ружьем. Вторая реформа затронула непосредственные интересы армейского командования. В армии сложилась ненормальная ситуация с адъютантами. Командующий армией Райнимахараву, шестнадцатый вуинахитра, имел 1218 так называемых адъютантов, а с их адъютантами — более 3 тыс. человек. По сути, это была целая армия в армии, в которой каждый подчинялся только своему прямому начальнику. Такое положение разлагающе действовало на солдат: они стремились лишь к тому, чтобы стать адъютантом у какого-нибудь офицера и таким способом избежать участия в боевых действиях или гарнизонной службе.

В 1876 г. Райнилайаривуни объявил о значительном сокращении числа адъютантов и о запрете иметь их офицерам до девяти вуинахитра [145, с. 14-15]. В результате реформы более 5 тыс. адъютантов стали простыми солдатами [182, с. 185]. Одновременно проходила проверка свидетельств, удостоверявших ранг. Как и в России конца XVIII в., во многих знатных малагасийских семьях детей записывали на военную службу в младенчестве или даже до рождения. Практиковалась продажа рангов. Некоторые офицеры, особенно в дальних гарнизонах, самовольно присваивали себе вуинахитра. После проверки подавляющая часть самозванцев была понижена до истинного ранга, некоторых разжаловали [145, с. 61]. Чтобы уменьшить возможность подобных злоупотреблений, Райнилайаривуни под угрозой тяжкого наказания запретил продажу свидетельств и ввел специальную систему различия вуинахитра. Так как в армии отсутствовала форма и знаки различия, то во время парадов и других церемоний офицеров с шестого по девятый ранг отличали по ритму и продолжительности барабанного боя, с десятой вуинахитра музыканты исполняли особый гимн для каждого ранга [145, с. 14]. Кроме того, тот факт, что к Райнилайаривуни мог обратиться даже простой солдат, до известной степени ограничивал произвол высших офицеров [151, с. 92-93, 102-103].

Одновременно с реорганизацией офицерского корпуса премьер-министр начал проверку рядового состава. Военная служба была бессрочной. В результате в армии оказалось много престарелых, больных, не способных к военной службе солдат. С помощью английских миссионеров - врачей начиная с июля 1876 г. из армии были комиссованы престарелые, инвалиды, физически неспособные нести походную жизнь солдаты. Подобные медицинские осмотры впоследствии проводились более или менее регулярно.

После массовых увольнений встала проблема набора и подготовки новых кадров. Престиж военной службы был чрезвычайно низким, не изменились и условия вербовки и службы солдат. Молодежь всеми средствами пыталась избежать рекрутчины. Выход был найден в том, что в армию стали призывать выпускников школ. Для контроля за списками учащихся, за учителями были назначены специальные чиновники - масуивуху. Несмотря на эти меры, набор в армию по-прежнему проходил с большими трудностями [106, с. 167]. Необходимы были коренные изменения.

Распоряжением от 4 июля 1878 г. вся Имерина была разделена на шесть провинций и 194 округа. Реформа послужила основой для проведения в жизнь закона о всеобщей воинской повинности, принятого 25 марта 1879 г. По закону все лица с 18 лет вне зависимости от происхождения и социального положения подлежали призыву в армию. Исключение составляли признанные негодными, священнослужители, те, кого лично

освобождал Райнилайаривуни или королева. Срок службы - пять лет - мог быть увеличен или уменьшен в зависимости от прохождения службы и обучения. Проявившим наибольшие успехи присваивали третий ранг. После окончания службы все получали свидетельства о прохождении воинской подготовки.

Лицам, которые своей властью освобождали кого бы то ни было от призыва, грозил денежный штраф в 100 ариари и разжалование в солдаты. Для облегчения последующих воинских на боров 22-я статья предусматривала обязательное посещение школы всеми детьми с восьми лет. Все школы были обязаны передавать списки учащихся военным властям. Родителям, чьи дети не посещали школу, грозил штраф в 50 ариари и принудительные работы. Были предусмотрены случаи, когда человек, достигший призывного возраста, покидал Имерию или когда мерина жил за пределами Высокого плато. В том и в другом случае он подлежал призыву, отбывая срок службы в местном гарнизоне. В армию брали бывших рабов вне зависимости от их этнической принадлежности [26, с. 65—68].

На практике проведение в жизнь многих статей закона часто нарушалось. Так, в докладе миссионеров из Лондонского миссионерского общества (ЛМО) за 80-е годы XIX в. отмечается, что „офицеры-вербовщики, проводившие набор вдали от столицы, получили значительные суммы денег, чтобы забыть про некоторых лиц, вследствие чего набор всегда проводился среди неимущих слоев" [50, с. 10].

Принятие закона о всеобщей воинской повинности облегчило задачу Райнилайаривуни в создании хорошо обученной, оснащенной современным оружием армии, находящейся под его контролем. Косвенно военный закон повлиял на систему образования. В стране формально было введено всеобщее начальное образование - раньше, чем во Фракции. Военная служба способствовала также сближению представителей различных этнических групп.

Каждая из шести провинций Имерины должна была поставить по 5 тыс. новобранцев [147, с. 207; 182, с. 185]. Общины несли коллективную ответственность за набор в армию. За серьезное нарушение закона о всеобщей воинской повинности предусматривалась уголовная ответственность. Подавляющее большинство проступков каралось штрафами. Их взимание основывалось на личной заинтересованности сообщавшего о нарушении, так как он получал от трети до половины взысканного штрафа, если его сведения подтверждались [145, с. 63—64].

С большими трудностями шел набор в других частях Малагасийского государства, за пределами Имерины. Новобранцы не желали служить в армии центрального правительства. За все время действия закона, по оценочным данным, в Бецилеу было призвано 400-500 проживавших там мерина и 700-800 бецилеу. Попытки набора в других частях острова были безуспешны.

Трудности с набором объяснялись тем, что в отличие от других стран Африки, например Эфиопии, воинская служба не считалась ни почетной, ни желанной. Она не предоставляла возможности к обогащению и в большинстве случаев к продвижению по ступеням социальной иерархии. Закон не в силах был изменить представление в народе об армии как о бессрочной возмездной отработке. К тому же на Мадагаскаре отсутствовал враг, против которого правящая верхушка могла бы направить недовольство народных масс (в Эфиопии, например, это были мусульмане). Основной функцией армии на Мадагаскаре длительное время было поддержание порядка в западных и южных областях государства. Карательные походы против людей, говоривших на том же языке и придерживавшихся аналогичных верований и обычаев, вряд ли могли рассматриваться народом как почетное занятие.

Реформа 1881 г. предусматривала создание военного министерства. Оно состояло из пяти дирекций. Военным министром был назначен Райниламбу, его заместителями стали Рамариаривелу, Рамахатра и Рациматахудирака: все четверо - 15-го ранга [21, с. 23—24]. В 1889 г. под руководством Райнилайаривуни был составлен и напечатан „Устав

пехоты королевы Ранавалуны III". Он включал пять частей (обучение отделения; обучение в полевых условиях; выполнение ружейных артикулов; обучение стрельбе и движение в колонне) и был составлен на основе английских и французских уставов [145, с. 75-76].

В результате проведения реформ малагасийская армия была организована по следующему принципу. Весь контингент войск делился на две неравные части. Первая — постоянное ядро армии, которое состояло из гарнизонов городов, фортов и военных постов, среди которых выделялся гарнизон Антананариву. Вторая - основная масса солдат - после призыва и кратковременного обучения возвращалась к привычным занятиям в родные места, образуя там нечто вроде милиции или народного ополчения; незначительная часть призывников поступала в личное распоряжение премьер-министра [58, с. 216]. Правила мобилизации были чрезвычайно простыми. После объявления военного положения Райнилайаривуни давал распоряжение вывесить в каждом населенном пункте флаги. По этому сигналу все военнообязанные должны были безотлагательно прибыть в Антананариву, где формировались армейские части [57, с. 34]. По планам малагасийского командования в случае войны вся армия должна была быть разделена на шесть корпусов по три бригады в каждом. Бригада состояла из трех-четырёх батальонов по несколько тысяч человек [58, с. 216].

Точное число солдат малагасийской армии неизвестно, и вряд ли его знали сами руководители, так как далеко не все солдаты, призванные в армию, получали достаточную подготовку. Сравнивая оценочные данные у восьми авторов, необходимо отметить, что почти все они указывают две цифры: число солдат, которые могли бы составлять армию, и число солдат, которые реально могли принять участие в боевых действиях [57, с. 34; 58, с. 215-216; 85, с. 335; 90, с. 108; 136, с. 314; 145, с. 71; 124, с. 207; 182, с. 186].

Наиболее близкой к действительности представляется цифра в 20—30 тыс. солдат и офицеров, сформированных в подразделения по европейскому образцу, относительно обученных, снабженных современным стрелковым вооружением и пушками. Численность резервистов и вспомогательных войск составляла 20—40 тыс. человек.

За пределами Имерины малагасийская армия делилась на три основные группы, опиравшиеся на форты в портовых городах и на военные посты. Все они были ориентированы на районы, где мог быть высажен десант. Первая из них защищала Мадзунгу на западном побережье, вторая — Таматаве и Манандзари на восточном, третья - Диего-Суарес и район между Вухемаром и Ануруцанганой [58, с. 217].

Призывники в течение трех месяцев проходили военную подготовку, во время которой инструкторы-малагасийцы обучали обращаться с огнестрельным оружием, занимались строевой подготовкой, прививали навыки ведения боя в цепи и колонне. По окончании срока новобранцев распускали. Те, кто назначался для несения гарнизонной службы, дальнейшее обучение проходили на месте [57, с. 33]. Офицерский корпус готовился английскими военными инструкторами. По договору 1885 г. малагасийцы имели возможность обучаться во французских военных училищах или проходить там стажировку, а также получать образование в других сферах деятельности. Первая группа из 12 человек была направлена во Францию в 1887 г., где они провели от трех до четырех лет. Трое стажировались в инженерном полку в Монпелье, где им присвоили звания младших лейтенантов [85, с. 50-51]. Особое внимание уделялось подготовке офицеров артиллерии, которых обучали английские офицеры Шервингтон и Грейвс [147, с. 207].

Малагасийцы добились больших успехов в артиллерийской стрельбе. П. Кольсон, отнюдь не симпатизировавший малагасийцам, отмечал, что в войне 1883—1885 гг. французам приходилось отступать во избежание значительных потерь из-за эффективного артиллерийского огня [58, с. 169—170]. В малагасийской армии не было специально выделенных инженерных подразделений. Часть солдат выполняли обязанности рабочих, кузнецов, столяров, портных и т. д. [145, с. 67]. В 1886 г. из детей (в возрасте 6-10 лет) наиболее знатных фамилий, пользующихся полным доверием Райнилайаривуни, был организован кадетский корпус (маракели) для формирования будущих командных кадров.

Возглавлял корпус французский капитан Лавуазо [145, с. 73].

К началу 70-х годов XIX в. малагасийская армия располагала большим количеством кремневых ружей, закупленных у арабских, европейских и индийских коммерсантов. Наиболее "современным" было оружие времен наполеоновских войн. В 70-80-х годах Райнилайаривуни приложил большие усилия для перевооружения армии. В 1872 г. была закуплена батарея полевых пушек системы „армстронг" [106, с. 166]. При посредничестве англичанина Парета уже в 1880 г. удалось заключить контракт на закупку 5 тыс. карабинов системы „ремингтон". Оружие было доставлено в 1882 г. [137, с. 146]. Аналогичный контракт заключило малагасийское посольство во главе с министром иностранных дел Равунинахитриниариву во время пребывания в Германии с торговым домом „Освальд". Через три месяца, как и было предусмотрено контрактом, 10 тыс. новейших карабинов системы „шнейдер" были доставлены на Мадагаскар. Там же были закуплены две 43-миллиметровые горные пушки системы „витворт" [145, с. 69—70]. Райнилайаривуни обратился к американской фирме с предложением оплатить военные поставки малагасийскими товарами. Таким образом было получено еще 10 тыс. винтовок и 2 млн. патронов [137, с. 146].

Кроме закупок на внешнем рынке малагасийцы наладили производство вооружения, взрывчатых веществ и боеприпасов на острове. В 1830 г. была организована первая фабрика по изготовлению пороха в Илафи, в 1837 г. в Мантасуа, затем в пригороде Антананариву — Исутри, где отливались гладкоствольные пушки [145, с. 40]. В 1878 г. открылась мастерская, где изготовлялись взрывчатые вещества по европейской технологии. В 1885 г. в ней работали 150 человек. В столице существовали мастерские по ремонту огнестрельного и холодного оружия, изготовлялись ружья, заряжавшиеся со ствола. Перед началом франко-малагасийской войны был освоен выпуск митральезы, прообраза и предшественника пулемета [136, с. 231-232].

Солдаты и офицеры продовольствием и амуницией не обеспечивались, практически не получали жалованья. Дисциплина в армии держалась за счет наказаний. К дезертирству, распространенному со времен Радамы I, прибавились перемена места жительства с целью избежать призыва в армию, уничтожение списков военнообязанных [145, с. 77]. Хотя наказание за дезертирство было смягчено, выносились и смертные приговоры. Жителей фукунулун обязывали содействовать выявлению и поимке дезертиров, передаче их в руки местных властей [184, с. 337].

Штрафами наказывали любое нарушение воинского законодательства, подделку военных документов, необоснованное или проведенное тайно наказание солдата и т. д. При некоторых злоупотреблениях, например за незаконное присвоение ранга, помимо уплаты штрафа офицера разжаловали в солдаты [181, с. 120-121]. Применялись и меры поощрения. Одна из них - выдача свидетельства о храбрости, проявленной в боях [21, с. 1].

Малагасийское правительство проявляло интерес к созданию флота. Отсутствие дорог вне Имерины, сложность управления отдаленными провинциями, значительные затраты на фрахт судов — все это диктовало необходимость создания флота. В конце 80-х годов была организована акционерная компания (крупнейшим акционером был Райнилайаривуни) — „Общество процветания родины", целью которого была организация каботажного плавания у берегов Мадагаскара. Компания располагала двумя небольшими пароходами „Нормандия" и „Амбухиманга" и парусником „Антананариву" [151, с. 281-286]. Самый современный из них — „Амбухиманга" был оснащен парусами и двигателем в 176 л. с., позволявшим развивать скорость до десяти узлов, имел на вооружении морское орудие и две малые пушки.

Таким образом, за 20 лет из неорганизованных, плохо вооруженных феодальных войск была сформирована армия с современным стрелковым оружием и артиллерией, начато формирование саперных подразделений и военной промышленности. Соблюдались государственная монополия на приобретение и продажу огнестрельного оружия и

боеприпасов. Но из-за неравномерности социально-политического развития, из-за сохранения отсталой феодальной системы в армии не удалось устранить ряд архаических черт: отсутствовали служба снабжения, взаимодействие частей и подразделений, слабо привлекалось к военной службе население за пределами Высокого плато. Боеспособность малагасийской армии подтвердила первая франко-малагасийская война 1883-1885 г.

Содержание государственного аппарата и армии требовало значительных денежных затрат, не покрывавшихся налогами с населения и таможенными пошлинами. Немалый доход государственной казне приносила импортно-экспортная торговля. С начала 70-х годов объем внешней торговли постоянно увеличивался. Если в 1873 г. импорт оценивался приблизительно в 300 тыс. фр., а экспорт — 450 тыс. фр., то в 1882 г. — соответственно в 2 млн. и 4,8 млн. фр., а в 1894 г. — в 7 млн. и 10,5 млн. фр. В стоимостном выражении экспорт всегда превышал импорт [79, с. 280—281]. Основные импортируемые товары - вооружение, боеприпасы, ткани, алкогольные напитки, изделия из металла, соль. Основные экспортные товары — продовольствие, скот, кожи, каучук, воск, рафия, копра, ваниль, гвоздика, перец, кофе (в Европу), трепанги (в Китай), раковины каури (на Занзибар). Основные контрагенты Мадагаскара - Англия и Франция с колониями, США, Германия [182, 212—213]. Из-за отсутствия дорог товары доставлялись к портам носильщиками. Каждый из них покрывал расстояние от Таматаве до Антананариву в 250 км и с грузом в 40 кг за 5—30 дней. Стоимость переноски одной тонны груза в 1890 г. оценивалась в 250 ариари [134, с. 350, 355]. Носильщики были одной из первых групп наемных рабочих, появившихся на Мадагаскаре в последней трети XIX в.

Другой важной статьей доходов Малагасийского государства было горное дело, практически отданное на откуп европейцам. Так, крупнейшие золотые прииски в районе Маеватанана, по соглашению от 2 декабря 1886 г., были отданы в концессию Л. Сюберби на кабальных условиях: казна получала лишь 10 % прибылей и до 1890 г. малагасийцам запрещалось заниматься старательством. 27 марта 1890 г. премьер-министр разрешил вободную разработку золотоносных месторождений. Одновременно были разосланы „Инструкции губернаторам Имерины по добыче золота“, в которых говорилось, „что все работоспособные мужчины и женщины в золотоносных районах обязаны заниматься добычей золота“. Его скупка стала государственной монополией [21, с. 45].

Еще в конце XVIII в. на территории Имерины действовало значительное количество небольших рынков, существовало специальное законодательство, регулировавшее торговлю. Все возраставшая специализация в сельском хозяйстве и ремесле, появление крупных предприятий, производивших продукцию только на рынок, втягивание сельского населения в товарно-денежные отношения через введение денежных налогов, значительный объем внешней и внутренней торговли послужили предпосылками к созданию единого рынка на территории Имерины с центром в Антананариву в последней трети XIX в. Что касается общемалагасийского рынка, то он только начинал складываться, постепенно втягивая в сферу влияния отдельные районы восточного и западного побережья. Хозяйство севера и юга острова оставалось полунатуральным. Малагасийские власти вкладывали значительные суммы в образование, особенно в начальное техническое, и в обучение ремеслам. Молодежь, посылаемую в Англию, Францию, на Маврикий, обязывали овладеть каким-нибудь ремеслом или получить знания в технических дисциплинах, медицине и т. д. [175, с. 13].

Внешняя политика африканских государств, в том числе Мадагаскара, является одной из самых малоизученных проблем доколониальной истории. До сих пор даже в работах советских историков, за исключением монографии А.С. Балежина [105], африканские государства продолжают оставаться объектами международной дипломатии. А ведь некоторые страны - Эфиопия, Буганда, Бенин, Мадагаскар, Занзибар - проводили активную внешнюю политику, имели собственную дипломатию.

Еще до начала первых регулярных контактов с Европой государство Имерину посещали посольства государственных образований Буйна и Менабе, заключали

соглашения. Первый договор с европейской державой — Англией был подписан 23 октября 1817 г.

Чтобы утвердиться на Мадагаскаре, Англия попыталась подчинить своему влиянию Радаму I. По англо-малагасийскому договору в обмен на отказ от работорговли Радама I был признан „королем“ Мадагаскара, получил значительную помощь золотом и серебром, огнестрельным оружием. Английское содействие позволило ему создать хорошо вооруженную армию [174, с. 57-59]. В начале 30-х годов Ранавалуна I разорвала договор с Англией.

Мадагаскар стремился к установлению отношений не только с Европой, но и со своими соседями. Так, в 1833 г. Ранавалуна I послала посольство на Занзибар с целью наладить дружеские отношения между двумя странами. В 1834 г. в Антананариву прибыл представитель султана и пробыл на Мадагаскаре несколько лет. Малагасийцев Занзибар интересовал прежде всего как торговый партнер, чтобы через него закупать вооружение, боеприпасы и необходимые изделия европейского производства [25, с. 158-166; 184].

В 1836 г. королева направила в Англию и Францию посольство и обратилась с письмами к английскому и французскому королям, в которых выражалась надежда на установление дружеских отношений, дальнейшее развитие торговли и взаимопонимания [25, с. 168; 83, с. 67-68]. Основная цель посольства — добиться прекращения вмешательства в управление портовыми городами Малагасийского государства, попытаться увеличить объем торговли и купить корабль водоизмещением 300—600 т, вооруженный современными пушками [18, с. 35-36]. Требования малагасийцев не были удовлетворены, а в проект договора, предложенного С. Пальмерстоном, были включены статьи, не приемлемые для малагасийской стороны, — о праве британских подданных приобретать земельную собственность, о предоставлении им права свободной торговли по всей стране, о распространении христианского учения [18, с. 36].

В 1845 г. командиры совместной англо-французской эскадры предъявили Малагасийскому государству список территориальных претензий, После отказа их рассмотреть эскадра подвергла бомбардировке Таматаве и попыталась высадить десант. Это военное нападение было отражено малагасийским гарнизоном [83, с. 204-205]. В ответ Ранавалуна I запретила торговлю с Англией и Францией, прекратила поставки продовольствия на близлежащие острова и передала право на монопольную торговлю американцам, которым они и пользовались до 1854 г. Торговые отношения с Англией и Францией возобновились только в 1853 г., когда купцы с Маврикия и Реюньона выплатили 15 тыс. ариари компенсации.

Потерпев поражение в прямом натиске на остров, европейцы начали искать обходные пути. 28 июня 1855 г. наследный принц Ракуту, будущий Радама II, подписал договор, так называемую Хартию Ламбера, по которой в обмен на обещание поддержки со стороны Франции он согласился на создание компании с очень широкими полномочиями [25, с. 135—136]. После прихода Ракуту к власти в 1861 г. было оформлено аналогичное содержанию соглашение с англичанином Колдуэлом. На их основе были заключены договоры с Францией 12 сентября 1862 г. и с Англией 5 декабря 1862 г. Тексты договоров близки по содержанию. Французские граждане имели право свободно покупать, продавать, арендовать и сдавать в аренду любые земли на Мадагаскаре (ст. 4), обладали иммунитетом (ст. 5), свободой передвижения (ст. 2), свободой отправления религиозных культов (ст. 3), отменялись полностью таможенные пошлины (дополнительная статья) [19, с. 95-100]. Правда, такие же привилегии распространялись на малагасийцев во Франции, что создавало иллюзию равноправия. Подобные договоры были заключены в свое время Францией с королем Сиама и Англией с имамом Маската и положили начало закабалению этих государств.

После свержения и убийства Радамы II, несмотря на то что договоры не были ратифицированы ни в Европе, ни на Мадагаскаре, перед малагасийской дипломатией встала трудная задача аннулирования подписанных соглашений и замены их новыми, В

июле 1863 г. начались переговоры. Наполеон III передал личное послание королеве, но переговоры зашли в тупик [163, с. 236]. 23 сентября 1863 г. малагасийская сторона отвергла ультиматум с требованием заплатить 1 млн. ариари за отказ от „Хартии Ламбера“. Переговоры были прерваны, Франция разорвала дипломатические отношения с Мадагаскаром,

23 ноября 1863 г. из Таматаве выехало малагасийское посольство во главе с Райнифирингой, направившееся в Лондон и Париж [25, с. 215-229]. В Англии делегация получила поддержку, и договор был объявлен недействительным под предлогом того, что Радама 11 заключил его без совета со своим окружением и премьер-министром и к тому же в состоянии сильного опьянения [163, с. 237]. Новый договор с Англией был подписан 30 июня 1865 г. Он состоял из 19 статей и предусматривал свободу передвижения и торговли для английских подданных по всей территории острова, Они имели право арендовать земельные участки и строения, на них распространялись все те привилегии, которые были предоставлены гражданам других национальностей (2 ст.), им гарантировалась свобода распространения христианства, образования (ст. 3), таможенные пошлины на все виды английских товаров устанавливались на уровне 10 % (ст. 7) [25, с. 232-236].

Во Франции малагасийской делегации ничего не удалось добиться, хотя Райнифиринга располагал таким серьезным аргументом, как объявление недействительным англо-малагасийского договора 1862 г. Французская сторона соглашалась начать переговоры только после удовлетворения претензий компании, созданной после подписания „Хартии Ламбера“ [84, с. 288]. В результате Райнилайаривуни пришлось согласиться на выплату компенсации, хотя она и была снижена с 1 млн. ариари до 200 тыс. Договор с Францией был заключен 21 августа 1868 г. Он состоял из 24 статей и по содержанию был аналогичен англomалагасийскому договору 1865 г. [25, с. 240-244].

С 60-х годов XIX в. стали развиваться дипломатические отношения с США. Позиции американских торговых компаний значительно усилились в 50-х годах. В 1862 г. на Мадагаскар был направлен первый американский консул Ж. Ксаве, который после заключения англо-малагасийского договора 1865 г. начал переговоры о достижении подобного соглашения и с США, Уже 14 февраля 1867 г. в Антананариву был подписан американо-малагасийский договор, в основных чертах повторивший англomалагасийский [25, с. 237-239]. В последующие 15 лет американо-малагасийские отношения продолжали развиваться, и в мае 1881 г. Равунинахитриниариву, министр иностранных дел, и Робинсон, консул США, подписали в Таматаве новый договор, который состоял из 13 статей и 89 параграфов. Не неся в себе ничего принципиально нового, договор о дружбе, сотрудничестве и торговле расширял и конкретизировал ранее достигнутое соглашение [26, с. 156-166]. За договором о дружбе стояли интересы американских торговых компаний. При этом провозглашенное в нем равенство сторон было более выгодно США, так как Малагасийское государство не имело никаких интересов на Американском континенте. Тем не менее для правительства Мадагаскара договор стал средством давления на Англию. В 1881 г. ей пришлось согласиться на пересмотр ст. 5 договора 1865 г. В результате были урезаны права английских подданных на аренду земель, строений и т. д. [26, с. 168—169].

Когда малагасийскому правительству стало ясно, что Франция ведет активную подготовку к войне с Мадагаскаром [13, с. 105-106], в Европу и США было направлено посольство во главе с Равунинахитриниариву [26, с. 107]. Основная цель миссии - попытка дипломатическими средствами урегулировать разногласия с европейскими государствами, в первую очередь с Францией. Другая задача заключалась в привлечении на свою сторону общественности посещаемых стран, сборе информации о расстановке политических сил в Европе, в заключении контрактов на поставки вооружения и привлечении на остров военных советников.

В октябре 1882 г. малагасийское посольство прибыло в Париж [177, с. 218]. Французская делегация на переговорах состояла из двух высокопоставленных сотрудников министерства иностранных дел и начальника штаба морского министерства [40, 1883, № 23, с. 51]. Равунинахитриниариву намеревался решить спорные вопросы путем переговоров, но уже на первом заседании глава французской делегации обвинил малагасийцев в нарушении договора 1868 г. Французские представители потребовали признания французского протектората над севером острова, включая портовые города Мадзунга и Вухемар, и были склонны обсуждать лишь „исторические права" Франции на Мадагаскар [40, 1883, № 25, с. 58-59].

Аргументация малагасийских представителей основывалась на инструкциях Райнилайаривуни, основное содержание которых сводилось к следующему. С 1810 г. Мадагаскар представляет собой единое государство, правительство которого имеет право действовать по своему усмотрению в любом районе острова. Со времени правления Радамы I население севера входит в состав Малагасийского государства и выплачивает налоги. По договорам 1862 и 1868 гг. с Францией была признана власть малагасийских суверенов над всем островом без каких-либо оговорок. За территории, переданные в концессию по „Хартии Ламбера", была выплачена компенсация в 200 тыс. ариари [26, с. 107-109].

26 ноября на заключительном заседании французская делегация предъявила ультиматум и в оскорбительной форме потребовала его немедленного и безоговорочного принятия [26, с. 129—130]. В такой обстановке Равунинахитриниариву отказался вести переговоры и даже не подписал протокол заседания. Тем же вечером малагасийцы отбыли в Лондон [177, с. 225—227].

В ходе консультаций с английским правительством малагасийцам не удалось добиться прямого осуждения агрессивных действий Франции. Англия не обещала прямой поддержки Малагасийскому государству. Для нее Мадагаскар был лишь „разменной монетой" в большой политической игре. Но английские правящие круги дали понять, что Англия не оставит Малагасийское государство без поддержки [28, с. 643]. Вероятно, малагасийцы могли рассчитывать, как минимум, на дружественный нейтралитет Англии в предстоявшем конфликте.

3 марта 1883 г. малагасийская делегация прибыла в Нью-Йорк. В Вашингтоне делегация была принята президентом США Ч. Артуром, государственным секретарем Ф. Ф. Фрелингаузеном. Во время пребывания посольства американский сенат ратифицировал американо-малагасийский договор 1881 г., президент подписал его, и 12 марта произошел обмен ратификационными грамотами [26, с. 143-147; 31, с. 193-198; 215, 16.03.1883],

Немалые надежды Равунинахитриниариву возлагал на Германию как на возможный „противовес" колониальной политике Франции. В ходе переговоров 14 мая 1883 г. был заключен договор (впоследствии не одобренный Бисмарком и не ратифицированный), по которому Германии предоставлялись права наибольшего благоприятствования. Несмотря на требования французского посла в Берлине, в него не была включена статья об особых привилегиях Франции на острове. Договор предусматривал открытие немецкого консульства на Мадагаскаре [26, с. 170-171]. Из Германии посольство выехало в Италию, где были заключены конвенции между Италией и Мадагаскаром [26, с. 171-172].

Несмотря на то что европейско-американское турне малагасийского посольства не принесло желаемых результатов, оно имело большое значение для Мадагаскара. Выяснив расстановку сил на международной арене, правительство Мадагаскара уяснило, что в будущем конфликте можно рассчитывать на дипломатическую, моральную поддержку Англии и Соединенных Штатов, а возможно, и на поставки вооружения и боеприпасов из этих стран, что Берлин и Рим не заинтересованы в усилении Франции. Кроме того, было закуплено оружие в Германии, осуществлена вербовка военных советников в Англии, укреплен внешнеполитический престиж Малагасийского государства и расширены

дипломатические связи.

Во время пребывания посольства общественность Европы и США не без удивления узнала, что на Мадагаскаре существует христианское государство, которое имеет законное правительство во главе с премьер-министром, правосудие, развитую систему начального образования — словом, все, что тогда подразумевалось под стереотипом „цивилизованное государство“. В 1881 г. в Лондоне при активной поддержке миссионерских организаций, особенно Лондонского миссионерского общества, был организован Комитет Мадагаскара, включивший в свой состав политических и религиозных деятелей, в том числе членов парламента [177, с. 227] . Деятельность комитета стала особо заметной после прибытия в Европу малагасийской делегации в 1882 г. Комитету удалось опубликовать ряд статей в различных английских газетах, организовать многочисленные запросы в парламенте [45, т. 274, с. 1304-1305, 1544, 1720-1721; т. 275, с. 127; т. 277, с. 1154-1155; т. 278, с. 301-307, 1058-1059], провести митинги, на которых обсуждались французские претензии [60, с. 66, 102] . Возможно, с помощью комитета был налажен выпуск сборников документов малагасийского правительства типа „синих“ и „красных“ парламентских книг. Сами малагасийцы также принимали участие в пропагандистской кампании. В июне 1883 г. посольство направило сообщение в Ассоциацию английской прессы, в котором кратко излагалась история Мадагаскара. Особо акцентировалась несостоятельность французских претензий на остров [215, 22.06.1883]. Англо-малагасийские дипломатические отношения продолжали развиваться и во время войны, что подтверждает соглашение о свидетелях, подписанное 1 июля 1884 г., в котором были даны разъяснения процедурных вопросов ведения судебных дел между малагасийскими и английскими подданными [29, с. 1042-1044] .

Отношения с Англией оставались дружественными до августа 1890г., когда Англия (в ноябре 1890г. Германия) признала протекторат Франции над Мадагаскаром. Малагасийское правительство пыталось оспорить результаты англо-французского соглашения от 5 августа 1890 г., так как оно противоречило ранее заключенным договорам с Англией и Францией [180, с. 130], даже затеяло переписку с Форин Оффис [163, с. 278-279]. В самой Великобритании многие не одобрили данное соглашение. Королеве Виктории были направлены петиции от религиозных деятелей, англиканского епископа Мадагаскара, британских торговых компаний с требованиями его отмены [176, с. 103]. Только США официально не признали протекторат и продолжали снабжать малагасийцев, оружием, боеприпасами и всем необходимым для борьбы против французской агрессии. Американский консул на Мадагаскаре С. Уоллер, негр, был осужден французским военно-полевым судом на 20 лет каторжных работ по обвинению в шпионаже в пользу Малагасийского государства [63, т. 1, с. 124; 76, с. 439-440].

Таким образом, основная цель действенной внешней политики Малагасийского государства заключалась в сохранении независимости Мадагаскара, борьбе дипломатическими методами против колониального завоевания острова и другими развитыми капиталистическими государствами. Методы этой политики были довольно разнообразными. Основной — заключение договоров о мире, сотрудничестве и торговле. Малагасийское правительство умело использовало противоречия между Англией, Францией и США, извлекая для себя максимальную выгоду, выражавшуюся в закупках вооружения, боеприпасов, привлечении военных советников и получении технической помощи. Малагасийские делегации приезжали не с жалобами и не как просители, а как равноправные партнеры на переговорах и этим качественно отличались от посольств, направлявшихся из других районов Африки. Многие малагасийские государственные деятели имели хорошее образование. По мнению П. Мутибвы, автора фундаментального исследования об отношениях малагасийцев и европейцев, они использовали тот же дипломатический язык, каким он был в Лондоне, Париже или Вашингтоне [175, с. 13] .

Внешняя политика Малагасийского государства была самой развитой и действенной среди доколониальных государств Тропической Африки. Основная ее цель -

сохранение независимости и территориальной целостности. Она достигалась разнообразными средствами: признанием Малагасийского государства субъектом международного права, созданием внешнеполитического стереотипа цивилизованного христианского государства, заключением равноправных договоров с ведущими европейскими государствами и США, пропагандой достижения малагасийского общества, урегулированием конфликтов, грозящих перерасти в открытое столкновение с европейскими державами. Основным инструментом внешнеполитической деятельности было созданное в 1881 г. министерство иностранных дел, к работе которого были привлечены наиболее способные и образованные малагасийцы. Оно проводило различные дипломатические акции, способствовавшие укреплению суверенитета Малагасийского государства и направленные на укрепление его международного признания. Внешняя политика активно противодействовала попыткам подчинить Мадагаскар дипломатическим путем.

Глава третья

ФРАНКО-МАЛАГАСИЙСКАЯ ВОЙНА

Непосредственным поводом к войне Франция выдвинула так называемые исторические права на Мадагаскар. Расположение острова как удобного промежуточного пункта привлекало внимание французов еще в XVII в. В 1641 г. при активном содействии Ришелье капитан Риго основал Восточную компанию, первой целью которой стал захват Мадагаскара, 24 июня 1642 г. Риго получил от Людовика XIII свидетельство, провозглашавшее суверенитет Франции над африканским островом [185, с. 17], 20 сентября 1643 г. новый король Франции Людовик XIV подтвердил свой суверенитет над Мадагаскаром и предоставил Восточной компании концессию на остров с монопольным правом торговли в течение десяти лет. Уже на следующий год появились первые французские поселения, но они оказались нежизнеспособными, и малагасийцы вскоре уничтожили их. В 1664 г. Кольбер организовал Ост-индскую компанию, и эдиктом от 4 июня 1686 г. Людовик XIV провозгласил окончательное присоединение острова Мадагаскар [185, с. 17-18; 74, с. 68]. Людовик XV также подтвердил свое право на Мадагаскар и предоставил Ост-индской компании привилегии сроком на 50 лет. В 1774—1776 гг. Морис Август Беневский вновь провозгласил остров французским владением под властью Людовика XVI. Наполеон отдал распоряжение генералу Декану об организации колонии на острове [185, с. 18; 74, с. 68, 79; 54].

За время наполеоновских войн Франция лишилась всех немногочисленных форпостов на Мадагаскаре и окружающих островах, так как Англия взяла курс на ликвидацию всех ее заморских владений. После реставрации Бурбонов был восстановлен контроль над некоторыми портовыми городами, но в 1820-1825 гг. французские войска были вытеснены с острова армией Радамы I.

Мадагаскар интересовал Францию как переселенческая колония. Кроме того, она нуждалась в гарантированном ввозе „колониальных товаров“, прежде всего сахара и рома, а также в стоянках для своего военного и торгового флота. Природные условия обширных регионов были благоприятны для европейцев. К середине XIX в. в Европе сложился миф о необычайном богатстве минеральных ресурсов острова, о рае на земле. Так, Ю. Эскан, бывший чиновник морского и военного министерств, знавший Мадагаскар только понаслышке, в „Истории и географии Мадагаскара“ описал огромный угольный бассейн на северо-западе острова, по площади равный всем французским; сельскохозяйственные культуры, в том числе пшеницу и виноград, которые не нуждаются в обработке; золото, серебро, медь, алмазы, ценные породы деревьев и многое другое [62, с. 399—404; 78, с. 129-131].

В начале 80-х годов во Франции пришедшее к власти правительство во главе с Ж.

Ферри приняло решение приступить к завоеванию Индокитая и Мадагаскара. Для войны нужен был повод, и французы „вспомнили" о договорах, заключенных в основном в 40-х годах XIX в.: с Циумека, бывшей „королевой" сакалава, сосланной на Нуси-Бе, с Цимандруху, бывшим правителем Вухемара, с бывшим правителем антанкарана Цимихару и т. д. (при этом „забыли", что в преамбуле Договора о мире и торговле 1868 г. между Францией и Мадагаскаром королева Имерины признавалась властительницей всего острова [25, с. 112—113]). К претензиям французской стороны относились и „незаконные" действия Малагасийского государства, организовавшего несколько военных постов на севере острова [147, с. 184].

29 мая 1882 г. французский консул Бодэ покинул Антананариву и, не дожидаясь распоряжений из Парижа, отдал приказ французской эскадре уничтожить малагасийские посты и флаги в бухте Ампасиндава на северо-западе Мадагаскара. Одновременно французские корабли воспрепятствовали перевозке войск королевы на корабле „Антананариву" [60, с. 62—63; 177, с. 208], Малагасийцы не пошли на открытый конфликт, всеми средствами пытаясь оттянуть прямое военное столкновение с Францией.

27 апреля 1883 г. палата депутатов французского парламента проголосовала за предоставление кредитов на проведение колониальной экспедиции [34, 1883, т. 1, с. 1055]. Франция без объявления войны напала на Мадагаскар. 7 мая 1883 г. эскадра под командованием адмирала Пьера, имевшая на борту около 1 тыс. солдат, предъявила ультиматум небольшому военному посту Ануруцангана на западном побережье Мадагаскара. Военные планы Франции на Мадагаскаре предусматривали капитуляцию малагасийцев после бомбардировки с моря и высадки десанта. Французы считали, что можно обойтись без дорогостоящей экспедиции в центр острова. Французское военное командование намеревалось использовать местное население, добровольцев с Реюньона и войско султана Коморских островов в военных действиях против малагасийцев [215, 18.05.1883]. Цели, поставленные перед экспедицией, были раскрыты в инструкции, полученной адмиралом Пьером на Занзибаре. Предполагалось уничтожить все посты на северо-западном и северо-восточном побережье, захватить порты Мадзунга и Таматаве, заставить признать права Франции на протекторат над северной частью острова. Предъявив ультиматум, Пьер должен был, в случае несогласия малагасийского правительства, ждать новых инструкций [88, с. 112-113].

Малагасийские руководители знали о планах Франции, 3 января 1883 г. Райнилайаривуни пригласил к себе группу иностранцев и заявил, что, поскольку Франция ведет подготовку к войне, правительство намеревается взять под защиту жизнь и собственность иностранных граждан и рекомендует им перебраться в столицу. Тем же числом помечены секретные инструкции губернаторам трех крупнейших портовых городов о возможности французского нападения и о мерах защиты [26, с. 179]. В феврале малагасийское правительство запретило передвижение иностранцев по острову, под особый контроль был взят порт Таматаве [215, 22.02.1883]. К отражению агрессии готовились открыто, но перевооружение армии закончить не удалось, запасов снарядов и патронов было недостаточно, В марте 1883 г. была предпринята последняя попытка мирно урегулировать конфликт. Ранавалуна II просила руководителей ведущих стран Европы и США оказать нажим на Францию под предлогом того, что во время бомбардировки и захвата Таматаве могло бы пострадать крупнейшее на Мадагаскаре европейское поселение [26, с. 182, 184; 215, 15.03.1883].

Уже 8 марта Райнилайаривуни направил Райнандриамам-пандри секретные инструкции, в которых намечались меры по борьбе с французским десантом, уменьшению потерь при обстреле корабельной артиллерией, способы создания препятствий для продвижения французских войск в глубь острова [26, с. 180-181].

В течение мая эскадра обстреляла и захватила ряд портов и прибрежных постов и 31 мая прибыла в Таматаве, 1 июня адмирал Пьер вручил ультиматум, текст которого он получил 17 марта на Занзибаре. Основные требования ультиматума сводились к

признанию протектората над севером Мадагаскара, выплате компенсации французским подданным и к требованию гарантий выполнения франко-малагасийского договора 1868 г. [40, 1884, № 5, с. 27-29; 25, с. 37-39].

Получив ультиматум, Райнилайаривуни срочно созвал кабари, на котором выступила королева. В своей речи она подчеркнула, что Мадагаскар ей завещали предки, что французы это признали в 1868 г., а сейчас требуют третью часть острова. 17 июня были разосланы инструкции. Местным властям вменялось в обязанность произвести дополнительный набор в армию, разрешалась свободная продажа в неограниченном количестве огнестрельного и холодного оружия, пороха и патронов [173, с. 77-78].

5 июня временно исполняющий обязанности министра иностранных дел Андриамифиди ответил французским представителям: „Правительство королевы Мадагаскара извещает, что не может вести переговоры. Оно желает знать ваш окончательный ответ на вопрос о суверенитете королевы Мадагаскара..." [38, № 37]. 10 июня Таматаве после бомбардировки был захвачен. Пьер ввел осадное положение, запретил деятельность иностранных консульств, объявил о высылке всех английских подданных, запретил высаживаться на берег экипажу единственного английского военного корабля „Дриада“.

Первая реакция малагасийского правительства на начало боевых действий была выражена в директиве Райнилайаривуни всем губернаторам прибрежных городов о запрещении продажи продовольствия иностранцам, не исключая и торговые корабли. Премьер-министр рассчитывал, что недостаток продовольствия может сыграть определенную роль в войне. Одновременно Райнилайаривуни обязал губернатора портового города Махануру, где находился британский консул, не чинить препятствий поставкам всего необходимого на английские корабли. Из страны были высланы французские миссионеры. Французов, застигнутых войной, отправили в Таматаве, снабдив охранными документами [166, с. 318], Собственность выехавших иностранцев охранялась от разграбления и разрушения.

После обстрела Таматаве малагасийский гарнизон без боя оставил город. Часть его отступила к деревне Мандзакандриан-умбана (в ее окрестностях находился укрепленный район Фара-фата) в шести километрах от Таматаве, другая — к Ивундру, первой остановке на пути к Антананариву. Французские войска укрепились в пригородах Таматаве [88, с. 121].

В течение июня эскадра под командованием адмирала Пьера подвергла бомбардировке портовые города и военные посты северо-восточного и северо-западного побережий [88, с. 121— 122], Малагасийцы, как правило, не вступали в бой на побережье, где французов всегда могли поддержать артиллерийским огнем корабли эскадры, а отходили от берега. Здесь они строили новые посты и препятствовали любому продвижению в глубь страны. К сожалению, в источниках содержится мало упоминаний о народном сопротивлении. Тем более ценны отдельные упоминания о подобных фактах. Так, в ноябре 1883 г. сакалава, чьи „права" так активно „защищала" Франция (они населяли северо-западное побережье), начали вести активную вооруженную борьбу против французских войск и организовали даже отряды самообороны. При первых столкновениях сакалава были разбиты, а их остатки присоединились к регулярным малагасийским подразделениям [161, с. 79], Один из правителей антанкарана был убит во время сражения с отрядом интервентов, которые были вынуждены отступить [132, с. 186],

Поначалу Англия уклонялась от прямого вмешательства в события на Мадагаскаре, Окончательно ее позиция определилась после незначительного инцидента с английским миссионером Г. Шоу, обвиненным Пьером в отравлении французских солдат. Арест Г. Шоу обсуждался в английском парламенте, министерством иностранных дел был выражен энергичный протест по поводу бесчинств французской эскадры в Таматаве [40, 1884, № 23, с. 30]. Адмирал Пьер был отозван. Г. Шоу выплатили компенсацию в 1 тыс. ф. ст. и принесли извинения [93, с. 265—266; 163, с. 259-261]. Английское правительство

показало, что готово поддержать борьбу малагасийцев, перенесло консульство из Таматаве на 200 км южнее, в порт Махануру, назначило вице-консула в Антананариву и разрешило дальнейшие поставки вооружения на Мадагаскар [215, 20.06.1883; 221, 27.05.1883]. Протестантские храмы (находившиеся в основном под контролем английских миссионерских организаций) передали Малагасийскому государству 100 тыс. фр. [156, с. 159].

Малагасийцы не смирились с потерей Таматаве. Они постоянно проникали в город, пытались осуществлять диверсионные акты, занимались разведкой французских позиций. После такой подготовки 26 июня было совершено первое крупное нападение на Таматаве, которое, правда, не принесло успеха. 5 июля малагасийские войска повторили атаку, а в ночь с 15 на 16 июля 1883 г. они предприняли трехчасовой штурм города и французских позиций. Огонь эскадры не позволил наступающим добраться до линии траншей и нанес им серьезные потери [58, с. 157-158; 87, с. 1075].

Тогда малагасийцы прибыли к тактике партизанской войны. В окрестностях Таматаве они устраивали засады на небольшие группы французов, проводивших рекогносцировку местности, или на фуражиров. Полковник Шервингтон, один из английских военных специалистов, свидетельствовал, что вовремя подобных стычек малагасийцы приобретали необходимый боевой опыт. Часто они выходили победителями, захватывали пленных [87, с. 1075-1076]. О численности французских пленных, захваченных до осени 1885 г., не говорится ни в одном из доступных источников и работ. Тем не менее они были: так, 4 февраля 1884 г. в малагасийский лагерь был направлен парламентар Кампан, чтобы вступить в переговоры об обмене военнопленными [40, 1886, № 7, с. 11; 161, с. 80]. Об эффективности этой тактики малагасийцев можно судить по приказу капитана первого ранга Витса, командующего гарнизоном порта Мадзунга: всем французским военнослужащим без исключения запрещалось удаляться более чем на три километра от передовых позиций [58, с. 176]. Малагасийцы пресекали все попытки французов наладить контакты с жителями побережья [40, 1886, № 21, с. 113].

22 сентября 1883 г. новый командующий адмирал Галибер принял эскадру. Хотя он и считался сторонником решительных действий, но с небольшим контингентом морской пехоты (850 человек) не стал проводить активных операций на суше [87, с. 1077]. Адмирал отослал часть эскадры на север, где она обстреляла порт Вухемар и некоторые военные посты. Малагасийцы решительно противодействовали французским намерениям продвинуться в глубь острова и укрепиться там. К концу 1883 г. сложилось относительное равновесие сил, которое Галибер надеялся нарушить после прибытия подкрепления из Франции и добровольцев с Реюньона. Поэтому адмирал согласился на предложение малагасийской стороны вступить в переговоры.

В ноябре 1883 г. состоялась встреча губернатора Таматаве, бывшего заместителя министра иностранных дел, талантливого дипломата, полководца, писателя, историка Райнандриампандри с Галибером и французским консулом Бодэ, Французы требовали признания Малагасийским государством договоров, заключенных с сакалава в 1841 и 1842 гг. Согласно этим договорам, под протекторат Франции отходила территория между мысом Амбр на севере и 16-й параллелью на юге, включая порт Мадзунгу и его акваторию [26, с. 209-212].

Райнандриампандри отверг французские требования. Основываясь на инструкциях, полученных из Антананариву, он составил и 26 ноября 1883 г. передал на рассмотрение французской стороне проект договора. Малагасийцы соглашались на свободную аренду земли на любой срок по договоренности между владельцем и арендатором, на выплату суммы в 200 тыс. фр. качестве компенсации за различные требования французов в течение последних 20 лет. Малагасийское правительство отказывалось рассматривать любые территориальные претензии, хотя было готово выплатить определенную сумму, чтобы положить конец всем противоречиям между двумя государствами. Французские представители не согласились обсуждать проект

договора [26, с. 213-214] . Получив подкрепления, Галибер начал готовиться к активным боевым действиям.

14 января 1884 г. 400 французских солдат и добровольцев с Реюньона с пятью полевыми орудиями провели разведку боем укрепленного района Фарафата. Поддержанные огнем корабельной артиллерии, они тем не менее не смогли приблизиться к малагасийским позициям из-за прицельного ружейного огня. Разведка боем показала, что численности гарнизона недостаточно для штурма укрепленного района [57, с. 14; 88, с. 178] ,

Когда французское правительство поняло, что добиться быстрой победы над малагасийцами невозможно, оно решило провести второй тур переговоров, Накануне этих переговоров Ж. Ферри послал Бодэ телеграмму с новыми инструкциями: „Для быстрейшего заключения соглашения вам разрешается из нашего проекта договора исключить все статьи, в которых упоминается о признании наших прав на весь остров или на его часть. Достаточно следующего: правительство мерина обязуется не занимать территорию и не осуществлять никаких действий в районе, который стал объектом соглашений между Францией и сакалава в 1841 и в 1842 гг. Если будет необходимо, вы можете согласиться на эвакуацию Мадзунги, сохранив за нами только север острова — от Вухемара до Ануруцанганы включительно. В любом случае Мадзунга и Таматаве останутся оккупированными до уплаты оговоренной суммы" [40, 1886, № 1, с. 1] . 21 февраля 1884 г. открылся второй тур переговоров. Позицию малагасийской стороны изложил Райнандриампандри. Он заявил, что переговоры могут быть продолжены при условии признания суверенитета королевы над всем островом. Райнандриампандри мотивировал это тем, что сакалава ни по своему географическому местонахождению, ни по политическому положению не могут рассматриваться как самостоятельный народ Требуемая французами территория была присоединена Радамой I в 1824 г., а франко-малагасийский договор 1868 г. закрепил это [40, 1886, № 13, с. 58-59].

Но Бодэ и Галибер оказались плохими дипломатами. Суть переговоров удачно отражена в реплике Райнандриампандры: „Вы утверждаете, что, несмотря на полномочия, вы не можете изменить инструкцию премьер-министра. Мы же не можем уступить вам Мадагаскар. Мы желаем знать, что вы хотите" [38, № 53]. Кроме того, было отмечено, что часть территории, о которой шла речь, населена не сакалава, „защитниками" которых выступали французы, а бецимисарака [38, № 53]. Действия Райнандриампандри ободрил Райнилайаривуни. Переговоры с перерывами продолжались до мая [38, № 54].

После неудачного окончания переговоров Райнилайариву ни обратился к американскому президенту с просьбой возглавить международную комиссию по арбитражу, которую предполагалось создать для мирного разрешения конфликта. Призыв не нашел поддержки крупнейших государств мира.

Недовольное неумелыми и нерешительными действиями адмирала Галибера французское правительство отозвало его во Францию и заменило адмиралом П. Э. Мио.

24 марта 1884 г. палата депутатов 437 голосами против 26 одобрила новые кредиты на продолжение войны в размере свыше 5 млн. фр. Одновременно была создана парламентская комиссия по Мадагаскару, во главе которой встал активный сторонник захвата острова, депутат от Реюньона Ф. де Май [88 с. 188].

Адмирал Мио также был сторонником решительных действий. 9 мая 1884 г., на следующий день после принятия коман дования, он направил донесение министру военно-морского флота о том, что отказался вести переговоры. Мио заявил малагасийским парламентарам, что прибыл сюда не обсуждать права Франции, а устанавливать их. Однако немедленные боевые действия адмирал считал бесполезными и неоправданными из-за нехватки личного состава [40, 1886, № 19, с. 110].

Планы ведения войны, составленные Мио, включали захват помимо Таматаве и Мадзунги портов Тулеар, Форт-Дофин на юге острова, портов Вухемар и Фулыгуэнт на

восточном побережье, порта Амбундру на западном побережье, бухт Ампасин дава на западе, Диего-Суарес на севере и Антонжиль на северо-востоке, городов Марувуй и Маеватанана на западе острова (промежуточных пунктов по дороге к Антананариву), укрепленного лагеря Фарафаха [88, с. 189].

Малагасийское правительство следило за политической жизнью Франции. В „Газети малагаси“ оно прокомментировало сессию парламента следующим образом: „В конце марта в Париже в палате депутатов проводилось обсуждение военных действий против Мадагаскара. Некоторые депутаты говорили, что завоевать Мадагаскар чрезвычайно легко, поскольку 2,5 млн. в сакалава готовы помочь французам. С их помощью, следовательно, без всякого труда можно уничтожить 500 тыс. мерина. Как рассматривать такие выступления? И где они найдут 2,5 млн. сакалава? Если Франция надеется завоевать Мадагаскар руками сакалава, сражающихся против мерина, необходимо признать, что французы абсолютно не разбираются в политическом положении на нашем острове“ [162, с. 222—223].

Не имели успеха попытки Мио привлечь на свою сторону сакалава северо-запада. Среди них распространялись листовки, призывавшие местное население воевать на французской стороне. Сакалава остались равнодушны к этим призывам [161, с. 82].

Во Франции все еще не хотели реально оценивать возможность сопротивления малагасийского государства. Эти настроения усиливали отчеты Бодэ с Мадагаскара [85, с. 169]. Тем не менее П. Э. Мио продолжил переговоры и информировал малагасийскую сторону, что „правительство Французской Республики намерено завершить „малагасийские дела“ и не остановится ни перед какими препятствиями“. Затем он вручил новые требования: вывод малагасийских войск с севера острова, выплата контрибуции в размере 700 тыс. ариари и возмещение убытков всем иностранным гражданам, согласие на аренду и пересмотр договора 1868 г. [38, № 86]. „Передайте в Антананариву, - заявил Мио, - что, если мы не придем к соглашению, вы потеряете все“. Переговоры были прерваны, и стороны начали подготовку активных боевых действий.

В начале января 1884 г. на Мадагаскар прибыл бывший английский военный служащий Д. Уиллоуби. Он получил известность во время войны с басуто в 1880 г., а в 1893 г. участвовал в подавлении восстания ндебеле [102, с. 419]. Он был назначен командующим действующей армии, помощником Райнилайаривуни. Сразу же Д. Уиллоуби организовал лагерь для обучения малагасийских солдат в Илафи, близ Антананариву. В нем за время войны было подготовлено около 20 тыс. человек. Одновременно Д. Уиллоуби продолжал укрепление района Фарафата. Находившийся в труднодоступной болотистой местности, район был окружен линиями траншей [87, с. 1073]. Артиллерийское вооружение составили две горные пушки системы „витворт“, усовершенствованные митральезы системы „гочкис“, четыре-пять митральез местного производства, бронзовые нарезные пушки и восемь заряжающихся с дула гладкоствольных орудий, изготовленных в Мантасуа [145, с. 39]. Уиллоуби организовал систему огня. Под его руководством были сооружены блиндажи, предназначенные для защиты от артиллерийских обстрелов французской эскадры [140, с. 157]. Укреплениями командовал губернатор Таматаве Райнандриамампандри. С помощью европейских военных советников укрепления создавались и вокруг Мадзунги. П. Э. Мио писал, что малагасийцы построили форт и лагерь, окруженные линиями окопов [87, с. 1087].

Получив значительное подкрепление и доведя численность сухопутных сил в Таматаве до 1200 человек, П. Э. Мио перешел к решительным действиям. 28 июня 1884 г. весь гарнизон при поддержке шести полевых орудий и трех митральез предпринял штурм Фарафаты. Атака началась в шесть утра. Малагасийцам почти сразу же удалось подавить огонь французской артиллерии. Через два часа французы отступили, не дойдя до первой линии укреплений, 30 июня П. Э. Мио провел очередную разведку боем, чтобы отыскать наиболее уязвимые места укрепленного района Фарафаты [87, с. 1079]. 14 и 24 июля был совершен подобный штурм малагасийских позиций в районе Мадзунги, Французским

войскам пришлось отступить в город.

После безуспешных попыток продвижения на суше основными действиями французских войск стали блокада побережья, захват или разрушение небольших портов и военных постов. Для этой цели Ж. Ферри потребовал у палаты депутатов 5 млн. фр. В августе 1884 г. французская эскадра захватила бухту Ампасиндава, в ноябре – порт Вухемар, в начале 1885 г. - бухту Диего-Суарес. Закрепившись, они предприняли ряд неудачных атак на пост Амбухимарина с целью продвинуться в глубь острова. Последняя из них состоялась 12 апреля 1885 г. [58, с. 181— 182].

Действия эскадры не принесли успеха. Это признавали и сами французы. 25 октября 1884 г. консул Бодэ, находившийся при французских войсках, написал Ж.Ферри: „Я считаю своим долгом проинформировать ваше превосходительство о неэффективности блокады" [40, № 1886, 23, с. 117] . По всему южному побережью острова проводились погрузочно-разгрузочные работы, так как французская эскадра не имела достаточно сил, чтобы препятствовать им. Английские и американские суда не испытывали трудностей с выбором стоянки, особенно часто ис пользовались стоянки в Матитанана и Мурундава, куда были доставлены 10 тыс. карабинов системы „шнейдер". Неэффективность блокады подтверждается и ростом внешней торговли. Если в 1882 г. импорт составил 2 млн. фр., а экспорт - 5 млн., то в 1884 г. соответственно - более 4 млн. и 6 млн. фр. [79, с. 280-281].

Не увенчались успехом попытки набора вспомогательных войск из сакалава. Несмотря на официально полученную рекомендацию формировать подразделения из местных жителей, удалось набрать только роту. Вместо 600 обещанных с Реюньона добровольцев в войне участвовали 300 [58, с. 183-184].

Тем временем малагасийское государство укрепляло свою обороноспособность. Английскому консулу Х. Грейвсу была предоставлена возможность посетить ряд гарнизонов, а во время его пребывания в столице в июне 1884 г. был организован парад малагасийских частей, вооруженных современным стрелковым оружием. Консул отметил хорошую обученность малагасийцев [88, с. 223-226].

К середине 1885 г. французам стало ясно, что избранная тактика не принесла успеха. Наступило своеобразное равновесие сил, когда малагасийцы не в состоянии были воспрепятствовать обстрелу побережья и высадке десантов, а французы не могли продвинуться в глубь острова. Все крупные гарнизоны были прижаты к океану и находились в нездоровом для европейцев климате. Например, в Таматаве смертность среди болевших тропическими заболеваниями достигала 50 % [88, с. 129; 87, 1083]. Катастрофически не хватало продовольствия. Война принимала затяжной характер. Мио постоянно требовал подкреплений. Если в конце 1884 г. он просил 2 тыс. солдат, то через несколько месяцев - уже 4 тыс. [40, 1886, № 26, с. 127]. В самой Франции складывалась неблагоприятная внутривнутриполитическая обстановка для продолжения войны. 24 марта 1885 г. французские войска потерпели сокрушительное поражение при Лонгшоне в Индокитае, что привело к падению кабинета Ж. Ферри 28 июля 1885 г. Тем не менее в конце июля палата депутатов выделила свыше 12 млн. фр. для продолжения и активизации операций на Мадагаскаре [34, 1885, т. 2, с. 1089-1090].

Сторонники активной экспансионистской политики были чрезвычайно влиятельными и в правительстве, и в парламенте, но и они не могли не учитывать крайнюю непопулярность колониальных захватов у французской общественности. Для укрепления „престижа" этой политики был необходим крупный и быстрый успех. Поэтому основной задачей стал захват Мадагаскара или установление реального протектората над островом. Понимая, однако, что проведение крупномасштабных военных операций в сложившейся обстановке вряд ли поможет выиграть войну (и этим поддержит политику колониальной экспансии), французское правительство вновь попыталось путем переговоров навязать свои условия Малагасийскому государству.

Инициативу в посредничестве взял на себя итальянский консул Д. Мэгро, отправившийся в мае в Антананариву для ратификации договора между Мадагаскаром и

Италией. Райнилайа-ривуни согласился на переговоры, выслав Райнандриамампандри в Мандзакандрианумбана следующие инструкции: „Малагасийское государство согласится на протекторат при условии, чтобы само слово „протекторат" не упоминалось в тексте. Франция признает титул „королева Мадагаскара" и ее суверенитет над всем островом, Франция должна будет вывести все войска с территории острова..." [26, с. 271], Мио настаивал на употреблении слова „протекторат" во всех статьях договора. Переговоры вновь прервались 15 августа 1885 г.

Малагасийцы постоянно наносили удары по французским гарнизонам. Например, 21 ноября 1884 г. они попытались отбить Вухемар, 27 августа 1885 г. совершили налет на Мадзунгу. В начале июня 1885 г. Антананариву покинули 1 тыс. специально отобранных и обученных солдат под руководством английского военного советника Л. Шервингтона. Перед ними была поставлена задача: вернуть пост Амбухимадиру на побережье бухты Ампасиндава (северо-запад Мадагаскара), препятствовать французской активности в данном районе и нейтрализовать деятельность групп сакалава, перешедших на службу французам [87, с. 1088]. В начале октября 1885 г. отряд вернулся в Антананариву, разбив немногочисленные французские гарнизоны [92, с. 53-57].

После неудачи на переговорах французы вновь активизировали свои действия на восточном побережье. В их цели входило уничтожение малагасийских укреплений в районе Таматаве и продвижение по направлению к Антананариву. 10 сентября 1885 г. начался решающий штурм укрепленного района Фарафата, в 6 часов 30 минут утра эскадра и артиллерия сухопутных сил открыли огонь из тяжелых орудий по малагасийским позициям. За два часа было выпущено более 700 снарядов. П. Э. Мио разделил французские войска на две колонны в 1300 и 200 человек. Вторая колонна должна была наступать севернее Фарафаты на аванпосты малагасийцев, с целью оттянуть значительную часть сил из укрепленного района. Основная колонна под личным руководством адмирала в 8 часов утра начала штурм Фарафаты. Но сильный, хорошо организованный ружейно-артиллерийский огонь малагасийцев вынудил французов в 15,00 отойти к Таматаве. Французы потеряли знамя и более 40 человек убитыми и ранеными, включая пять офицеров. По малагасийской версии боя, изложенной в хронике основных событий первой франко-малагасийской войны, составленной С. Оливером, английским капитаном дальнего плавания и одним из крупнейших исследователей Мадагаскара конца XIX в., гарнизон Фарафаты составлял 8 тыс. человек, по французской - более 21 тыс. Через несколько дней малагасийцы попытались развить успех и захватить Таматаве, но французы отбили атаку [87, с. 1091-1092].

В результате стороны оказались на исходных позициях и начали искать пути к возобновлению переговоров. По просьбе французского командования итальянский консул Д. Мэгро вновь согласился передать малагасийскому правительству предложение о возобновлении переговоров [40, 1886, № 26, с. 125]. Еще 22 сентября Фрейсине направил проект соглашения с Малагасийским государством, состоявший из 21 статьи. Основные требования были следующие. Мадагаскар становится французским протекторатом, а правительство Франции представляет его во всех внешних отношениях. Реальное право на выдачу концессий и на различные виды аренды переходит к генеральному резиденту. Франция сохраняет свое присутствие севернее линии бухта Ануруцангана на западном побережье - порт Вухемар на восточном. Только французский вариант текста является официальным [40, 1886, №35, с. 136-139],

Переговоры о заключении мирного договора начались в ноябре 1885 г. Малагасийскую делегацию возглавлял Д. Уиллоу би и сын премьер-министра Райнизанаманга, французскую — адмирал П. Э. Мио и консул Г. Патримонио, имевший огромный дипломатический опыт и специально вызванный с Ближнего Востока. В ходе переговоров французы отказались от большинства первоначальных требований, которые они выдвигали в начале войны.

Что происходило во время переговоров и насколько добросовестно Уиллоуби их

вел - неизвестно. Договор был подписан 17 декабря 1885 г, и ратифицирован малагасийской стороной 10 января 1886 г. (на следующий день после подписания приложения), французской - 27 февраля 1886 г. [25, с. 276-280; 40, 1886, с. 175-178].

Мирный договор состоял из 19 статей и приложения. Статья 1 гласила, что „правительство Французской Республики будет проявлять заботу о внешних сношениях Мадагаскара. Находящиеся за границей малагасийцы будут взяты Францией под свое покровительство". Статья 2 предусматривала, что резидент „будет наблюдать за внешними сношениями Мадагаскара, не вмешиваясь во внутреннее управление". Приложение уточняло: „Резидент будет иметь право, например, воспрепятствовать всякой уступке территории острова какой бы то ни было державе для создания военной или военно-морской базы". В ст. 3 говорилось, что охрану резидента будет осуществлять военный эскорт. В приложении французская сторона разъясняла, „что численность этого эскорта не будет превышать 50 кавалеристов или пехотинцев".

По договору французским подданным гарантировалась свобода совести, вероисповедания, передвижения, найма рабочей силы, право на аренду земель и недвижимой собственности. Приложение ограничивало „аренду сроком в 99 лет, аренда возобновлялась по усмотрению сторон". Согласно ст. 8, малагасийское правительство обязывалось уплатить 10 млн. фр. „с целью урегулирования французских претензий, возникших до конфликта, происшедшего между двумя сторонами, и с целью возмещения всех убытков, причиненных этим конфликтом частным лицам иностранного происхождения". Приложение уточняло, что убытки не являются контрибуцией, наложенной на побежденную сторону, а добровольной компенсацией.

Одной из самых дискриминационных являлась ст. 15: "Правительство Французской Республики оставляет за собой право оккупировать бухту Диего-Суарес и воздвигать там для своих нужд необходимые сооружения". Но французской стороне пришлось сделать оговорку относительно площади этой „территории": „Мы можем вас заверить, что территория эта не превысит полутора миль на юге бухты и столько же по северному контуру бухты, считая от самой северной ее оконечности... Французские власти в Диего-Суаресе не будут предоставлять убежища малагасийским подданным, скрывающимся от своих властей и не имеющим паспорта".

В приложении специально подчеркивалось, что „правительство королевы, как и в прошлом, сможет продолжать заключать торговые соглашения с иностранными державами". По договору французская сторона признавала Ранавалуну III королевой всего Мадагаскара, гарантировала невмешательство во внутренние дела и обязывалась предоставить в распоряжение королевы военных инструкторов, инженеров, преподавателей и руководителей предприятий, которых у нее попросят. В заключение отмечалось, что содержание французского и малагасийского текстов одинаково и они имеют равную силу.

Содержание некоторых статей (1,2,3, 15-й) французского текста не соответствовало содержанию малагасийского варианта договора. Французский вариант ст. 1 гласил, что „правительство Франции будет представлять Мадагаскар во всех его внешних сношениях с другими государствами". Если сравнить соответствующее место с малагасийским текстом, то можно обнаружить, что использованный в нем глагол „mitandrina" (его основные значения - „наблюдать", „заботиться") не соответствует французскому „representer" — „представлять кого-либо". В наиболее авторитетном французско-малагасийском словаре среди пяти возможных вариантов перевода этого глагола нет слова „mitandrina" [108, с. 182].

Статья 2, дополняя ст. 1 определяет круг полномочий генерального резидента, который „будет руководить внешними сношениями Мадагаскара". Здесь опять возникает разночтение, выражающееся в различном толковании смысла глагола „preseder a qch", которому в малагасийском варианте соответствует „mitandrina". А его основное значение, как было отмечено выше, - „наблюдать", „заботиться". В словаре французского языка

Робера все значения „preseder a qch" непосредственно связаны со значением „главенствовать". Но ведь слова „заботиться" и „главенствовать" далеко не идентичны семантически. Показательно, что слово „mitandrina" отсутствует среди трех возможных вариантов перевода на малагасийский язык слова „presider". Словарь синонимов малагасийского языка приводит 30 вариантов, которые являются синонимами глагола „mitandrina", при этом ни один из них не имеет значения „главенство", в то время как все они могут быть использованы для передачи различных оттенков значений „заботиться", „наблюдать" [108, с. 183].

В ст. 3 говорится о военном эскорте, который должен сопровождать генерального резидента во время пребывания в Антананариву. На первый взгляд данный вопрос не заслуживает внимания. Но если учесть, что договоры с африканцами составлялись прежде всего для европейской общественности и парламентов, чтобы оправдать захваты и придать им „законность", то для нарушения договора мог быть использован и такой незначительный повод. Сравнивая значения выражений „escorte militaire" и „mpriambina military", можно обнаружить ряд различий в значениях. Слову „escorte" соответствует „andiana-miaramila" (досл. „мобильная группа военных"). Слово „andiana" означает „группа", „отряд", а „miaramila" („военный") уточняет, какой отряд. Французское слово „escorte" имеет два основных значения: вооруженная группа людей, которые должны сопровождать кого-либо или что-либо, и кортеж, сопровождающий важную персону. Чтобы выделить одно из этих значений, составители французского текста прибегли к уточнению слова „escorte" определением „militaire", что дает основание остановиться на первом значении. Итак, во французском тексте речь идет о вооруженной группе людей, кого-либо сопровождающей. Но в малагасийском тексте говорится о вооруженных „mpriambina" — „телохранителях", „сторожах", „часовых". Перед нами новое расхождение в текстах. А поскольку численность вооруженной охраны не оговаривалась в договоре, создавалась дополнительная база для недоразумений [108, с. 183-184].

Смысловые расхождения можно обнаружить и в ст. 15, где речь идет о предоставлении Франции права занять бухту Диего-Суарес на севере Мадагаскара и строить там сооружения. Во французском варианте стоит слово „occuper" („завладеть чем-либо", „занимать некоторую территорию"). В малагасийском тексте оно переведено словом „mihazona", соответствующим французскому „retenir", „tenir" - „держат", „сохранять". Французскому „occuper" в малагасийском языке соответствует „mitana", но переводчик употребил „mihazona". А в ст. 9 для передачи значения длительности срока нахождения в руках Фран-города Таматаве была использована конструкция „ho tanan'ny miaramila frantsay i Toamasina", т. е. „Таматаве будет находиться в руках французских военных" (до уплаты долга) [108, с. 184].

Француз Кампан, переведивший текст договора, длительное время жил на Мадагаскаре и хорошо знал малагасийский язык. Он был одним из наследников Ж. Лаборда (1805-1878), одного из основателей малагасийской промышленности, который по завещанию оставил свое имущество племянникам-французам, а не детям от жены, уроженки Мадагаскара. Кампан перевел и приложение к договору, которое французы именовали „объяснительным письмом", или „протоколом Патримонио - Мио" (по именам своих представителей), подчеркивая, что этот документ якобы не относится к договору и не связывает Францию. Приложение переведено настолько точно, насколько это возможно вне рамок одной семьи языков. При этом оно составлялось и переводилось в течение всего нескольких дней. Так почему же Кампан перевел договор, допустив важные разночтения? Настораживает тот факт, что в некоторых статьях (14, 16, 17-й) употребляются французские слова, по-видимому, для уточнения смысла, хотя можно было бы употребить малагасийские эквиваленты. К тому же в других статьях (например, 1 и 2-й), где уточнение, казалось бы, необходимо, оно отсутствует. Все это дает основание усомниться в том, что ошибки в переводе были случайными [108, с. 181, 184].

Расхождения двух текстов объясняют появление приложения. Без него

малагасийская сторона не считала договор полным. Д. Уиллоуби писал в газете „Мадагаскар таймс": „Я коротко объясню, что ратификация договора (мною как полномочным малагасийским представителем) полностью зависела от предварительного принятия приложения" [149, с. 42]. Это мнение подтверждается письмом Райнилайаривуни к губернаторам Антумбуки и Ихараны: „В договоре имеется приложение, подписанное французскими полномочными представителями, которое дополняет договор. Без этого приложения Ранавалуна не поставила бы свою печать" [149, с. 42].

Приложение снимало большинство противоречий вариантов договора и трактовало его по малагасийскому тексту. Четко определялись функции генерального резидента. „Представлять Мадагаскар во всех его внешних сношениях с другими государствами" было определено как право препятствовать передаче малагасийской территории любой иностранной державе и не допускать на острове строительства морских и сухопутных укреплений другими государствами, отвергать договоры, соглашения и конвенции, заключенные без посредничества Франции. Была уточнена и численность охраны резидента — до 50 кавалеристов и пехотинцев. Территория базы Диего-Суарес не должна была простираться далее морской мили (приблизительно 1,8 км) к западу и востоку от бухты и 4 миль от побережья. Кроме того, Франция дала обязательство не предоставлять малагасийцам права убежища на территории базы.

Договор 1885 г. в малагасийском варианте текста был крупным успехом Малагасийского государства. Малагасийцы упорным сопротивлением вынудили одну из ведущих стран мира сесть за стол переговоров и вести их на равных. В мире были заинтересованы обе стороны, но Франция из-за своих внутренних трудностей — в большей степени. Это подтверждается высказыванием первого французского генерального резидента Ле Мир де Виле: „Райнилайаривуни... пошел на подписание мира только из-за нехватки боеприпасов и вооружения". После Тонкина были вотированы значительные кредиты на продолжение боевых действий, присланы свежие подкрепления. Сражение при Фарафате произошло спустя полгода после поражения в Индокитае. Франция согласилась заключить мирный договор в основном из-за успешного сопротивления малагасийского народа и армии. Французам не удалось установить протекторат над островом или над его северной частью. Они были вынуждены признать Ранавалуну III королевой всего острова, отказавшись тем самым от пересмотра договора 1868 г.

Результаты дипломатической победы были значительно уменьшены действиями Франции, нарушившей международное право. Неидентичность вариантов договора — обычная и в большинстве случаев безотказная тактика европейских колонизаторов - привела к тому, что королева отказалась подписывать соглашение в таком виде. Это обусловило появление приложения, ставшего составной частью договора, что признали французские полномочные представители — Патримонио и Мио. Из приложения следовало, что основным вариантом текста должен считаться малагасийский. Малагасийское государство ратифицировало договор с приложением, а Франция - только договор, назвав приложение „объяснительным письмом", или протоколом Патримонио - Мио, не имевшим силы закона. В заявлениях французского правительства подчеркивалось, что Патримонио и Мио не имели права подписывать приложение, что они превысили свои полномочия, вследствие чего французская сторона признала приложение недействительным [156, с. 163]. Руководители Франции пошли на прямой обман: все необходимые полномочия были предоставлены Патримонио телеграммой от 13 ноября 1885г. [40, 1886, №45, с. 156].

Война 1883—1885 гг. и мирный договор были важными этапами сопротивления малагасийского народа колониальному завоеванию. Сохранение как реальной, так и формальной независимости позволило малагасийскому народу еще в течение десяти лет вести борьбу против колониальной экспансии. Однако в самом договоре 1885 г. были

заложены основы будущих противоречий и поводов к войне. Последнее десятилетие независимого существования прошло под знаком борьбы за соблюдение договора в том виде, в котором он был ратифицирован малагасийской стороной.

После заключения договора борьба между Францией и Мадагаскаром продолжалась, но она переместилась из военной в дипломатическую и экономическую сферы. Как уже отмечалось, малагасийское государство обязалось уплатить 10 млн. фр. До полного погашения суммы Таматаве оккупировался французскими войсками [40, 1886, № 57, с. 176]. С февраля 1886 г. до прибытия в Антананариву договора, ратифицированного Францией, малагасийское правительство искало возможность выплатить долг.

В июне 1886 г. Райнилайаривуни принял решение разместить заем в Великобритании при посредничестве англичанина Кингдома, приехавшего на Мадагаскар с целью получить земельную концессию. (Впоследствии Кингдом - один из организаторов крупной аферы. В 1891 г. он ввез на остров мексиканские пиастры, содержавшие меньше серебра, чем имевшие хождение в Малагасийском государстве. В 1893 г. Кингдом был обвинен в организации заговора против Райнилайаривуни и выслан с Мадагаскара [30, с. 73]). 26 июня Райнилайаривуни и Кингдом подписали соглашение, по которому Малагасийское государство должно было получить у английских банкиров 20 млн. франков из 7 % годовых. Намерение Райнилайаривуни разместить в Великобритании заем вызвало активные протесты французского генерального резидента. Английское правительство заявило, что британские капиталы, вложенные в предприятия Кингдома, не будут пользоваться специальной защитой со стороны государства. В свою очередь, французское правительство предупредило, что в случае войны от концессионеров не будут приниматься никакие требования о выплате компенсации за понесенные убытки [163, с. 273-274].

В результате Райнилайаривуни был вынужден обратиться за займом к французскому банку „Контуар насъональ д'эсконт де Пари" (с помощью которого Франции уже удалось сначала разграбить, а потом закабалить Алжир). Попытка получить помощь у англичан возымела определенное действие, и банк выдал требуемую сумму из расчета 6 % годовых и открыл два агентства в Антананариву и Таматаве [30, с. 76]. В противовес французскому влиянию английское общество „Пью ориентал бэнк корпорейшн" открыло свои конторы в Антананариву и Мадзунге. Но, не поддержанный крупным британским капиталом, банк был не в состоянии конкурировать с имевшим доминирующие позиции в финансах и кредитовании французским банком. Английское общество через три года свернуло свою деятельность [146, с. 484].

Премьер-министр болезненно реагировал на малейшие проявления зависимости от Франции [149, с. 48-49]. Райнилайаривуни отвергал попытки вмешательства Ле Мир де Виле во внутренние дела [149, с. 63]. По договору иностранцы могли арендовать земельные участки сроком до 99 лет. Но уже в марте 1886 г. Райнилайаривуни издал циркуляр, по которому каждую крупную концессию должно было одобрить министерство иностранных дел. Оно имело право и не разрешить ее [149, с. 67],

Необходимость уклоняться от обострений отношений с Францией диктовала неизбежность уступок. Поэтому часть пунктов договора выполнялась исходя из французского варианта. Как правило, это относилось к статьям, которые не оговаривались в приложении. Например, в ст. 15 предусматривалось „доброжелательное отношение к сакалава и антанкарана" со стороны Малагасийского государства. Поэтому в 1886 г. Райнилайаривуни послал на север своего сына Райнизанаманга с заверениями, что королева простила сакалава и что она относится к ним так же, как и к другим подданным [149, с. 64].

Малагасийцы не возражали, чтобы тяжбы французов между собой и с ждругими иностранными подданными находились в ведении французских судебных органов. Спорные вопросы между французами и малагасийцами рассматривались в смешанных

трибуналах с равным представительством обеих сторон на основе малагасийских законов и договора 1885 г. [149, с. 80]. Французам формально не чинилось никаких препятствий в свободе передвижения, торговле, найме рабочей силы. Безоговорочно выполнялся пункт о свободе вероисповедания: католическая и протестантская миссии работали в равных условиях [137, с. 356].

Французская сторона в отличие от малагасийской сразу же взяла курс на открытое нарушение договора и приступила к расширению территории базы Диего-Суарес. Через несколько она уже была относительно крупным поселением. В 1890 г. ее описание оставил один из первых русских людей, посетивших Мадагаскар, капитан второго ранга клипера „Джигит" К. Никонов. „Колония в бухте Диего-Суарес основана в 1885 г. Административная и военная организации сосредоточены в порту „Nievre". Колония управляется губернатором. Гарнизон колонии состоит из 1500 человек солдат, из которых: 250 артиллерии, 1000 инфантерии (белых) и 250 туземных солдат (черных), исполняющих полицейскую и караульную службы. Гарнизон командует полковник артиллерии" [4].

В ответ на незаконный захват земель малагасийское правительство приняло решение организовать в окрестностях бухты несколько военных постов (Ампасиндава, Антумбука, Амбаватубе, Барамахамай). Райнилайаривуни лично занимался подбором командного состава для них, послав туда образованных офицеров [161, с. 69]. Но меры, принятые малагасийцами, оказались недостаточными. К 1895 г. территория базы простиралась на юг более чем на 36 км вместо семи по договору [161, с. 98].

Упорная борьба шла вокруг права выдачи экзекватуры. Мадагаскар не имел посольств за рубежом, а поддерживал отношения на консульском уровне. Поводом к попытке установить фактический контроль над малагасийской внешней политикой стала экзекватура, выданная британскому консулу без посредничества генерального резидента. Одновременно получил отказ американский консул, обратившийся непосредственно к Ле Мир де Виле. Генеральный резидент в знак протеста на несколько дней покинул столицу. Однако Райнилайаривуни, чувствуя негласную поддержку Великобритании, не шел на уступки. В результате Ле Мир де Виле был вынужден „де факто" признать право Малагасийского государства на свободу внешних сношений [26, с. 296-297].

Межвоенный период (1885-1894) делится на два этапа: начала 90-х годов и после. Основное содержание первого — успешная борьба против усиления французского влияния, когда Хозяином положения на острове было малагасийское правительство. Второй — время постепенной сдачи позиций в экономике, финансах, внешней и внутренней политике. Малагасийское государство не выдержало сопротивления с Францией, одной из ведущих держав того времени. Во всех областях жизни стали отчетливо проявляться кризисные тенденции. Усиливались социальные противоречия, борьба масс против внутренней политики премьер-министра и его уступок генеральному резиденту. Определенную роль в подрыве основ Малагасийского государства сыграли французские банки и компании, умелая антимадагасийская пропаганда. Она разжигала этническую рознь, провоцировала социальные столкновения. Перед второй франко-малагасийской войной Малагасийское государство было менее сильным и единым, чем перед войной 1883-1885 гг. Все перемены происходили в основном в центральной части страны. Мадагаскар к началу второй франко-малагасийской войны, как и прежде, представлял собой „лоскутное одеяло" из районов с разным уровнем развития, с различной степенью „вовлеченности" в единое централизованное государство. Это снижало эффективность достижений в экономике, военном деле, медицине, культуре, государственном управлении.

Глава четвертая

ЗАВОЕВАНИЕ МАЛАГАСИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

К началу 90-х годов сложилась крайне неблагоприятная для Мадагаскара внешнеполитическая обстановка. В развитых странах мира подходил к концу процесс перерастания капитализма в империализм, неразрывно связанный с завершением территориального раздела мира. С середины 70-х годов XIX в., после вывода германских оккупационных войск, во Франции усилился интерес к колониальным проблемам. На Берлинской конференции 1884—1886 гг. шел спор о сферах влияния в Африке, но вопрос о Мадагаскаре не обсуждался. Тем не менее остров привлекал пристальное внимание ведущих капиталистических стран мира. В августе 1890 г. французский посол в Лондоне Ваддингтон и английский министр иностранных дел лорд Солсбери подписали соглашение, по которому Англия, а впоследствии и Германия признали протекторат Франции над Мадагаскаром [40, 1895, № 4, с. 18]. В результате тройного соглашения значительно уменьшилась возможность малагасийского правительства использовать противоречия между этими государствами и усилилось стремление правящих кругов Франции к колониальным захватам. В эти годы активизировали свою деятельность во французском парламенте представители от заморских территорий (Ф. де Май, Фрейсине [130, с. 82-115; 131, с. 416-432]). В 1894 г. Г. Аното получил портфель министра иностранных дел, а Т. Делькасе возглавил только что созданное министерство колоний. Оба они были известны как рьяные сторонники колониальных захватов. Новых рынков требовало экономическое развитие Франции. Связи с колониями были важны для торговцев и судовладельцев Марселя, Бордо, Гавра. К расширению заморских рынков стремились руководители судостроительной, паровозостроительной промышленности. Африка рассматривалась как источник сырья и рынок сбыта готовой продукции. Мадагаскар представлял в этом отношении особый интерес. К 90-м годам XIX в. малагасийцы покупали значительное количество промышленных товаров и вывозили сырье и сельскохозяйственные продукты, необходимые Франции. Господствующие позиции в малагасийской торговле занимали, как уже отмечалось, английские и американские компании. После захвата Мадагаскара Франция могла взять в свои руки всю внешнюю торговлю в полном объеме, использовать сложившиеся связи на острове и постоянный спрос на изделия европейской промышленности, что было связано в первую очередь с потребностями малагасийской армии и наличием довольно значительных европеизированных групп населения в Имерине и в крупных портовых городах.

Значительный интерес представляла для Франции с ее низкой рождаемостью возможность пополнения армии жителями колоний. Возвращение Эльзаса и Лотарингии правящий класс связывал с наличием мощной многочисленной армии. Это подтверждается массовым участием малагасийцев в первой мировой войне.

22 января 1894 г. палата депутатов единогласно приняла предложение Л. Брюне, депутата от Реюньона, „поддержать правительство в осуществлении наших прав на Мадагаскар, восстановлении порядка, защиты наших подданных и уважении нашего знамени" [34, 1894, т. 1, кн. 1, с. 96]. Колониальный угар затронул широкие круги французского общества. Захвата Мадагаскара требовали и те, кто был непосредственно в этом заинтересован, и те, кто не имел здесь прямых интересов. Первые, например „Общество изучения колониальных и морских проблем", на своем собрании выразили желание „не заключать никаких соглашений с королевой хува. Мадагаскар должен быть аннексирован Францией", Вторые, например Национальный конгресс французских географических обществ, активно включились в пропаганду колониальных приобретений, потребовав „быстрой и безоговорочной аннексии Мадагаскара" [82, с. 68], Высказывались и более умеренные предложения — ограничиться установлением протектората над островом. Комиссия по внешним и колониальным сношениям сельскохозяйственного общества Франции выразила желание „использовать местные власти на Мадагаскаре для того, чтобы резко сократить расходы на административное управление" [82, с. 70].

В ноябре 1894 г. британский посол в Париже лорд Дафферин от имени своего

правительства выразил окончательное согласие „на включение острова в состав французской империи" [138, с. 435]. 26 октября 1894 г. палата депутатов утвердила выделение на эти цели 70 млн. фр. [70, с. 199-201]. Эти расходы в несколько раз превышали кредиты на любую из экспедиций в тот или иной район Тропической Африки [35, 1894, с. 466, 489].

Внутреннее положение на Мадагаскаре было крайне тяжелым. Малагасийское государство, быстро развивавшееся на протяжении последних ста лет, тем не менее не могло за такой сравнительно короткий период хотя бы приблизиться к уровню капиталистических стран.

Условия жизни народа непрерывно ухудшались. Производство продуктов питания сократилось. Нищета, безвозмездные отработки, непосильные налоги и вымогательства вынуждали многих объединяться в вооруженные разбойничьи отряды [106, с. 190—191]. Значительная часть малагасийцев за пределами Имерины с равнодушием относилась к возможной войне, не проявляя желания воевать ни на той, ни на другой стороне [73, с. 59].

Вместе с тем малагасийская армия была многочисленной и относительно хорошо вооруженной. Первая франко-малагасийская война вскрыла недостатки в подготовке, снабжении и обучении армии, но и подчеркнула ее сильные стороны. Удачное использование укрепленного района Фарафата способствовало рождению сооружений подобного типа в основном на границах Имерины. В начале 1884 г. Райнилайаривуни заключил соглашение с английским военным инструктором Шервингтоном о строительстве и модернизации ряда фортификационных сооружений [145, с. 84]. Но основные усилия были направлены на количественное увеличение современного вооружения (в основном артиллерии и стрелкового оружия) путем закупок за границей и производства на самом Мадагаскаре. Для завода взрывчатых веществ и патронов в Суаниерана в 1890—1892 гг. были закуплены английские машины, изготавливавшие патроны к карабинам систем „шаспо", „шнейдер", „винчестер", „ремингтон" (20 тыс. патронов в день) [145, с. 75].

Качество вооружения, производившегося на Мадагаскаре, было довольно низким. По замечанию француза-современника, пушки, изготовленные малагасийцами, представляли одинаковую опасность и для тех, по кому стреляли, и для тех, кто из них стрелял. Орудиями местного производства пользовались, иногда произведя только один выстрел.

По нашим оценкам, к началу второй франко-малагасийской войны малагасийцы располагали примерно 50 современными орудиями, 100 пушками устаревшей системы, но пригодными к стрельбе, и 50 митральезами английского и местного производства. Современного стрелкового оружия было достаточно. Каждый солдат регулярной армии (20-30 тыс.) располагал скорострельным карабином [159, с. 354], но за оружием отсутствовал должный контроль. По мнению А. Мартино, только половина винтовок могла быть использована [159, с. 355].

Малагасийская армия не испытывала недостатка в патронах и в отличие от первой франко-малагасийской войны мало зависела от внешних поставок. Только в арсенале Антананариву хранилось 2 млн. патронов к винтовкам и около 30 тыс. снарядов [145, с. 86]. Вооружения и боеприпасов было, таким образом, достаточно, чтобы противостоять вторжению на остров.

Хуже обстояло дело с обучением личного состава: не хватало грамотного, хорошо подготовленного сержантско-офицерского состава. Обучение солдат часто сводилось к муштре и заучиванию ружейных артикулов. Учебные стрельбы практически не проводились из-за экономии патронов, и они во множестве портились от небрежного хранения. Европейские военные советники были практически отстранены от подготовки пехотных подразделений.

Хотя в подготовке артиллеристов участвовали английские военные инструкторы

Шервингтон и Грейвс, степень обученности артиллеристов была несравненно ниже, чем во французской армии. Кроме того, малагасийцы не имели необходимой психологической подготовки, так как учебных стрельб было крайне мало, а маневры практически не проводились. Часть артиллеристов-малагасийцев, не прошедших полного курса обучения, боялись грома артиллерийской канонады и разрыва снарядов. Именно поэтому иногда во время второй франко-малагасийской войны после двух-трех удачных выстрелов французских орудий разбегалась вся малагасийская батареяная прислуга, оставляя пушки и запас снарядов.

К началу второй франко-малагасийской войны малагасийская армия была рассредоточена по всему острову, В Антананариву находился 3-тысячный гарнизон (а всего в Имерине - около 4 тыс. солдат); на севере — около 6 тыс.; в провинции Бецилеу — около 7 тыс. На восточном побережье было расквартировано около 3 тыс. солдат, на западном — около 2 тыс., на юге — приблизительно 1,5 тыс. [145, с. 96].

В начале 90-х годов Франция начала открыто нарушать договор 1885 г., провоцируя малагасийцев на столкновение, чтобы получить повод для начала боевых действий. В 1891 г. генеральный резидент Бомпар, сменивший Ле Мир де Виле, увеличил военный эскорт до 70 человек, невзирая на протесты и угрозы малагасийского правительства. Впоследствии его численность была доведена до 95 человек [85, с. 55]. Французские солдаты вели себя вызывающе, как на захваченной территории.

16 октября 1894 г. Ле Мир де Виле, направленный на Мадагаскар французским правительством, представил на рассмотрение малагасийского правительства дополнение к договору 1885 г. из пяти статей, которые явились попыткой установить реальный протекторат в рамках „законности“. Райнилайаривуни не спешил с ответом, тогда 20 октября Ле Мир де Виле предъявил ультиматум, давая два-три дня на принятие нового соглашения. Требования французской стороны сводились к следующему. Малагасийскому государству запрещались любые внешние сношения. Франция имела право в любой момент ввести войска на остров, без разрешения малагасийского правительства прокладывать пути сообщения и коммуникации. Концессии предоставлялись только с разрешения генерального резидента. Единственным официальным текстом должен был считаться французский. Обосновывая свои ультимативные требования, французская сторона заявила, что настаивает на „точном и искреннем выполнении статей договора 1885 г.“ [40, 1895, № 47, с. 46-47].

Желая отсрочить открытое столкновение с Францией, малагасийское правительство предложило 24 октября 1894 г. контрпроект из 12 статей. Оно согласилось признать президента Французской Республики представителем всех иностранных государств, имевших соглашения с Мадагаскаром. За эту уступку малагасийцы потребовали не вмешиваться во внутренние дела, оговорили право Малагасийского государства на свободный ввоз оружия и боеприпасов на остров, отказали генеральному резиденту в контроле над концессиями. Чтобы оттянуть вторжение французских войск на остров, они предложили урегулировать все оставшиеся спорные вопросы путем учреждения консультативных комиссий с равным числом представителей с обеих сторон [40, 1895, № 53, с. 52-54].

Ле Мир де Виле не был склонен обсуждать контрпроект, в котором малагасийцы, по сути дела, в весьма завуалированной форме отвергли все требования французской стороны. Война стала неизбежной.

Для Райнилайаривуни такой ход событий не был неожиданностью: он заранее готовился к войне с Францией. В январе 1894 г., сразу же после принятия французским парламентом резолюции, поддержавшей намерения правительства захватить Мадагаскар, малагасийский премьер-министр собрал кабинет для выработки плана подготовки к войне. В феврале он был одобрен Райнилайаривуни. План состоял из мер политического и военного характера, в частности, предусматривал порядок развертывания частей малагасийской армии, ее пополнения резервистами, строительство оборонных

сооружений в Имерине, укрепление портов Таматаве и Мадзунги и их окрестности, увеличение численности рабочих на патронной фабрике в Суаниерана [40, 1895, №34, с. 29; 177, с. 355].

Военные действия начались 12 декабря 1894г. с оккупации Таматаве. Малагасийцы ответили вторжением на территорию базы Диего-Суарес. Там они организовали военные посты, которые французам удалось ликвидировать только после прибытия подкрепления. [161, с. 112]. 15 января 1895 г. была захвачена Мадзунга. Рамасумбазаха, губернатор провинции Буйна, не оказал сопротивления и отошел к фьоту Марувуай под предлогом обеспечения безопасности „королевы сакалава Рамбуатуфи и королевских реликвий, сохранность которых обеспечит верность Буйны" [182, с. 201] . Это было тактической ошибкой (хотя необходимо учитывать следующее: кто был хранителем реликвий, тому и подчинялись сакалава), так как французы получили порт и базу для развертывания основных сил экспедиционного корпуса. В феврале — апреле были ликвидированы все небольшие военные посты малагасийцев в окрестностях Мадзунги и бухты Диего-Суарес. Перевозка экспедиционного корпуса, вооружения, боеприпасов, продовольствия и всего необходимого для ведения боевых действий осуществлялась 36 судами, три судна плавали под английским флагом. Общая численность экспедиционного корпуса, по сообщению Генриха Бронна, русского консула в Порт-Саиде (имя установлено по [32, с. 88]), составляла 18 734 человека, что почти совпадает с официальными французскими данными - 19 тыс. Кроме того, было доставлено 655 лошадей и 5549 мулов [5; 41, с. 13-14].

25 октября 1894 г., генерал Ш. Дюшен был назначен командующим экспедиционного корпуса. Ветеран алжирской и суданской кампаний, он получил в свое распоряжение две бригады, первая - сухопутные силы, вторая - морские, каждая из которых имела свой штаб. Общее число (по современным уточненным данным) - 18 773 солдата и 658 офицеров [133, № 243, с. 47], Основные силы экспедиционного корпуса прибыли в апреле - мае 1895 г., к началу сухого сезона.

После потери Таматаве Райнилайаривуни предполагал, что основные военные действия развернутся на восточном побережье. В январе 1895 г. за подписью королевы он отправил Рай-нандриамампандри инструкцию о тактике ведения войны с французами: ликвидация или рассредоточение продовольственных запасов, изматывание противника партизанскими действиями, развертывание всенародной войны. Неблагоприятный влажный сезон должен был затруднить передвижение, снабжение экспедиционного корпуса и резко увеличить число больных и ослабевших, что позволило бы нанести решающий удар. Райнилайаривуни рекомендовал удерживать французские войска в крайне ограниченном пространстве, при отступлении не отходить далеко, постоянно тревожить противника, при малейшей возможности атаковать по ночам. Была разрешена свободная продажа вооружения и боеприпасов. Премьер-министр указывал на важность пресечения шпионажа, профранцузской пропаганды, подчеркивал необходимость укрепить патриотические настроения, особенно на побережье [90, с. 167—168] ,

Французское командование, надеявшееся встретить в „угнетенных хува" жителях побережья естественных союзников, неожиданно столкнулось с такой проблемой, как нехватка носильщиков, рабочих и вспомогательного персонала. В результате вербовкой пришлось заниматься по всему восточноафриканскому побережью, включая Обок, откуда было вывезено около 700 сомалийцев [53, с. 70] , Французское командование перед началом активных боевых действий распространило листовку на малагасийском языке за подписью генерала Метцингера, командующего авангардом экспедиционного корпуса. В ней говорилось: „Французы намереваются занять Антананариву, Но они пришли не для того, чтобы забрать вашу собственность или землю предков, а чтобы заставить государство хува выполнять заключенный договор в соответствии с его буквой. Когда война закончится... будут отменены безвозмездные отработки как тем, кто работает на государство хува, так и солдатам, которые не получают никакого содержания от своего начальства... Необходимо все изменить к лучшему... Тех, кто будет с нами, Франция

встретит радушно, с чувством дружбы, но горе тем, кто будет препятствовать нашим начинаниям!" [58, с. 299-300]. Несмотря на то что французы затронули в листовке самое уязвимое место - отношение центрального правительства к жителям побережья, их призывы не имели успеха.

Французские войска не могли долгое время находиться в Мадзунге. Неумелая или небрежная загрузка транспортных судов, невозможность построить причал нужной длины, отсутствие в достаточном количестве вспомогательных судов для перевозки грузов на берег, трудности с вербовкой носильщиков и рабочих - все это заставляло держать огромную массу людей в нездоровом климате. Госпитали были переполнены. Участник похода вспоминает, что „уже в апреле мы не имели ничего, кроме пайка. Практически невозможно было достать свежие овощи, яйца, птицу" [71, с. 38] . Чтобы открыть путь в Антананариву и получить возможность обеспечения экспедиционного корпуса, необходимо было овладеть укрепленным пунктом Марувуай. Там находился командующий малагасийскими войсками, губернатор Буйны Рамасумбазаха с трехтысячным гарнизоном в самом городе и в окрестных фортах Махабу и Каландриндрина на левом берегу р. Марувуай, Меваранга и Миадана — на правом [182, с. 201] ,

Первые крупные столкновения при Марувуай 2 мая и при Амбудиманту 15 мая отчетливо выявили многие слабые и сильные стороны воюющих сторон, методы их действий; Малагасийцы находились на возвышениях, господствующих над местностью. Так, Марувуай растянулся почти на два километра у подножья холма. На его вершине была расположена рува (центральная укрепленная часть поселения, обнесенная стенами) и казармы гарнизона. Рува на 450 м возвышается над правым берегом р. Бецибуки. Окрестности также были прикрыты системой фортов и оборонительных сооружений [57, с. 86; 71, с. 58] .

Французы в первом бою еще плохо знали противника и попытались овладеть укреплениями Марувуай штурмом. Но он не удался, так как из-за сильного артиллерийского огня французы не смогли высадить десант. Лишь после двухчасовой дуэли пушки канонерки „Габэ" подавили малагасийскую артиллерию. Генерал Метцингер намеревался окружить форт и уничтожить весь гарнизон, послав колонну в обход. Но малагасийцы разгадали маневр и отступили, захватив при этом часть своих пушек [57, с. 88-89].

Первый бой показал преимущество малагасийцев - умение использовать рельеф местности. Но в сражении при Марувуай проявились и неумение сражаться против хорошо организованных, дисциплинированных частей противника, недостаточная подготовка артиллеристов, невысокий боевой дух солдат. Но вместо анализа, попыток исправить положение Райнилайаривуни отстранил Рамасумбазаху от командования. На его место он назначил Андриантави, который во главе 2-тысячного отряда отбыл из Антананариву 25 мая. Перед ним была поставлена цель — задержать продвижение французских войск у Амбудиманту [133, №242, с. 625].

Между тем 6 мая в Мадзунгу прибыл Ш. Дюшен, командующий экспедиционным корпусом. 12 мая бригада Метцингера продолжила движение. Отступившие из Марувуай малагасийские войска и новый контингент сосредоточились в районе укрепленного поста Амбудиманту. 15 мая экспедиционный корпус двумя колоннами атаковал малагасийские позиции. После того как в бой вступили французские части, малагасийцы оставили укрепленный пост. Отступившие малагасийцы постепенно сконцентрировались вокруг Маеватананы [57, с. 92] .

Первые два боя вскрыли тактические просчеты французского командования: атака укреплений без должной артиллерийской подготовки и использование в качестве ударной силы только неевропейских подразделений. Но в отличие от малагасийцев, французы учли опыт первых боев и после сражения при Маеватанане не допускали подобных ошибок.

После двух поражений малагасийцы не были деморализованы и, отступая, полностью выполняли инструкцию Райнилайаривуни об угоне скота и уничтожении всех

продовольственных запасов. Об эффективности этих действий свидетельствовали и сами французы. Так, офицер А. Антуар писал, что уже в 200 км от Мадзунги проблема питания стояла очень остро [53, с. 99].

Личный состав экспедиционного корпуса неуверенно чувствовал себя на захваченной территории. Местное население, включая сакалава, нападало на транспорты, небольшие группы французов [55, с. 53]. Но части малагасийской регулярной армии практически не тревожили противника партизанскими действиями. В крупные бои малагасийцы не ввязывались, рассчитывая остановить экспедиционный корпус у Маеватананы.

После неудачного сражения при Амбудиманту Райнилайаривуни вновь сместил главнокомандующего. К старости премьер-министр стал подозрителен и в усилении популярности того же старшего офицера видел угрозу своей власти. По-видимому, это и стало решающим при назначении Райниандзаки, когда Райнилайаривуни отверг кандидатуры опытного Райнандриампантри и принца Рамахатры, снискавшего себе успех удачными действиями в районе Тулеара в начале 90-х годов. Хотя новый главнокомандующий не имел опыта ведения боевых действий против французской армии, современники с уважением отзывались о нем. Райниандзалахи, один из богатейших банкиров в Антананариву, был человеком очень энергичным, способным, хорошим организатором и, по мнению французского офицера Э. Окара, был способен нанести поражение частям экспедиционного корпуса [71, с. 173]. Но назначение Райниандзалахи не вызвало понимания в армии. К тому же малагасийские части, группировавшиеся у Маеватананы, остались без официально назначенного командующего, что также было крупным просчетом малагасийского руководства. По-видимому, оно рассчитывало прежде всего на хорошие укрепления на высотах, господствующих над местностью.

5 июня в действующие французские войска прибыл генерал Ш. Дюшен, чтобы лично возглавить операцию по захвату города Маеватананы и завода Сюберби. 9 июня в шесть часов утра французы атаковали малагасийские позиции, но были вынуждены отойти из-за сильного ружейно-артиллерийского огня. К восьми часам французы перестроились, завязали оживленную перестрелку, развернули две батареи горных пушек в двух километрах от Маеватананы против двух малагасийских батарей, расположенных на севере и на юге от города. Экспедиционный корпус смог начать наступление только после того, как был подавлен огонь малагасийской артиллерии. Затем последовал приказ пробить бреши мелинитовыми снарядами, некоторые из них разорвались в городе. После непродолжительного штурма малагасийцы были вынуждены оставить Маеватанану [57, с. 105—108]. В Сюбербивилле, поселке при заводе, была организована промежуточная база экспедиционного корпуса.

6 июня Райниандзалахи во главе 5 тыс. солдат начал движение из Антананариву в направлении Маеватананы. В походе численность войск удвоилась за счет влившихся отрядов разбитых подразделений Рамасумбазахи и Андриантави. Последние, несмотря на отставку, предпочли остаться при армии и не спешили возвращаться в столицу, где их ожидало суровое наказание [71, с. 217; 133, № 242, с. 625-626].

26 июня Райнилайаривуни отправил новому командующему инструкции. Он рекомендовал при малейшей возможности проводить учения для улучшения взаимодействия частей. Премьер-министр писал, что европейцев нельзя атаковать издали, надо сделать все возможное, чтобы приблизиться к ним и завязать рукопашный бой, используя не только ружья, но и ножи, топоры, копья. Райнилайаривуни советовал организовать разведывательную службу для получения сведений о передвижении противника и его намерениях, а также контрразведку, что позволит предотвратить утечку информации [90, с. 240-241].

В самой столице подобные службы были хорошо поставлены. За всеми иностранцами, по словам корреспондента газеты „Таймс“ Э. Найта, находившегося в Антананариву, было налажено постоянное наблюдение, хотя свободу передвижения не

ограничивали даже за пределами города. Но как только иностранец делал попытку направиться в сторону фронта, его сейчас же задерживали [73, с. 133]. Так же трудно было проникнуть и в сто лицу [53, с. 165]. Неизвестно, в какой мере была налажена у малагасийцев намеренная передача ложных сведений. Но имеются данные, что французы получали неверную информацию о передвижениях и планах малагасийских войск [61, с. 166-167, 185].

Далее, в инструкциях премьер-министр обращал внимание, что среди личного состава экспедиционного корпуса находится 600 солдат из Дагомеи, только что захваченной Францией, боеспособность которых должна быть невелика. В конце он наметил диспозицию предстоящего боя [171, с. 240—242].

Во время 35-дневной вынужденной остановки в Сюберби-ие, использованной на строительство дороги и моста, Дюшен послал на расстояние 20 км к югу от Маеватананы три пехотные роты (своеобразный авангард) для наблюдения за действиями малагасийцев. Одна из них находилась в деревне Царасаутра, две другие - в покинутой жителями деревне Бехануна [57, 122].

28 июня, скрыто подойдя к французским позициям, войска Райниандзалахи атаковали их. Двум ротам, не выдержавшим натиска, пришлось отступить, одна удержала позиции. Сражение продолжалось весь день. Малагасийцы предприняли четыре серьезные атаки, и только умелое использование оборонных сооружений и вовремя проведенные контратаки позволили французам удержать позиции [182, с. 202]. Дюшен срочно перебросил к Царасаутра батальон отборных солдат, потерявших до 40 % личного состава при форсированном марше. 29 июня малагасийцы возобновили наступательные действия. Только с прибытием подкрепления экспедиционный корпус перешел в контрнаступление [71, с. 76]. После продолжительной перестрелки французским артиллеристам удалось подавить огонь батареи [150, с. 47]. Вечером малагасийские войска были вынуждены отступить. Таким образом, бой при Царасаутра показал, что малагасийская армия способна вести наступательные действия, но тем не менее она не выполнила основную задачу — задержать продвижение экспедиционного корпуса.

Экспедиционный корпус смог окончательно оправиться и отступить из Сюбербивилля лишь 15 июля. В день он продвигался на два-три километра: основное время и силы уходило на строительство дороги. Поэтому французы подошли к Андрибе, границе Имерины, только 20 августа. Малагасийцы практически не тревожили экспедиционный корпус, если не считать засады, которую они устроили 16 августа в районе Суавинандриана.

15 августа Райниандзалахи информировал премьер-министра о положении дел во французском экспедиционном корпусе в Маеватанано и о своих войсках рассредоточенных в 13 укрепленных лагерях. Их защищали 3 тыс. солдат под руководством 30 офицеров, не считая артиллеристов и резерва. Они располагали 18 орудиями современных систем и двумя усовершенствованными митральезами [150, с. 53—54]. Учитывая рельеф местности, малагасийские позиции были неприступны для экспедиционного корпуса. Горные пушки превосходили французские как по весу, так и по скорострельности [53, с. 215]. Опираясь на такую мощную базу, Райниандзалахи намеревался вести активные боевые действия. Он разработал план атаки на Маеватанану одновременно с нескольких сторон [150, с. 61]. Однако Райнилайаривуни не дал разрешения на подобную операцию, а посоветовал ограничиться партизанскими действиями и нарушением коммуникаций противника [150, с. 61]. Эти указания премьер-министра объяснялись, по-видимому, тем, что он рассчитывал остановить французов на границах Имерины и затем, как во время войны 1883—1885 гг., вступить в переговоры и добиться заключения мирного договора, сохранявшего внутреннюю автономию Малагасийского государства.

Райниандзалахи ничего не успел предпринять, так как штурм Андрибы начался ранним утром 21 августа. Французы одно за другим занимали малагасийские укрепления.

В 14 часов Райниандзалахи провел контратаку и попытался захватить французские батареи. Перестрелка длилась более трех часов. Французские артиллеристы широко использовали мелинитовые снаряды, шрапнель. В 17.30 замолчала последняя батарея на вершине Андрибы. Но французы, утомленные 12-часовым боем, так и не смогли занять основные позиции малагасийцев. Было решено отложить решающий штурм на следующее утро.

22 августа в 6.30 прозвучал сигнал к атаке. Но с малагасийских позиций не раздалось ни единого выстрела. „Окопы хорошо сохранились, но их защитники вместе с пушками исчезли ночью”, — записал в дневнике Э. Окар. К 10 часам все фортификационные сооружения были заняты экспедиционным корпусом. Путь в Имерину был открыт [57, с. 140-141; 71, с. 228; 90, с. 255; 150, с. 49]. В письме к Райнилайаривуни от 15 августа 1895 г. Райниандзалахи объяснил отступление сильным артиллерийским огнем, который деморализовал личный состав [150, с. 66]. А ведь малагасийцы были вооружены не хуже французов, находились на хорошо укрепленных господствующих над местностью высотах. По-видимому, малагасийцы действительно не были подготовлены к массированному артиллерийскому обстрелу. К тому же они были подвержены „болезни” отступающих войск, когда силы противника сильно преувеличиваются, а свои недооцениваются.

Продвижение французов по малонаселенной гористой местности, где сложно было обеспечивать экспедиционный корпус провиантом и фуражом, прокладывая дорогу, масса больных, общая усталость — все это вынудило руководство экспедиционного корпуса создать „легкую”, или „летучую”, колонну для занятия Антананариву. В сентябре закончилось ее формирование. В „летучую” колонну вошли 4600 солдат и офицеров, 1770 человек вспомогательного персонала, 264 лошади и 2830 мулов [61, с. 58; 90, с. 402-403]. 15 сентября колонна вступила в первый бой с малагасийцами за Цинайниундри. Этот бой, так же как и все последующие сражения (17 сентября за Киангара, 19 сентября за Амбухимена, 27 сентября за Сабуци и Амбупиана, 29 сентября за Сабуци-Амбухинула), состоял из продолжительной артиллерийской и ружейной перестрелки, после чего малагасийцы отступали в надежде закрепиться на следующем рубеже.

С вступлением французских войск в Имерину сопротивление малагасийцев усилилось. Крестьяне оставляли дома, уходили в горы, откуда нападали на французские коммуникации и отдельные группы солдат [71, с. 104]. Корреспондент „Тан”, находившийся при экспедиционном корпусе, писал, что „наступление на Антананариву превратилось в непрерывный бой. Мы могли продвигаться, лишь захватывая одну позицию за другой. Сопротивление хува было ожесточенным” [215, 15.10.1895]. Но малагасийцы продолжали отступать, несмотря на значительные подкрепления и ввод свежих сил. Надежды они возлагали теперь на гвардию, наиболее обученную и хорошо вооруженную часть армии.

Малагасийские правители находились в полной растерянности, не могли обеспечить четких координированных действий своих вооруженных сил. К тому же в армии сложилось ненормальное положение: одновременно было два полевых командующих боевыми действиями — Райниандзалахи и Рамасумбазаха. Последний, формально отстраненный от командования, продолжал самостоятельно участвовать в боевых действиях, опираясь на верные ему отряды.

„Легкая” колонна, преодолевая упорное сопротивление малагасийцев, 29 сентября подошла к столице и остановилась лагерем в Илафи, родине Райнилайаривуни, в восьми километрах от Антананариву. Штурм столицы был назначен на утро следующего дня.

Антананариву готовился к обороне. В городе было введено военное положение, на возвышенностях вокруг него были установлены батареи, которые могли простреливать все основные магистрали [71, с. 109], на улицах сооружались баррикады [161, с. 482]. В столице и ее окрестностях было сосредоточено до 25 тыс. вооруженных людей и солдат [182, с. 203], около 100 пушек и митральез [90, с. 297], много современного

огнестрельного оружия, снарядов и боеприпасов. Кроме того, окрестности Антананариву были защищены цепью фортов и инженерных сооружений, одним из основных опорных пунктов стала обсерватория.

Наступление на столицу началось 30 сентября в 6.30 утра. Но еще в 6.00 около 2 тыс. малагасийцев под руководством Райниандзалахи при двух пушках напали на французский конвой и арьергардные части, которые были вынуждены занять оборону. Только к 12.45 удалось отбить атаку [71, с. 110; 90, с. 296-297]. Захватив приблизительно к 15 часам все господствующие высоты вокруг города, „легкая“ колонна начала обстрел Антананариву. К 15.30 малагасийские батареи, расположенные в районе королевского дворца, где находился крупный склад вооружения и боеприпасов, перестали отвечать. После этого было выпущено еще два или три мелинитовых снаряда по дворцу. С флагштока сполз королевский флаг и его место занял белый. Через 15 минут к французским позициям с белым флагом прибыл М. Рабибисуа, секретарь и переводчик Райнилайаривуни. Он был послан премьер-министром с просьбой прекратить огонь. Генерал предъявил ультиматум, и сын Райнилайаривуни, прибывший через полчаса, принял его. Французские войска вошли в столицу, заняли все стратегические пункты, приступили к разоружению малагасийской армии и конфискации оружия. 1 октября французский главнокомандующий въехал в столицу [71, с. 111-113].

9 октября французские парламентарии предложили малагасийцам без боя сдать укрепленный район Фарафата в течение 48 часов. 11 октября, за несколько минут до окончания срока ультиматума, Райнандриампандри принял условие и передал французским властям позиции [90, с. 305].

В соответствии с принятым палатой депутатов решением генерал Дюшен имел проект готового договора, который предусматривал установление протектората над островом. С малагасийской стороны договор подписали Разанакумбана (пятнадцатый ранг), министр юстиции, и Расандзи, бывший секретарь Райнилайаривуни. Он состоял из семи основных и двух дополнительных статей. Статья 1 гласила, что малагасийское правительство принимает протекторат Франции со всеми вытекающими последствиями: контроль над внешней политикой и местной администрацией, присутствие на острове французского контингента, расширение территории и пересмотр статуса базы Диего-Суарес. В дополнительных статьях указывалось на необходимость изменения положений договоров 1868 и 1885 гг. об аренде и приобретении земель и введения французского судопроизводства [96, с. 116—117]. Договор от 1 октября не был представлен французскому парламенту.

Еще 18 сентября французский министр иностранных дел отправил телеграмму на имя Дюшена с инструкцией отложить заключение мирного договора. Это было связано с решением объявить Мадагаскар колонией и установить там прямое управление. Но в Антананариву телеграмма дошла только 7 сентября, после подписания договора [96, с. 122]. 12 октября по распоряжению Дюшена был конфискован текст, напечатанный на французском и малагасийском языках в королевской типографии в Антананариву и запрещены дальнейшие публикации договора [129, с. 121]. 18 января 1896 г. было подписано окончательное соглашение, состоявшее из пяти статей. Оно в общих чертах повторяло договор от 1 октября 1895 г. Из нового договора были изъяты второстепенные пункты и удалено слово "протекторат". По договору генеральный резидент представлял правительство Французской республики при королеве Мадагаскара. В его руки переходили все без исключения внешние сношения Малагасийского государства, контроль над местной администрацией, выдача разрешений на концессии. Франция имела право размещать на Мадагаскаре любое количество войск, необходимое для выполнения условий договора [40, 189b, № 2, с. 5—6]. А согласно декрету от 11 декабря 1895 г. управление Мадагаскаром было изъято из ведения министерства иностранных дел и передано министерству колоний [40, 1895, № 70, с. 81].

Каковы же причины поражения Малагасийского государства во второй франко-

малагасийской войне? На Мадагаскаре были все необходимые предпосылки для успешного отражения французской агрессии, большая, относительно хорошо организованная и обученная армия, вооруженная современным стрелковым и артиллерийским оружием, имевшая богатый опыт боевых действий. Все основные районы острова были охвачены системой естественных и искусственных оборонительных сооружений. По признанию военных специалистов, некоторые из них были практически неприступны для французских войск. Малагасийцы были на своей территории, прекрасно знали местность, могли навязывать бои там, где это было им выгодно. Они были приспособлены к своему климату, не испытывали недостатка ни в провианте, ни в фураже.

Одна из важнейших причин поражения Малагасийского государства — разный уровень социально-экономического развития Франции и Мадагаскара. Но причина не единственная и не все объясняющая. Ведь удалось же отсталой Эфиопии сохранить политическую независимость в борьбе с капиталистической Италией. Причины поражения Малагасийского государства необходимо рассматривать в комплексе внешне- и внутривнутриполитических факторов.

В последней трети XIX в. в наиболее развитых государствах мира, в том числе и во Франции, осуществлялся переход от домонополистического капитализма к империализму. В этот период завершался территориальный раздел Африки. Неблагоприятным внешнеполитическим фактором было также ослабление возможности использовать противоречия между отдельными капиталистическими странами, что было особенно важно для Малагасийского государства, которое успешно противостояло с помощью Англии и США французской экспансии в начале 80-х годов. В 90-х годах XIX в. в результате двусторонних и многосторонних контактов были намечены сферы влияния крупнейших капиталистических держав в Африке.

Внутриполитическая обстановка во Франции также благоприятствовала захвату острова. В 1894 г. к власти пришло правительство, в которое вошли видные сторонники колониальной политики и которые получили посты министров иностранных дел и колоний. В парламенте была сильна так называемая колониальная партия, представители которой с начала 70-х годов настоятельно требовали аннексии Мадагаскара [124]. В начале 1894 г. палата депутатов французского парламента единодушно одобрила политику правительства, направленную на захват острова.

Следует отметить, что французы во время подготовки ко второй франко-малагасийской войне сумели по достоинству оценить боеспособность малагасийской армии. Они извлекли уроки из войны 1883-1885 гг. Были произведены необходимые геодезические изыскания, составлены карты острова, проведена рекогносцировка местности, хорошо была поставлена разведка. Французские исследователи изучали различные аспекты жизни малагасийского общества.

Французская историография конца XIX в. много внимания уделяла малагасийской армии. При анализе ее боеспособности основной упор делался на количественные показатели — численность личного состава, количество и качество вооружения. Из этого следовал вывод о ее высоких потенциальных возможностях, о ее способности противостоять крупным европейским формированиям. Но не был учтен моральный дух войск, а он оказался относительно низким. Почему это произошло, невозможно объяснить, исходя только из объективных предпосылок. Так же, на наш взгляд, не верен тезис французской историографии XX в. о серьезной переоценке малагасийской армии, о плохом вооружении, неумении им пользоваться, о недостаточной обученности. Но в 1883-1885 гг. малагасийцы показали и хорошее умение пользоваться современным оружием, и высокий моральный дух. Малагасийская армия вела не только оборонительные, но и наступательные действия. По-видимому, ответ на этот вопрос лежит в области не столько военно-политической, сколько социально-экономической.

А социальное и экономическое развитие Малагасийского государства не

укладывается в привычные для Африканского континента рамки. Если в начале XIX в. оно было сопоставимо с большинством аналогичных обществ Тропической Африки, то к его концу оно было если не самым развитым, то одним из самых передовых. Что произошло за столь короткий для истории срок? Обычно феномен Малагасийского государства, то, что мы называем „ускоренным развитием“, объясняется влиянием Европы в целом и миссионеров Лондонского миссионерского общества в частности. Одно из лучших исследований данного вопроса так и называется - „80 лет европейского влияния в Имерине“. Но тогда возникает другой вопрос: почему в тех районах, где подобное влияние было более продолжительным и интенсивным, ничего подобного не наблюдалось?

подавляющее большинство авторов видят в быстром экономическом развитии Малагасийского государства, особенно его ядра — Имерины, исключительно европейское влияние, некоторые малагасийские историки — только трудолюбие и гений народа [116]. Оба эти фактора необходимо учитывать, но нельзя их абсолютизировать. На наш взгляд, ответ заключается в следующем. Малагасийское общество было готово к восприятию нового, имела внутреннюю социальную мобильность, определенную открытость высших слоев общества, связанных прежде всего с экспортно-импортной торговлей. Произошел синтез „традиционного“ и „современного“ в экономической, политической и духовной жизни.

Анализ экономических процессов в Малагасийском государстве мы основываем на теоретических положениях коллективной монографии „Эволюция восточных обществ. Синтез традиционного и современного“ [123], но не считаем возможным механическое перенесение основных выводов на все цивилизации всех времен. Еще В.И. Ленин писал о том, что „одно из самых основных свойств империализма заключается как раз в том, что он ускоряет развитие капитализма в самых отсталых странах и тем самым расширяет и обостряет борьбу против национального угнетения“ [3, с. 132]. Роль внешнего фактора нельзя недооценивать, так как он может воздействовать на внутреннюю ситуацию. „Вся структура самой нации зависит от ступени развития ее производства и ее внутреннего и внешнего общения“ [1, с. 20]. „Внешние влияния... при известных условиях из фактора внешнего превращаются в вопросы внутреннего развития, со всеми последствиями“ [120, с. 31]. Абсолютно прав советский ученый М.Я. Сюзюмов, пришедший к этому выводу на античном материале. Эта закономерность относится и к Африке нового времени. Подобную точку зрения разделяет и нигерийский экономист К. Аке: торговля „помогала создавать новые потребности у населения, стимулировала создание денежного рынка... расширяя сферу товарно-денежных отношений“ [104, с. 63].

Постоянные связи Мадагаскара с Европой начались с торговли. С увеличением товарооборота с развитыми капиталистическими государствами на острове начали действовать общие законы товарного обмена. В закономерности развития малагасийского общества был привнесен элемент капиталистических отношений. Хотя по способу производства оно оставалось докапиталистическим, по направлению своего развития оно уже было иным.

Но почему ускоренное развитие не происходило повсеместно, где налаживались торговые отношения между странами разных стадий развития, где происходил синтез между традиционным и современным, где уже сложились социально-экономические предпосылки для восприятия нового? Дело в том, что скорость взаимодействия традиционного и современного зависит от внешнеэкономических факторов, как скорость течения химической реакции зависит от наличия катализаторов. Первым таким катализатором, оказавшим воздействие на ускорение развития социально-экономических процессов, является сопротивление колониальному завоеванию. А.Б. Давидсон доказал, что оно является „одним из самых важных стимулов исторического развития африканских народов“, способствует развитию государственности, этнической консолидации, возникновению самосознания [141, с. 50-51; 142, с. 178]. К аналогичному выводу пришел Д. Фрэнгер на материале Иудейского царства [122, с. 192]. Малагасийское общество на

протяжении двух веков испытывало разной интенсивности угрозу колониального завоевания.

Вторым важным катализатором явилось христианство. Оно стало распространяться на Мадагаскаре в начале XIX в. как среди представителей господствующих сословий, так и среди народных масс, а в 1868 г. протестантизм стал официальной религией Малагасийского государства. Христианство во многом стало организующей, мобилизующей и ломающей прошлые устои силой. „И хотя для господства данного класса (буржуазии. — Авт.) еще не было реальных экономических условий, хотя общество еще не было готово к переходу на новые рельсы, однако организованная государственная машина с органами принуждения создавала эти необходимые условия всеми имеющимися в ее распоряжении средствами" [120, с. 34-43].

Процесс синтеза традиционного и современного, открывшего путь ускоренному развитию, не был ни одноразовым, ни протекающим по прямой восходящей линии. В нем можно выделить несколько этапов. Первый этап — интенсивное знакомство с Европой при Радаме I и в первые годы правления Ранавалуны I (1816 — начало 30-х годов XIX в.). В это время шло простое, механическое перенесение „цивилизации" на малагасийскую почву. Естественная реакция - „закрытие" Мадагаскара при Ранавалуне I (начало 30-х годов — 1861 г.), попытка вернуться в XVIII в. Если при Радаме I европейское вводилось „сверху", то во время правления его жены оно пробивалось „снизу", преимущественно в духовной жизни общества (христианство, образование). Определенный импульс им придавали запрет и массовые гонения. Соединение этих двух тенденций могло бы создать почву для синтеза. Но он произошел не сразу. Радама II (1861-1863) попытался „варварскими" методами „внедрить" на остров европейцев, а через них — „современное", подавляя или в лучшем случае игнорируя все „традиционное". Но, несмотря на благоприятные предпосылки для начала активного синтеза, „традиционное" вступило в конфликт с „современным" и победило, Радама II был свергнут, его начинания были отменены, а его имя было вычеркнуто из генеалогии правящей династии. Наступил кризис (1863—1870), т.е. переходное состояние, которое могло привести вновь к более или менее полному „закрытию" острова или открыть путь к широкому синтезу.

Вот здесь угроза колониального завоевания сыграла роль катализатора ускоренного развития. Малагасийское общество и государство пошли по пути активного синтеза. Он охватил прежде всего политическое и культурное развитие, экономическое — в гораздо меньшей степени, так как еще не сложились предпосылки для его ускоренного развития, а европейское влияние само по себе ничего не решало.

Ускоренное развитие экономики выразилось прежде всего в восстановлении двух крупных предприятий европейского типа и в строительстве третьего, не входивших в рамки ремесленных объединений, Первое из них основал шотландец Камерон в Илафи, здесь изготовлялся порох, делались ружья, выполнялась различная работа по металлу, На заводе работало около 300 человек. В 1837 г. в Мантасуа француз Ж. Лаборд построил доменную печь, наладил выплавку чугуна, изготовление железа, меди, стекла и изделий из них, отливку пушек. Там же производили селитру, порох, краски, мыло, свечи и т.д. Здесь в 1885 г. также трудилось примерно 300 человек. Третье крупное предприятие по производству пороха, патронов и винтовок было организовано на окраине Антананариву, в Исутри. Энергоносителем, как и на первых двух, было колесо, приводимое в движение водой из реки по каналу длиной в два километра. На этом заводе были установлены современные машины, закупленные в Англии [106, с. 113; 136, с. 231-232].

Необычна история создания завода Ж. Лаборда. В период строительства на нем работало около 20 тыс. человек, число постоянных рабочих достигало 1200. После смерти Лаборда в 1857 г. завод был разрушен почти до основания [106, с. 113], так как малагасийская экономика того времени не нуждалась в предприятиях подобного типа. Строительство завода Лаборда было скорее всего капризом стареющей королевы, старавшейся удержать фаворита-европейца. Эти предприятия были насильно

привнесенным элементом европейской действительности, чуждым традиционному обществу. Но через десятилетие после вовлечения Мадагаскара в процесс ускоренного развития завод, как и предприятие в Илафи, был восстановлен. Армия - основная сила противодействия Малагасийского государства колониальному завоеванию — нуждалась в вооружении и боеприпасах, а следовательно, и в металле.

С начала 90-х годов XIX в. Малагасийское государство переживало сложный переходный период, который мог привести как к улучшению, так и к ухудшению прежнего состояния. Он был вызван прежде всего процессом ускоренного развития, активного вовлечения Мадагаскара в мировую экономическую систему. Передовые надстроечные структуры, созданные волевым путем по образцу и подобию европейских, вступили в противоречие с отсталым экономическим базисом. Традиционное общество осознавало опасность внешнего влияния, проводником которого являлась часть господствующего класса, и пытались сохранить свои устои. Основная масса населения Мадагаскара была психологически не готова к восприятию преобразований. Переориентация Малагасийского государства на внешний рынок привела к сокращению посевов продовольственных культур, что значительно повысило цены на основные продукты питания [106, с. 191]. Введение денежных налогов способствовало распространению товарно-денежных отношений не только вширь, но и вглубь, вплоть до традиционной общины. Часть крестьян направлялась в города, в основном в Антананариву, на заработки. Некоторые цеховые объединения не выдерживали конкуренции со все возрастающим потоком дешевых привозных и производимых на трех крупных малагасийских предприятиях товаров и разорялись. Бывшие члены этих объединений пополняли ряды не имевших работы.

Непосильные выплаты 10 млн. фр. по договору 1885 г. опустошили казну. Правительству пришлось прибегнуть к займам на кабальных условиях. Нехватку денежных средств Райнилайаривуни пытался компенсировать все возрастающими налогами, поборами и реквизициями. Положение ухудшали крупные финансовые аферы, которые проводились с ведома некоторых малагасийских чиновников. Рост цен, массовое обнищание резко обострили борьбу народных масс против проводимой правительством внутренней политики. Своеобразной формой социального сопротивления стало разбойничество, охватившее все слои малагасийского общества, от простых крестьян и горожан до сына Райнилайаривуни. Крупные отряды действовали даже в окрестностях Антананариву. Для подавления движения использовались воинские подразделения.

Сама правящая верхушка не была единой. Высший эшелон власти разделялся на множество группировок, отстаивавших свои интересы. Королева и ее окружение препятствовали начинаниям Райнилайаривуни, дискредитировали их перед народными массами. Многолетнее управление страной наложило отпечаток на премьер-министра. С годами Райнилайаривуни становился все подозрительнее, жестоко расправлялся с подлинными и мнимыми соперниками, что не способствовало укреплению государственной власти [189, с. 1230-1236].

Нестабильность, отсутствие единства в высшем звене управления, непонимание между Райнилайаривуни и Ранавалуной III, ее систематическая оппозиция начинаниям и действиям премьер-министра, наличие противоборствующих группировок в высшем эшелоне власти и, как следствие, попытки утвердить своих ставленников на тех или иных ключевых постах — все это наносило ущерб национальным интересам.

Командный состав армии, как правило, состоял из людей, не способных к руководству, плохо обученных. Райнилайаривуни боялся усиления популярности любого военного, поэтому командующим армией, даже в самый критический момент, не стали ни Райнандриампандри, ни принц Рамахатра. Был нарушен принцип единоначалия на заключительном этапе войны. Райнилайаривуни сковывал наступательную инициативу, допустил ошибку, рассредоточив армию по всему острову и не собрав ее после начала боевых действий. В результате малагасийцы не имели значительного численного перевеса

на решающих участках, что в какой-то мере могло компенсировать недостатки в обучении. Часть высших офицеров, тесно связанных с торговлей, с безразличием относились к судьбе государства, папая, что французы будут контролировать не внутреннюю, а исключительно внешнюю политику государства.

Все перечисленное выше было следствием глубочайшего, охватившего все малагасийское общество кризиса (который не мог произойти ни в одной из стран Тропической Африки, включая Эфиопию), несоответствия сформировавшихся и действовавших передовых надстроечных элементов остающемуся в основном неизменным базису докапиталистического общества. Мы полностью разделяем мнение Н. А. Симонии о том, что „возникновение в отсталой стране ситуации несоответствия передовой надстройки отсталому базису может привести в основном к одному из трех результатов: 1) надстройка может удержаться на не соответствующем ей базисе, приспособившись к нему, с тем чтобы направить его дальнейшее развитие в нужном ей направлении; 2) надстройка может удержаться на не соответствующем ей базисе, но ценой такого приспособления, которое означает перерождение самой надстройки и приведение ее в соответствие с базисом; 3) надстройка вступает в прямой конфликт с базисом, пытается „отменить" его и падает жертвой собственного неразумия" [117, с. 73]. Сейчас невозможно установить, по какому пути развивался бы кризис несоответствия передовой надстройки отсталому базису. Но именно в нем заключается причина того, что Малагасийское государство не смогло реализовать свой значительный оборонительный потенциал.

Произошло разрушение традиционного массового сознания. Большая часть малагасийцев не сумела перестроиться, приспособиться к новому. Реальное ухудшение условий жизни, быстрое размывание устоев обыденного существования, непонимание и неприятие целей правящей верхушки, не способной донести до масс новые ценности, потеря жизненных ориентиров привели к пассивности значительную часть общества, включая рядовой состав армии. Произошел разрыв в историческом сознании малагасийцев. Они были готовы защищать традиционные ценности (как через несколько месяцев во время восстания меналамба), но не видели существенной разницы (включая внешний вид, манеры поведения, образ жизни) между правящей элитой и французскими завоевателями. Они не желали поддерживать ни одну из противоборствующих сторон.

Несмотря на подписание мирного договора и установление реального протектората над Мадагаскаром, номинально главой государства оставалась королева. Французы реально контролировали только Антананариву, крупные портовые города и несколько укрепленных пунктов с гарнизонами. Тем не менее фактическая власть принадлежала генеральному резиденту Франции, а охрана границ и внутренняя безопасность были прерогативой французских военных властей. Высшие должностные лица малагасийской администрации были заново назначены командующим французским экспедиционным корпусом генералом Дюшеном, По его же приказу бывший премьер-министр Райнилайаривуни был сослан в Алжир. Вместо него был назначен известный своими симпатиями к Франции Райницимбазафи. В крупнейших городах - Тананариве (так с октября 1895 г. стала именоваться столица Мадагаскара в соответствии с ее французским названием), Фианаранцуа, Таматаве и Мадзунга появились французские военные гарнизоны.

Глава пятая

ВОССТАНИЕ МЕНАЛАМБА

Непосредственным поводом к началу открытого вооруженного сопротивления колониальному захвату послужил приказ о сдаче оружия и роспуске малагасийской армии 5 октября 1895 г. Во многих областях страны почти одновременно вспыхнуло

антиколониальное движение меналамба (1895—1898)*. Партизаны действовали на широком фронте — от Амбухидратриму и Бабай на севере до Илафи и Махаридаза на юге Имерины [191, с. 9]. Последние выступления повстанцев были отмечены в 1902 г., когда колониальным властям удалось подавить очаг сопротивления на юго-востоке Мадагаскара.

В проколониальной историографии односторонне трактуется содержание антиколониальной борьбы малагасийского народа. Она рассматривается как стихийное движение в Имерине и прилегающих к ней районах Мадагаскара, направленное против правительства в Тананариве (если основная часть повстанцев-мерина) или против мерина вообще (если участники в основном не мерина). Выступления, более поздние или происходившие в других областях страны, вообще не причисляются к антиколониальной борьбе и изображаются как „анархистские устремления, свойственные дикарям“, как „борьба против гегемонии мерина“, „автохтонный патриотизм“ [24, № 245, с. 955]. Выдвигается тезис о том, что будто бы против французов выступили только мерина, боявшиеся утратить свое „привилегированное положение“ по отношению к другим этническим группам страны [24, № 248, с. 89].

Необоснованность этих утверждений становится очевидной даже при знакомстве с источниками, которые трудно обвинить в симпатиях к меналамба. Так, орган французских колонистов газета „Курье де Мадагаскар“ писала: „В районе города Имеримандрусу начались беспорядки (так в официозной печати обозначались действия меналамба. — Авт.). Во главе повстанцев стоит Рабезавана, однако среди участников не только хува, но и сакалава, особенно это касается района Маруфуци. Центр повстанческого движения - на севере Мандрицары. Хува направили на север не сданное французской армии оружие и построили военные лагеря и базы“ (цит. по [191, с. 25]).

Известно, что еще до оккупации французской армией Антананариву один из сыновей премьер-министра Райнилайаривуни, Рабануна, вывел часть войск из зоны боевых действий в район городов Амбатундразака и Мандрицара, где впоследствии возник один из крупнейших очагов восстания. Вновь он появился в столице в июле 1896 г. [191, с. 20]. В канун взятия Антананариву и окончательного поражения в войне 1894-1895 гг. малагасийцы укрывали винтовки и орудия [187, с. 68—76].

Существуют две точки зрения на участие в восстании меналамба бывших руководителей Малагасийского государства. Первая, в основном поддерживаемая представителями французской проколониальной историографии (например, [65; 66; 156; 170]) и некоторыми советскими историками [110], заключается в том, что движение меналамба подготовили и возглавили высшие чиновники-малагасийцы. Она основывается на официальных французских документах. Ее слабое место заключается в том, что генерал-губернатор Мадагаскара Галлиени с самого начала взял курс на установление единоличной власти и отстранение малагасийской элиты от управления на всех уровнях. Политическая дискредитация высшего звена управления Малагасийского государства, экспроприация его имущества и даже физическое уничтожение его наиболее выдающихся представителей полностью соответствовали интересам колониальной администрации и французских предпринимателей.

Согласно другой точке зрения (она высказывалась еще в начале XX в.), доказательства об участии представителей малагасийской элиты в восстании меналамба были сфабрикованы. В 1980 г. английский ученый С. Эллис, изучив материалы частных и государственных малагасийских архивов, достаточно убедительно подтвердил эту версию. И та и другая позиция хорошо аргументированы и строятся на источниках, поэтому мы не можем высказать окончательного суждения о правомерности той или иной точки зрения. Несомненно одно: часть чиновников Малагасийского государства среднего

* Меналамба - букв. в переводе с малагасийского означает красные ламба. Ламба - традиционная одежда малагасийцев белого цвета, в походных условиях окрашивалась в красный цвет малагасийских почв.

звена принимала активное участие в восстании.

Антиколониальное движение охватило почти все области Мадагаскара. В вооруженную борьбу включилось большинство населения, на время отошли на второй план этнические, региональные и социальные противоречия. Вот два свидетельства прессы тех времен, которые дают представление о размахе и характере движения уже на начальной стадии: „Ухудшается положение в области Безанузану, а также на западном побережье страны, прервано сообщение между Таматаве и столицей. В движение включились почти все сакалава" [215, 6.11.1896]. „Движение... постоянно ширится, охватывает все большее число людей. Появилось множество отрядов, вооруженных винтовками систем „шнейдер" и „ремингтон", они строят свои базы в лесах. Действуют повстанцы на границах области Имерина и по берегам р. Мангуру. На севере острова численность повстанцев достигает 20 тыс. человек. На юге страны они перекрыли дороги между Манандзари и Фианаранцуа. Все население области Сакалава примкнуло к повстанцам" (газета „Мадагаскар", 16.12.1895, цит. по [191, с. 25]).

Большинство документов того времени свидетельствует, что против колонизаторов поднялось почти все крестьянство [191, с. 26; 40, с. 10]. Не пошли на сотрудничество с французами и многие представители королевской семьи, традиционной знати. Так, на сторону повстанцев перешел глава королевской службы поставок вооружений Райнидафи [6, 472]. Высокое положение в традиционной иерархии занимали предводители отрядов меналамба. Рабузака был чиновником девятой степени знатности, Рабезавана-Равайкафу имел придворный титул „королевского пастуха", Раманаси был чиновником двенадцатого ранга [191, с. 27].

Для установления возможных контактов между представителями Малагасийского государства и повстанцами меналамба в июне 1896 г. была создана служба военной разведки во главе с лейтенантом Пельтье [24, № 248, с. 79]. Вскоре тот заявил, что получены доказательства существования антифранцузского заговора, нити которого ведут в столицу, а непосредственное руководство осуществляет генеральный секретарь малагасийского правительства Расандзи. По словам Пельтье, Расандзи перед лицом неопровержимых доказательств сознался во всем [24, № 248, с. 79]. После этого были арестованы многие высокопоставленные чиновники. На допросах королевский конюший Рацимба, у которого дома нашли огнестрельное оружие, показал, что все задержанные состояли в заговоре, что в столице было пять групп заговорщиков, каждая из которых имела на вооружении помимо винтовок по два орудия. Тогда же был составлен список участников тайной организации, в которую входили Рателифера — внук премьер-министра Райнилайаривуни, чиновник шестнадцатой степени знатности; принц Ракутумена — племянник королевы; Райниандзалахи - наместник в Амбудирану; Марк Рабисуса - бывший секретарь Райнилайаривуни; Рацимаманга и Разафимананцуа - дяди королевы; Рамиадана - молочная сестра королевы; Разанакумбана — министр юстиции в правительстве Райнилайаривуни; Радзуелина - сын Райнилайаривуни [24, № 248, с. 80-84].

Однако генеральный резидент И. Ларош (как, впрочем, и некоторые другие руководители французской гражданской администрации на Мадагаскаре), не верил в заговор, в связь повстанцев с высшими малагасийскими чиновниками и посчитал свидетельства недостаточными. По его мнению, заговор явился плодом фантазии военных и колонистов, искавших предлога, чтобы обосновать необходимость уничтожения местных институтов власти и превращения Мадагаскара в колонию с прямым управлением [24, № 248, с. 85].

Вскоре обстановка резко изменилась. Активизация действий меналамба и нежелание большинства членов малагасийского руководства сотрудничать с французами показали неэффективность гражданской администрации. 6 августа 1896 г. французский парламент принял закон об аннексии Мадагаскара и превращении его в колонию Франции. Декретом французского правительства от 11 июля 1896 г. вся власть на острове перешла к военным во главе с генерал-губернатором Галлиени [66, с. 25—26], т.е. к тем,

кто требовал расправиться с малагасийской элитой. Поэтому, когда в октябре 1896 г. обнаружались письма (по данным С. Эллиса - фальшивые) предводителей антиколониального движения к королеве и высшим чиновникам, Ранавалуна III была взята под домашний арест. Министр внутренних дел Райнандриампандри, принц Рацимаманга, внук короля Радамы II — Рабубалахи, родственник Райнилайаривуни — Райницаруви и шесть других высокопоставленных чиновников были расстреляны 15 октября 1896 г. Позднее французы упразднили королевскую власть, пост премьер-министра, всю государственную структуру [65, с. 32].

Видимо, следует признать, что вопрос недостаточно изучен. Конечно, новые источники, использованные С. Эллисом (материалы личных архивов Лароша и Лиотэ — одного из ближайших сотрудников Галлиени), подтверждают, что аргументация Галлиени фальсифицирована. Тем не менее бесспорными являются свидетельства участия в организации движения сына Райнилайаривуни - Рабануны, письма бывшего заместителя в Менабе Раза-финдразаки королеве с призывом возглавить восстание [24, № 248, с. 79] , письмо Рабезаваны-Равайкафу принцу Рамахатре. Знать, особенно среди мерина, объективно не была заинтересована в передаче власти французам и не пошла на сотрудничество с ними.

Уже в первые месяцы движения (сентябрь — ноябрь 1895 г.) борьба развернулась не только в Имерине, но и в областях Бецимисарака, Сакалава, Бецилеу, Цимихети, Анциханака. В сентябре — ноябре 1895 г. восстание охватило почти всю северную половину Мадагаскара — сотни тысяч квадратных километров территории, многие этнические группы, совершенно неоднородные по степени развития. Существовало два типа построения отрядов: наподобие частей бывшей королевской армии Мадагаскара и по принципу народного ополчения (в районах, где центральная власть была слабой).

По данным И. Лароша [24, № 249, с. 158] , в Имерине численность меналамба достигала 14-15 тыс. человек, вооруженных 3 тыс. винтовок. Галлиени говорил о 40 тыс. партизан (10 тыс. винтовок), которые угрожали столице в сентябре 1896 г. [43, с. 9—11; 64, с. 3] . В области Андруй у населения в 1901 -1903 гг. было собрано 12,2 тыс. ружей [144, с. 25] . Крупные отряды насчитывали 2—3 тыс. человек, причем каждому командиру подчинялись два-три „лейтенанта". Так, Рабезавана-Равайкафу возглавлял отряд численностью около 3 тыс. человек, его помощниками были „лейтенанты" Рафаненитра, Радзануели-на, Равалисуа. Во многих областях партизаны воевали под королевскими штандартами [187, с. 310-311].

Эти данные, а также сведения только по Имерине (в мае-июле 1897 г. в округе Амбухидрабиби отряды меналамба насчитывали 27 тыс. человек, в округе Амбухидратриму - 45 тыс. [43, с. 102—104]) позволяют говорить о том, что в восстании на разных этапах участвовали десятки, если не сотни тысяч человек, вооруженных десятками тысяч единиц огнестрельного оружия, не говоря о холодном.

На побережье Мадагаскара во главе отрядов меналамба стояли представители местных правящих династий и знати [11; 16]. Например, на севере области Сакалава борьбой руководил правитель Туэра, позднее - его брат Баваха, у них в подчинении были представители различных линиджей сакалава — Симбилу, Цикетрака, Вазу, Бурики, Митрайки, Хавана. Многие отряды также объединяли до 2 тыс. воинов, но делились они чаще всего на группы по 150-200 человек [24, № 245, с. 957] . Как и во многих других окраинных районах Мадагаскара, лишь номинально включенных в состав единого государства, в Сакалаве до прихода французов еще не было регулярной армии. Оборонительные функции выполняло ополчение [191, с. 29] .

Меналамба совершали атаки на оккупантов в городах и даже на столицу. Так, летом 1896 г. бои велись в Исутри и Андррайнариву — на окраинах Тананариве. В сентябре меналамба подожгли дома в Исутри и разбросали по всей столице листовки [12]. Летом 1896 г. партизаны заняли административный центр губернаторства Вунизунгу (область Сакалава), захватив в плен губернатора [24, № 248, с. 73].

Особенно опасными для захватчиков были стратегически важные дороги. Вдоль дороги Тананариве — Таматаве, например, французское командование вынуждено было создать военные посты в каждой деревне. В населенных пунктах на востоке Имерины гарнизоны отстояли друг от друга всего на полкилометра. К августу 1896 г. только в Имерине было создано свыше 30 французских постов, которые защищали около 4,5 тыс. солдат [24, № 249, с. 150]. К Имерине, центру восстания, стягивались войска со всего острова. На 1 октября 1896 г. оккупационный корпус в Имерине состоял из двух батальонов алжирских стрелков, 13-го полка морской пехоты, колониального полка (хауса и сенегальцы), полка малагасийских стрелков, а также трех артиллерийских батарей [43, с. 90; 66, с. 28—29].

Меналамба придавали большое значение пропаганде среди населения войны против захватчиков. Это имело тем большее значение, что на Мадагаскаре издавна высоко ценилось ораторское искусство. Зная это, колонизаторы особенно боялись влияния агитаторов. Так, карательный отряд полковника Удри, посланный против партизан Райнибецимисараки, специально изменил направление движения, узнав, что в соседнем районе появилась группа служителей традиционных культов. По словам Лароша, они вели „антихристианскую и антифранцузскую агитацию, что готовило почву для восстания“, ею занимались и довольно высокопоставленные чиновники [162, с. 271]. Солдаты Удри убили их и сожгли деревню Махандзара, где те останавливались [24, №246, с. 1081]. Меналамба вели пропагандистскую работу и в малагасийской армии, которая до октября 1896 г. официально сохранялась наряду с французской. Одно из свидетельств тому - раскрытый в Манандзари заговор малагасийских офицеров, которые намеревались поднять восстание в городе и присоединиться к меналамба [24, № 248, с. 87].

Несомненной удачей повстанцев стало проведение сбора средств в пользу меналамба. О том, какая внушительная сумма была собрана, свидетельствует хотя бы тот факт, что Райнибецимисарака объявлял награду в 15 тыс. фр. тому, кто захватит в плен французского генерального резидента на Мадагаскаре И. Лароша [24, № 247, с. 1159]. В результате активных действий партизан и их сторонников в течение нескольких месяцев французы опасались передвигаться по дорогам, даже в непосредственной близости от столицы [6, № 472]. В июне 1896 г. меналамба уничтожили телеграфную линию Тананариве — Таматаве [24, № 248, с. 76].

О силе движения свидетельствует то, что колонизаторам не удалось сформировать надежные отряды „туземной полиции“, хотя вступавшим обещали передать земли повстанцев [13]. Эти меры были малоэффективными, так как многие из них присоединялись к меналамба. Галлиени признавал, что „большинство повстанцев - набранная из местных уроженцев полиция“ [65, с. 142]. Нередкими были и случаи перехода на сторону меналамба подразделений формально сохраненной французами малагасийской армии, а то и целых гарнизонов в городах. Например, при атаке меналамба на г. Амбухипихауна к партизанам присоединился весь гарнизон, и общими усилиями они уничтожили всех французов и бывших с ними заодно малагасийцев. В результате в руки повстанцев перешел административный центр области Вунизунгу, была перерезана дорога Тананариве - Мадзунга [24, № 247, с. 1167-1168].

Партизаны-меналамба нападали на военные посты и отряды оккупантов, уничтожали захватчиков, перерезали коммуникации. Это была „война на истребление“ против колонизаторов и всех, кто их поддерживал. Французская проколониальная историография усматривала в этом лишь „варварство“, „анархию“. Но это была справедливая национальная война. Основной причиной сопротивления колонизируемых народов являлась политика европейских правительств, которые причинили завоеванным народам несоизмеримо более глубокие бедствия, чем все прежние захватчики. Так, в январе 1896 г. каратели капитана Фрейштатера в районе Марумби уничтожили штыками и прикладами сдавшихся партизан, которым они пообещали жизнь [24, № 245, с. 955].

В июне 1896 г. был издан указ генерального резидента Франции на Мадагаскаре,

по которому к смертной казни без суда и следствия приговаривались все, кто не выполнял распоряжения о сдаче оружия или был заподозрен в связях с меналамба [24, № 246, с. 1090]. Часто жертвами преследований становились даже те, кто сохранял нейтралитет и был лоялен колониальной администрации [191, с. 20]. В октябре 1896 г. карательный отряд Бессона расстрелял почти всех мерина в области Бецилеу, хотя те не поддерживали повстанцев [191, с. 21]. Такие отряды сжигали на пути все посеы и деревни без исключения [24, № 246, с. 1089]. Даже по французским официальным данным, только с 1895 по 1900 г. население страны сократилось почти вдвое - с 5 до 2,6 млн. человек [65, с. 112].

Тем не менее освободительная борьба ширилась. К середине 1896 г. она охватила почти весь остров. „Целые деревни открыто выступают заодно с повстанцами и поощряют их деятельность" [161, с. 153-154]. Основными лозунгами движения были уничтожение захватчиков и всех, кто сотрудничал с французами, борьба против христианства, в защиту традиционных верований [24, № 245, с. 958].

Партизанам оказывали помощь ряд европейцев и других иностранцев, проживавших на Мадагаскаре. Так, на восточном побережье Мадагаскара за это были отданы под трибунал несколько колонистов-европейцев с Маврикия [24, № 245, с. 957]. По данным французской разведки, существовала целая сеть агентов американских торговых фирм, которые тайно доставляли оружие на юго-западное побережье Мадагаскара и оттуда контрабандным путем развозили его по всей стране [24, № 245, с. 966]. У одного из таких контрабандистов, схваченных французами в окрестностях столицы, была обнаружена крупная партия пулеметов, предназначенных для повстанческих отрядов на севере страны [24, № 247, с. 1062].

Как правило, оружие доставлялось через бухты и порты западного побережья острова (в Майнтирану, например, отсутствовала таможенная служба). К тому же многие реки на западе Мадагаскара судоходны на расстоянии до 100 км вверх по течению от устья для небольших легких парусников, которыми пользовались арабы, коморцы и арабизированное население северо-запада Мадагаскара. Любопытно свидетельство капитана Ле До, командовавшего французской военно-морской эскадрой на Мадагаскаре в 1896 г.: „Майнтирану — один из крупных центров ввоза оружия и снаряжения. Американская фирма „Ропс" посылает ежегодно трехмачтовый корабль со 100 ящиками ружей и 25 тыс. бочек пороха... Часть побережья, включая участок Мадзунга-Мурундава, не охвачена таможенной службой. Почти весь этот обширный район находится в руках арабов, коморцев и других, которые властвуют там безраздельно" [24, №249, с. 148].

Эти данные подтверждаются и другими сведениями. Галлиени отмечал, что „сакалава поддерживают индийцы, торговля которых издавна зависела от рабов и золота, продаваемых сакалава" [66, с. 269] . Эта торговля на западе страны приняла такие масштабы, что Галлиени, твердо уверенный в участии в ней многих „азиатских рас" (индийцев, китайцев, арабов и др.), ввел для каждой из таких „рас" систему коллективной ответственности — „конгрегации" той или иной „расы", главы которых отвечали за „преступления соплеменников" [65, с. 113] .

Таким образом, зародившееся как протест на иностранную оккупацию движение меналамба было направлено на борьбу не со всеми иностранцами, а лишь с колонизаторами. Повстанцы не щадили даже малагасийцев, если они сотрудничали с оккупантами. Многие губернаторы, назначенные французами (Райнивуни в Анкиратре, Ракутувуалаву в Вунизунгу, Рацимба в Маруватане и др.), были убиты [11; 16]. Партизаны убивали миссионеров, а также перешедших в христианство малагасийцев, разрушали церкви и монастыри, сжигали религиозную литературу. Одним из основных лозунгов движения был возврат к верованиям предков. Так, в области Анциханака отряды меналамба возглавлял колдун Раменамасу [187, с. 269] Меналамба испытывали ненависть к христианству не только как религии захватчиков. В 60-х годах XIX в. правители Мадагаскара объявили англиканскую веру государственной религией Мадагаскара, стали

всемерно способствовать ее распространению. Поэтому утрата независимости и французская оккупация воспринимались малагасийцами и как наказание за отход от веры предков. Миссионеров и тех малагасийцев, кто принял новую веру, рассматривали как пособников захватчиков. И не без оснований. Даже англиканские миссионеры, как признавал Галлиени, быстро нашли общий язык с французскими властями и выразили желание способствовать делу Франции на Мадагаскаре [41, с. 85]. А малагасийцы-христиане, свидетельствовал Ларош, охотно шли на сотрудничество с колониальной администрацией, поддерживали ее начинания [24, № 246, с. 1089].

В сознании малагасийцев потеря независимости увязывалась с принятием не только христианства, но и многих элементов европейской материальной и духовной культуры, уклада жизни. Появилось стремление возродить традиционные устои даже в чисто внешних моментах. Партизаны носили национальную одежду - ламба, на лоб надевали металлический щиток фелана, как воины во времена короля Андрианампуйнимерины [187, с. 161-178]. Они были снабжены амулетами, которые, по поверьям, предохраняли от пуль: при соприкосновении с телом человека они обращались в воду [161, с. 142].

В районе Вакинанкаратра наиболее крупным был отряд Райнибецимисараки, который вел наступление на Тананариве. На северо-западе Имерины, на границе с областью Сакалава, бои вели Дзаумария, Райнисунгумби и Ралайтангена, в районе Андевуранте (область Бецимисарака) — Рамаса, Самуэла, Бутусуа, в Вакиниадиане и в верхнем течении р. Мангуру — Рабезавана-Равайкафу. Последний вместе с отрядами Рабузаки продвигаясь к столице, к марту 1896 г. дошел до города Амбухиманга. В районе Сисауни борьбу возглавляли Рацимандефитра и Рамарукуту. В конце мая Райнибецимисарака осаждал столицу Вакинанкаратры - Анцирабе. Летом 1896 г. восстало все население к юго-востоку от Тананариве, а также подданные губернатора Амбухипанири, который провозгласил себя королем [6, № 472].

Активные боевые действия велись также на севере Имерины и на восточном побережье острова. К сентябрю 1896 г. восстание распространилось на всю Имерину, французы контролировали лишь предместья Тананариве [161, с. 158]. Меналамба действовали мобильными группами по 100 человек, нападая на обозы с оружием и боеприпасами, прерывая коммуникации [187, с. 310—311]. В марте—апреле восстание перекинулось на юг и юго-восток Мадагаскара, где атакам подвергались поместья колонистов, французские торговые фактории. Повстанцы стремились отрезать центр страны от побережья, лишить оккупантов связи и продовольствия, агитировали крестьян не сеять рис. В результате к сентябрю 1896 г. половина возделываемых земель на Мадагаскаре осталась под паром. Цена на рис только за 1897 г. поднялась с 0,15—0,20 фр. за 1 кг до 1 фр., т.е. в пять-шесть раз. Крестьяне забивали скот, чтобы его не смогли забрать оккупанты [16].

Пытаясь как можно быстрее подавить восстание, французы послали в районы действий меналамба карательные отряды, которые сжигали деревни и уничтожали посеы. В Марумби был отправлен отряд капитана Фрейштатера, в Аривунимаму — колонна майора Ганеваля. Колонна полковника Комба прошла вдоль дороги Тананариве-Андзузурубе. Отряд полковника Удри продвигался навстречу силам Райнибецимисараки. Однако ни Комба, ни Удри не удалось войти в непосредственное соприкосновение с партизанами: те уходили от открытого боя, обстреливали колонны противника из засад или нападали на арьергард [24, № 246, с. 1078].

Французы вынуждены были перейти к оборонительной тактике: начали создавать посты на дорогах, охранять поселения колонистов. В сентябре 1896 г. отряды меналамба контролировали 99% территории острова [II]. Даже на основных дорогах (Тананариве - Мадзунга и Тананариве - Таматаве) пере движение было возможно лишь в сопровождении значительного эскорта. С августа 1896 г. район наиболее активных действий переместился из центра острова к побережью [16]. С преобразованием Мадагаскара в колонию

положение повстанцев осложнилось. В основных районах Имерины было введено военное положение, отданы приказы о расстрелах на месте.

Метод „умиротворения“ страны, примененный Галлиени, сочетал в себе установление жесткой системы управления с разжиганием этнических и региональных противоречий. Генерал-губернатор проводил тактику „масляного пятна“: только с окончанием боевых действий и основанием военных постов на границах одного района французы переходили к укреплению власти в другом. Так оккупация растекалась от столицы к периферии подобно масляному пятну [44, 27.09.1896]. Была сделана ставка на создание опоры среди малагасийцев. Ликвидировав в прибрежных районах прежнюю администрацию из мерина, французы назначали из местной этнической группы „вождя“, который находился под контролем французских властей. Его соплеменники объявлялись „свободными“ на том основании, что ими теперь „управлял“ представитель местной знати [47, 5.03.1898]. Из бывших рабов, которыми, как правило, являлись коморцы либо пленные из Восточной Африки, набиралась „туземная полиция“ [224, 30.05.1897].

Все эти меры позволили колонизаторам в определенной степени внести раскол в национально-освободительное движение на Мадагаскаре, локализовать выступления по отдельным этническим группам. Но, несмотря на это, движение охватывало все новые районы. Ж. Кароль свидетельствовал: „Когда восстание казалось почти подавленным, повстанцы все еще удерживали сельскую местность. Умирая от болезней и нищеты, они сражались до конца“ [56, с. 93-94]. Меналамба изменили тактику: вместо проведения крупных операций они, разделившись на группы по пять-десять человек, обстреливали из укрытий французские колонны на марше. „Их служба безопасности и разведки была превосходно организована, их всегда предупреждали о приближении наших войск“, - отмечал Галлиени [66, с. 114-115].

Весь 1896 г. и начало 1897 г. отряд Райнибецимисаракм удерживал обширный район от Анцирабе на севере до Амбусиры на юге. В июне—июле 1896 г. меналамба активизировали действия на востоке Имерины, в районе дороги Тананариве — Таматаве [24, № 248, с. 76].

Линию Тананариве — Мадзунга меналамба перерезали практически сразу же после завершения войны 1894-1895 гг. Несмотря на создание постов в населенных пунктах Амбухипихаунана и Бабай, партизаны сожгли в 1896 г. крупный склад провианта в Андрибе [24, № 248, с. 88]. Руководитель повстанцев в области Буйна Райнитави поклялся, что „сожжет Мадзунгу и сбросит французов в море“ [11]. Дорога Тананариве - Мадзунга оставалась опасной и весь 1897 г. [16]. В 1896-1897 гг. между р. Бецибука и средним течением р. Махадзамба действовали крупные отряды под командованием Райнитави, Ранафи-цары, Райникибури [13]. Из Франции на Мадагаскар было направлено дополнительно два батальона иностранного легиона [24, № 248, с. 88].

В июле 1896 г. меналамба заняли пригороды Фианаранцуа. Упорное сопротивление оказывали партизаны в междуречье Унибе и Манаринцуа, ожесточенно сопротивлялись в лесах области Безанузану [64, с. 5]. Безуспешно завершилась попытка подавить восстание в бассейне р. Мангуру с помощью рейда роты капитана Леграна [24, № 249, с. 138]. По-прежнему повстанцы удерживали горный массив Андрингитра, а также районы Амбухибелума, где они разбили отряд подполковника Гонара. В августе в руках меналамба находилась вся долина оз. Алаутра, была перекрыта дорога Амбатундразака - Фенериве [24, № 249, с. 138, 140, 151].

К сентябрю 1896 г. в связи с усилением военного присутствия французов и истощением боеприпасов отряда на территории Имерины прекратили наступательные действия, их активность была локализована оз. Алаутра; верховьями р. Мангуру; частью области Вунизунгу, к северу от Маруватаны; районом севера Имерины — Амбухиманга, Амбухидрабиби, Суавина и

Мандзакандриана [24, № 249, с. 158; 215, 4.09.1896]. Одновременно активизировались отряды меналамба в области Бецимисарака: они нападали на военные

посты и плантации французских колонистов в долине р. Мангуру, атаковали порт Ватумандри [187, с. 303].

Под напором превосходящих сил противника меналамба оставили в феврале 1897 г. область Безанузану, в мае 1897 г. - район г. Мураманга. В марте был взят лагерь Рабузаки в Мампидунги, сам же отряд оказывал сопротивление до февраля 1899 г. [189, с. 36]. В июне 1897 г. были разбиты основные силы Райнибецимисараки, в июле - Раменамасу [11]. В августе 1897 г. в руках французов оказалась практически вся центральная часть Мадагаскара. Рабезавана-Равайкафу сопротивлялся до октября 1897 г. [189, с. 41].

Когда через год после начала „умиротворения" французы завладели центральной частью Имерины, стало нарастать сопротивление в других частях страны. В начале 1897 г. на сторону меналамба перешел гарнизон города Мандрицара на восточном побережье [13]. Летом того же года восстания охватили весь юг острова, там практически замерла торговля [161, с. 207]. С большим трудом французам удалось покорить область Сакалава. При продвижении по ней французы часто встречали покинутые деревни: жители предпочитали уйти с повстанцами, нежели покориться врагу [189, с. 32]. В области Сакалава меналамба небольшими группами нападали ночью на походные лагеря французов, а днем - на колонны. Вот воспоминания очевидцев: „Колонна постоянно подвергалась нападениям в лесу, в колючих зарослях, ночью во время стоянки. В один из дней колонна шла 12 часов в боевом порядке, переход представлял собой цепь засад и перестрелок, длительный бой среди лесов и болот" [66, с. 263—264]. В южной части области партизаны „нападали отовсюду, прячась в лесу, который знали досконально. Оставаясь незамеченными, они могли выстрелить в упор из ружья и скрыться. Не помогала и организация дозоров. Иногда, скрываясь за деревьями, сакалава оказывались внутри цепи дозоров, следуя рядом с дозорными, но незаметно для них, а затем стреляли с удобной позиции. Иногда, однако, они собирались в достаточно многочисленные группы, возводя баррикады или устраивая завалы" [66, с. 365].

С перемещением меналамба в область Сакалава одним из первых в соприкосновение с французской колонной вступил Райнитави. В июле 1897 г. его отряд атаковал пост Мампикуми на севере области — в Менабе. Через месяц каратели капитана де Бувье безрезультатно пытались разбить отряд Райнитави, который создал в своем укрепленном лагере в Масукуамене несколько линий обороны. При атаке лагеря потери французов составили 1 офицер и 22 солдата убитых [187, с. 245]. В сентябре - начале октября 1897 г. французские отряды подвергались нападениям меналамба на всей территории Сакалава. Партизаны заняли пост Анкалалубе, убив одного французского офицера и трех сенегальских стрелков, остальных взяли в плен.

В октябре 1898 г. правитель сакалава Ндриандзалахи и правитель цимихети Каридза объединили свои силы. Они установили контроль над обширными районами северо-западной части Мадагаскара. Меналамба заняли посты Беаланана, Марутуалана, Амбалавелуна. На сторону партизан перешли местные отряды „туземной полиции". На подавление восстания были брошены две роты сенегальских и три роты малагасийских стрелков, артиллерийский взвод [81, с. 611; 66, с. 419—421].

Размах движения в области Сакалава вынудил колонизаторов направить туда крупные отряды карателей, на р. Цирибихина они использовали канонерку. Сильное сопротивление в районах к северу от этой реки оказывали партизаны под командованием Хаваны. Повстанцы числом до 1,5-2,0 тыс. человек контролировали всю долину р. Махадзамба. Весной 1899 г. начал боевые действия отряд меналамба под предводительством Махафаки, который стремился отрезать Мадзунгу от Тананариве. Особое ожесточение приняли бои в районе Бецирири на границе областей Сакалава и Имерина. Там находились золотые россыпи, а на золото партизаны приобретали через индийских торговцев контрабандным путем оружие и боеприпасы [81, с. 523— 531; 187, с. 167-168].

Партизаны сражались с исключительным мужеством и стойкостью. Только массовым истреблением жителей, как, например, во время кровавой резни в Амбики, конфискацией продовольственных запасов у населения, систематическим разрушением деревень удалось французам подчинить сакалава, да и то - к 1900 г. [80, с. 156; 170, с. 207].

Тяжелые потери были нанесены французам в областях Бара, Махафали, Танала. Так, в боях с партизанами в долине р. Фихеренана был уничтожен почти весь отряд капитана Флайеля и лейтенанта Монтаньоля (рота иностранного легиона и 250 „туземных полицейских" [13]). К весне 1900 г. французы оккупировали значительную часть территории страны, за исключением ее юга, на захват которого у них ушло еще более двух лет.

Пользуясь поддержкой большинства населения, меналамба скрывались в труднодоступных местах, совершая оттуда внезапные рейды. Они наносили ощутимый урон колониальным войскам, хотя основным оружием партизан были пращи и дротики. Огнестрельное оружие, доставлявшееся в те места контрабандистами, стоило очень дорого: цена одного ружья приравнивалась к цене трех-пяти быков. Зачастую повстанцы пользовались самодельными ружьями, изготовленными кузнецами в населенных пунктах Бекили и Бекитру [144, с. 25]. На юге, как ни в одном другом месте Мадагаскара, на сторону восставших переходило много малагасийцев из „туземной полиции" [189, с. 41—43]. Возглавляли отряды правители этнических групп: у махафали — Рефутака, Циверенга и Циампунде, у танала - Андриампануха [47, 29.03.1900] .

1 апреля 1900 г. был издан указ о создании военного командования южной территории во главе с Лиотэ, которому административно подчинялись все области к югу от Фианаранцуа. Здесь было введено военное положение, вся власть перешла к командирам карательных подразделений [65, с. 165—174, 194-195].

Меналамба успешно обороняли возведенные ими укрепления. Так, отряд танала численностью 4—5 тыс. человек во главе с Андриампанухой долгое время успешно отбивал атаки карателей в труднодоступном горном районе Икунгу [187, с. 178—181]. На штурм другой цитадели, к северу от р. Мананара, оккупанты направили 250 солдат и офицеров и горное орудие. Там „оборона укрепленных пунктов противника была организована с подлинным знанием фортификации... Позиции включали траншею с бруствером и бойницами в нем (бруствер был сооружен из земли и бревен), а также частокол и завалы с волчьими ямами. В них находились деревянные колы или острые металлические пики с зазубринами" [161, с. 241].

Основные очаги восстаний на юге оккупанты подавили только в 1902 г. После нескольких лет борьбы, в мае 1902 г., сдался крупный отряд во главе с Рефутакой. Используя огневую поддержку находившихся вблизи берегов кораблей, французы разбили отряд Циампунде. Были взяты укрепления меналамба в Цихуру и Мамбавау [224, 30.10.1902] .

Движущей силой всенародного движения было крестьянство, руководство осуществляла местная знать. Это была война, направленная на уничтожение захватчиков и их сторонников, на восстановление независимости и возврат к прежним верованиям и устоям.

Восстание меналамба было одним из крупнейших антиколониальных выступлений в Тропической Африке. По своим масштабам оно сопоставимо с народной войной. Восстание охватило значительную часть Мадагаскара. Повстанцы напали на французские гарнизоны, поселенцев, препятствовали подвозу продовольствия в крупные города, перерезали коммуникации. Частью отрядов руководили профессиональные военные. Попытки использовать против восставших части бывшей малагасийской армии и полиции оказались малоэффективными. Восстание меналамба было направлено против установления колониального режима на острове. Оно потерпело поражение прежде всего из-за качественного отличия повстанцев от регулярных французских частей в

организации, вооружении и умении его использовать. Успешные действия повстанцев менамба убеждали малагасийцев, что борьба даже с таким сильным противником, как Франция, возможна. В массовом антиколониальном движении отходили на второй план этнические и социальные противоречия, закладывались основы общенациональной освободительной борьбы.

Глава шестая

СТАНОВЛЕНИЕ КОЛОНИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

Социальная трансформация малагасийского общества в первые годы после колониального завоевания — одна из важнейших и малоисследованных проблем в африканистике. Становление колониального общества было обусловлено включением Мадагаскара в мировое капиталистическое хозяйство. Довольно основательно разрушив экономические и политические структуры Малагасийского государства, колониальная администрация взяла курс на привлечение французских компаний и колонистов. Таким образом, в определенной степени снималась социальная напряженность в метрополии и удешевлялось освоение колонии. На Мадагаскаре колониальная администрация передала в концессию „Компани колониаль де Мадагаскар” 30 тыс. га земель, „Мессажери маритим” - 120 тыс. га, „Мессажери франсэз” - 40 тыс. га [37, 1902, с. 662; 36, 1909, ч. 2, с. 2011; 208, 1910, №3, с. 88].

Крупные земельные массивы отошли колонистам. Постановление Галлиени от 2 ноября 1896 г. фактически давало право вновь прибывшим в страну поселенцам завладеть любым участком земли. Участки бывшего государственного земельного фонда продавались всего по 2-5 фр. за гектар, участки до 100 га могли быть переданы бесплатно, если поселенец являлся гражданином Франции [203, с. 470—471]. Была введена система имматрикуляции, по которой каждый хозяин земельного участка обязан был подтвердить право собственности документом. Те, кто не мог его предъявить, лишались права собственности. Как правило, до колонизации такими документами располагали лишь обладатели концессий, у малагасийцев не было принято документально оформлять земельную собственность. В результате многие европейцы получили громадные участки. Так, крупный колониальный чиновник на Мадагаскаре Дельор владел 350 тыс. га [15]. Всего колонистам было роздано 3600 временных концессий на 0,5 млн. га и около 0,7 млн. га по специальным контрактам, однако обрабатывалось из них лишь 20-40 тыс. га [8,84].

Как и другие колонии, Мадагаскар превращался в поставщика сырья. Особые масштабы вывоз сырья принял в годы первой мировой войны. С 1914 по 1915 г. экспорте стоимос. ном выражении увеличился с 20 млн. до 66 млн. фр. Спрос прежде всего рос на мясо, что объяснялось потерей Францией в первые годы своих северных и северо-восточных животноводческих районов. В 1914 г. было вывезено во Францию мяса на 5,7 млн., в 1915 г. — на 12 млн. фр. С 1913 по 1918 г. вывоз мясопродуктов увеличился с 2,4 до 9,0 тыс. т. Во время войны ежегодно экспортировалось до 30 тыс. т риса и 15 тыс. т маниоки. Крестьян насильно заставляли сдавать скот по низким ценам. Закупочные цены на мясо и кожу были те же, что и в конце XIX в., между тем стоимость жизни возросла в два-три раза [47,29.04.1916; 200, 1915, №2, с. 158-188; 198, 1919, № 143, с. 757-765; 116, с. 256].

Главным бедствием для малагасийцев были налоги. К 1903 г. каждый житель колонии платил подушный налог, налог на земельную собственность, на скот, на пользование рынком всего примерно 15,1 фр. в год. С учетом таможенных сборов и косвенных налогов эта сумма возрастала до 25,67 фр., т.е. за семь лет колониального правления налоги выросли более чем в 120 раз [42, т. 1, с. 495-496; 14].

Особые тяготы выпали на жителей Юга Мадагаскара. Не случайно именно там произошли восстания 1904—1905 гг., 1915 — 1917 гг. Экономическая эксплуатация

усугублялась здесь стихийными бедствиями. Так, в феврале 1913 г. значительный ущерб крестьянским хозяйствам нанесли ливневые дожди, обрушившиеся на провинцию Форт-Дофин. В начале 1914 г. за ливнями последовала необычно сильная засуха. Неурожай, падеж скота в сочетании с трудностями военного времени привели к поистине катастрофическим последствиям: только в дистрикте Амбувумбе в 1916 г. голодала 1 тыс. человек [9, 1916, В21, № 984]. Населению Юга практически негде было взять денег, так как „не было частных предприятий и не проводилось общественных работ, что позволило бы туземцам наняться и заработать денег для уплаты налогов" [9, 1916, В18, №99]. Положение осложнялось тем, что психологически полукочевники-скотоводы не были приспособлены к ежедневному монотонному труду, смысл которого они не понимали.

Неотъемлемой чертой жизни в колонии был принудительный труд. Уже в 1897 г. было создано управление общественных работ, которое обязывало всех малагасийцев мужского пола в возрасте от 16 до 60 лет отрабатывать для управления 50 дней ежегодно. В первую очередь была сохранена государственная барщина на золотых приисках района Вунизунгу, еще до аннексии острова обеспечивавшая рабочей силой французскую компанию „Сюберби". Работа из-под палки тормозила рост добычи золота, однако дешевый труд старателей обуславливал высокую норму прибыли владельцам приисков [199, с. 467—469; 208, 1897. т. I, № 12, с. 373; 52, с. 149; 73, с. 42-43; 220, т. IX, 1898. № 14, с. 441; 34, 1896, т. II, с. 337-338, 347]. Ежегодно колониальные власти мобилизовывали десятки тысяч человек для прокладки шоссейных и железных дорог, для обработки полей колонистов, рубки леса и т.д. По данным П. Сюо, около 70% мобилизованных погибали [94, с. 262]. Эксплуатация населения колонии особенно возросла в годы первой мировой войны. Свыше 45 тыс. малагасийцев были отправлены в действующую армию. Оставшихся на родине малагасийцев принуждали теперь уже с помощью оружия выполнять военные заказы [147, с. 156].

При некоторых генерал-губернаторах взамен принудительных работ вводилась система так называемых оплачиваемых отработок. Но плата за участие в общественных работах была настолько низкой, что никого не привлекала, и набор рабочей силы производился насильно, т.е. на деле это были те же принудительные работы [7, 367].

Крестьяне часто вынуждены были работать на полях ночью, а днем скрываться. Были годы, когда из-за нехватки рабочей силы на полях погибал урожай, приходили в негодность оросительные системы. Принудительные работы приводили к резкому падению производительности труда. Постоянное отсутствие кормильца подрывало основы семейного хозяйства и семьи в целом, сокращалась численность оседлого населения, так как многие предпочитали скрываться от поборов и барщины в лесах [7, № 364; 215, 19.09.1899; 205, 1899, серия 5, т. XXXVIII, с. 414; 218, 1899, т. VII, № 55, с. 168-170]. Администрация заставляла крестьян отбывать безвозмездные отработки также на землях колонистов, чтобы обеспечить их рабочей силой [7, с. 367; 10, № 24].

Принудительный труд мог быть в какой-то степени эффективным лишь при жесткой, централизованной системе управления, которая в данных конкретных условиях могла быть создана только военными. В сентябре 1896 г. были упразднены и аппарат прежнего генерального резидента Франции на Мадагаскаре, и малагасийские высшие органы власти [65, с. 36]. Их функции были переданы генеральному штабу французских войск. Помимо военных отделов и управлений штаб включал управление гражданских дел, бюро туземных дел, совет управления и юриспруденции. В ведении военных отделов и управлений находились войска, военные территории и округа, в ведении управления гражданских дел - положение французских граждан и других белых на острове, в ведении бюро „туземных" дел — управление малагасийцами, жившими в „гражданских" провинциях. В функции совета управления и юриспруденции входили делопроизводство, архивы, оформление и контроль за исполнением законов и декретов, судопроизводство. Он представлял собой также подобие консультативного совета при Галлиени, куда входили главы различных административных служб и командующие „гражданскими

провинциями". Представители малагасийской администрации в „гражданских“ провинциях подчинялись непосредственно начальнику штаба [138, с. 192-199] Однако и эта, по существу, так называемая центральная туземная власть часто ликвидировалась и вместо нее вводилось военное управление.

После замены Галлиени менее одиозными генерал-губернаторами колониальная администрация пыталась лавировать, стремясь привлечь на свою сторону часть малагасийцев путем проведения ряда „административных реформ“. Так, при Оганьере (1905-1910) центральная власть была передана французской гражданской администрации. Штаб стал ведать лишь военными делами, вся страна была поделена на провинции, автономия которых несколько расширилась [7, № 52; 8, № 40] . Тем не менее на острове оставался крупный контингент оккупационных войск и „туземной полиции“ (в 1914 г. - 8652). Кроме того, осадное положение вводилось при малейшем подозрении на начало волнений, а также во время войны 1914—1918 гг. [153, с. 11].

Для создания видимости учета интересов малагасийцев перед первой мировой войной был создан институт „туземных“ советников. Декретом от 2 мая 1902 г. возрождались фукунулуны. В наиболее „неспокойных“ областях во главе их были поставлены местные традиционные вожди, получившие титул „туземных политических правителей“. Однако фукунулуны из первичной экономической и политической ячейки Малагасийского государства были превращены в полностью бесправную общину, в которой была введена система круговой поруки и коллективных штрафов. Полностью бесправными оказались и „туземные политические правители“. Они служили лишь посредниками в передаче приказов и распоряжений командующих округами и территориями. Колониальная администрация вскоре была вынуждена отказаться от подобной системы управления [46, 1902, №77, с. 2047-2049]. На юге острова французы стали принудительно вводить систему фукунундаты и фукунтана - соседской общины [47, 22.01.1916]. Подобным образом колонизаторы ставили задачу наладить управление при помощи круговой поруки. Французы возлагали на фукунундаты и фукунтана задачу контроля за перемещением скотоводов, учета скота, обеспечения уплаты налогов [47, 19.02.1916].

На всем протяжении колониальной истории Мадагаскара сохранялось две системы юриспруденции и судопроизводства — для населения колонии и граждан Франции. Это разделение усилилось с введением „туземного кодекса“ 30 октября 1904 г., который был слегка видоизмененным кодексом 305 статей 1881 г. [65, с. 103].

Колониальная администрация не улучшила положения зависимых ранее групп населения, хотя по декрету от 27 сентября 1896 г. рабство на Мадагаскаре было отменено. Как признал Галлиани, это был вовсе не акт милосердия, а попытка привлечь на свою сторону значительную часть жителей Мадагаскара - около 500 тыс. человек. Тем самым французская администрация лишала даровой рабочей силы местную знать, надеясь пополнить бывшими рабами ряды „туземной полиции“. Ведь участникам карательных операций против меналамба раздавали земли повстанцев. Однако полученных наделов бывшим рабам едва хватало на пропитание [7, №364; 41, с. 44-45; 109, с 119-120].

Одно из главных направлений французской колониальной политики на Мадагаскаре - подавление национальных традиций в культуре и образовании, уничтожение национального самосознания, навязывание малагасийцам своего образа мышления. В отличие от многих стран Африки на Мадагаскаре сложилась развитая культура, успевшая обогатиться контактами с европейской. И колонизаторы стремились ее разрушить, вытравить из сознания малагасийцев даже воспоминания о ней. Об этом говорят инструкции Галлиени: „Из молодых мальгашей надо готовить верных и послушных подданных Франции, а для этого — заняться преподаванием французского языка, исторических, географических и других примеров, которые могли бы вдолбить в головы учеников идею величия и цивилизации их новой родины [47, 18.06.1898] .

Увязывая эту задачу с „политикой рас“, направленной на „уничтожение гегемонии

хува", колониальная администрация в школьной политике делала упор на преподавание французского языка и одного из региональных диалектов уже сложившегося тогда на основе диалекта мерина общемалагасийского языка.

Приоритет французского языка рассматривался как эффективный метод внедрения в сознание малагасийцев идеи величия и превосходства всего французского над всем малагасийским, один из действенных способов духовной колонизации [7, №52]. Под прикрытием рассуждений о стремлении „не ограничивать культурный кругозор мальгаша", дать ему возможность „подняться до уровня француза", не делать из „столь знаменитой западной культуры монополию колонизатора", выполнять „цивилизаторскую гуманитарную миссию" в сознание малагасийца привносились идеи „величия Франции", культурного „превосходства" метрополии [187, с. 141 — 149; 125, с. 25-26; 222,26.02.1915].

Подобно системе „туземного кодекса", в области просвещения для малагасийцев была разработана специальная структура учебных заведений. Системы преподавания на Мадагаскаре и во Франции разительно отличались друг от друга. Колониальные власти чинили малагасийцам всяческие препятствия в получении знаний. Для большинства жителей образование ограничивалось первыми четырьмя годами обучения. Постоянно сокращалось количество средних школ, доведенное к 1930 г. до 14 на всю страну, по территории превосходящую Францию. Соответственно уменьшалось и число учеников: со 164 тыс. в 1894 г. до 80 тыс. в 1910 г. [217, 1.03.1899; 213, 24.07.1909; 207,6.01.1907].

Курс на „преобладание французского языка" предусматривал соответственно всемерное подавление малагасийского под предлогом его „бедности", „практического отсутствия письменного наследия" и т.д. [224, 30.10.1902]. Тем не менее в школах не удавалось обходиться без малагасийского языка, так как дети поступали в школу, не имея никаких познаний во французском. Однако и там преподавание велось не на общемалагасийском языке, а на одном из его диалектов, распространенном в данной местности [6, №692; 7, №70; 6, №448; 125, с. 65]. По указу от 16 февраля 1916 г. учитель был обязан „сначала употреблять для объяснения с учениками местный диалект, а затем, по мере возможности, заменять его французским языком" [47, 19.02.1916]. Но и знания французского давались малагасийцам весьма ограниченные, чтобы воспринимать „что следует" и ни в коем случае не воспринимать „чего следует" [182, с. 16—21]. В результате, по признанию учителей, „молодые малагасийцы не могли правильно изъясняться даже на своем родном языке, с трудом говорили и на французском" [204, 17.01.1918].

В начале XX в. система колониального управления утвердилась на юге острова. Эти районы постепенно входили в зону Колониального общества со всеми вытекающими из этого последствиями, уже рассмотренными в начале данной главы (усиление репрессивной колониальной политики Франции на Мадагаскаре, увеличение размеров налогов для покрытия расходов на строительство железных дорог, расширение масштабов применения принудительного труда для общественных работ и обеспечения возрастающих поставок в метрополию скота, кож, каучука, произвол местных властей и колонистов). Пока социально-политические преобразования серьезно не затрагивали структуру традиционного общества, население довольно пассивно реагировало на французское присутствие. Однако, по мере того как изменения в привычном укладе жизни становились необратимыми, усиливалось недовольство жителей юга Мадагаскара, росла социальная напряженность, которая усугублялась злоупотреблениями чиновников местной колониальной администрации.

Так, в провинции Фарафангана с 10 до 15 фр. был увеличен подушный налог, который населению и ранее трудно было уплатить [7, № 52]. Тяжело сказывался на жителях юга, преимущественно скотоводах, налог на скот. Командир поста Ампарихи сержант Вине нередко заставлял малагасийцев платить налог дважды, если при проверке те не могли предъявить квитанции об уплате или если их имена были схожи с именами

неплательщиков [6, № 448; 191, с. 86].

Малагасийцев без конца сгоняли на принудительные работы. Так, „нанятым" на строительство дороги Иакура — Суарану крестьянам, отработавшим 21 тыс. человеко-дней, заплатили всего 100 фр. В округе Бэфутака военный администратор Баге приказал местным общинам проложить дорогу протяженностью свыше 300 км. Денег, которые власти выдали, хватило лишь на закупку орудий труда, на оплату рабочим не осталось ничего. В сентябре 1904 г. Вине отправлял в Ампарихи на дорожные работы или на заготовку древесины почти всех жителей, включая женщин. Командующий дистриктом Мидунги капитан Кэнк в ноябре 1904 г. принуждал жителей завершить в восемь дней строительство поста Бегугу под угрозой заключения в тюрьму вождей [7, № 364; 10, № 24].

Произвол колониальных властей был многообразен. „Туземцы" обязаны были выделять носильщиков для доставки грузов из одного населенного пункта в другой. Торговец Шоппи, пользуясь покровительством Вине, запрещал малагасийцам заниматься выпариванием соли из морской воды, заставляя их покупать соль у него в лавке. Он даже прибегал к штрафам и телесным наказаниям „непокорных" [7, № 364; 6, № 470].

В ноябре 1904 г. на юго-востоке Мадагаскара началось крупное восстание, участники которого напали на военные посты и поместья колонистов, убивали многих европейцев, прерывали линии сообщения, создавали независимые органы власти. Выступление охватило три района: 1) Ампарихи, где во главе партизан стояли Махафири и Кутави (дистрикт Вагайнд-рану на востоке провинции Фарафангана); 2) Бегугу, где действовал отряд во главе с Бэфанухой (на стыке провинций Фарафангана, Форт-Дофин и Бетрука); 3) Ранумафана, где сражались повстанцы во главе с Махавелу и Ресухири (дистрикты Форт-Дофин и Цивури провинции Форт-Дофин). Волнения наблюдались и в соседних районах - Икунгу, Вундрузу и Ивухибс, однако они не переросли в восстание, так как там были сосредоточены крупные части колониальных войск [6, №448; 6, №470; 7, №52].

Среди руководителей восстания были не только представители традиционной знати, но и унтер-офицеры „туземной полиции" - капралы Кутави и Циманиндри [191, с. 75-76; 206, 29.04.1906; 6, №448]. В движение были вовлечены многие вожди, крестьяне, „туземные полицейские", „туземная администрация" и этнические группы (бара, танала, антандруй, махафали, антануси, антайфаси, антаймуру) [7, №52]. Всего, по оценке командующего дистриктом Мидунги капитана Кэнка, восставших насчитывалось 5—6 тыс. человек [201, 2.06.1905] .

Восстание началось в ноябре 1904 г. Партизаны под руководством капрала Кутави, который привлек на свою сторону гарнизон „туземной полиции" поста Ампарихи, захватили имевшееся там оружие и патроны, сожгли пост и двинулись к г. Вагайндрану с намерением „избавиться от тирании белых" [201 25.12.1904]. Высланный на разведку начальником дистрикта Мидунги отряд в 34 человека во главе с лейтенантом Баге был рассеян партизанами, Баге был убит. Затем Кутави изменил решение идти на Вагайндрану. Отряд разделился: часть направилась к югу в округ Форт-Дофин, другая - на северо-восток, к р. Масианака [6, № 448, 470; 191, с. 65] .

В том же месяце на севере дистрикта Мидунги сформировался отряд во главе со старейшиной линиджа Иакутика Бэфанухой, который начал действия с захвата поста Бегугу. Убив командира поста сержанта Альфонси и тех малагасийцев, кто не согласился присоединиться к повстанцам, отряд завладел находившимся в Бегугу оружием и ушел в горы. Восстание вспыхнуло и на юго-западе Мадагаскара, в районе о-ва Нуси-Ве. На Нуси-Ве к повстанцам присоединился губернатор дистрикта Карам. Вместе с руководителем партизан Ингалерой они приступили к созданию независимых органов власти. Готовясь к приходу карателей, партизаны начали строительство укреплений на острове, чтобы организовать там надежную оборону [191,с.73-75; 209,14.11.1909]

Партизаны были плохо вооружены. При ликвидации отрядов партизан в 1905 г.

каратели захватили лишь 26 французских винтовок образца 1886 г. и 10 винтовок образца 1876 г. В основном повстанцы использовали самодельные кремневые ружья, а также дротики, рогатины-китру, пращи. Винтовки европейского производства партизаны добывали либо в бою, либо при нападении на посты и военные склады французов [191, с. 67—69]. Существовала, видимо, и контрабанда оружием, как это было в период восстания меналамба. Есть свидетельства, что партизаны тщательно собирали стреляные гядьзы, чтобы по ним нельзя было определить, откуда поставляются патроны. На допросе один партизан показал, что патроны им доставлял на судне в населенный пункт Манамбундруну, расположенный на побережье, некий английский торговец 16. № 470]. На борьбу с партизанами было брошено в общей сложности 17 рот французской регулярной армии и „добровольцев" — карателей из числа малагасийцев, вооруженных 3 тыс. скорострельных винтовок и артиллерией [7, № 70]. Несмотря на это, восстание продолжалось девять месяцев, и, по мнению колониальной администрации, „борьба закончилась только ввиду физического истощения и отсутствия продовольствия" у партизан [209, 27.06.1909].

Успехи восстания объясняются в первую очередь поддержкой населения. Оно снабжало партизан продовольствием, сообщало данные о французах [205, 17.01.1906]. Хорошо налаженная разведка позволяла неотступно следить за передвижениями карателей: „После стычки враг (партизаны. - Авт.) исчезал, чтобы появиться через день в другом месте. Шла бесконечная погоня за неуловимым противником" [210, 27.02.1908]. Часто на сторону повстанцев переходили гарнизоны постов, не оказывали сопротивления отряды „туземной полиции" [191, с. 83—84; 6, №448; 7, №52].

Некоторые руководители восстания полагали, что уничтожение в ряде районов французских постов вызовет общее восстание на острове, что приведет к освобождению Мадагаскара. С первых дней восстания партизаны прервали телеграфную связь Форт-Дофина с Тананариве, с населенными пунктами! глубинных районов. Местные власти могли сносятся с центром лишь посредством заходившего раз в месяц судна [126, с. 22; 6, №470; 188, с. 86; 7, №52; 211, 28.07.1906].

Восставшие не уничтожали подряд всех европейцев, как часто утверждает проколониальная историография. Так, в деревне Манамбундруну, где повстанцы убили ненавистного им торговца Шоппи, не пострадал пастор-норвежец Николаесен. Его защитили местные жители, сказавшие, что „Николаесен не француз и всегда был добр к нам" [191, с. 89]. Реквизируя скот у французов и их сторонников-малагасийцев, повстанцы при взятии поста Эсира не тронули имущество английских торговцев. Возглавлявший партизан вождь Ресухири приказал: „Не трогайте ничего у англичан, нам нечего жаловаться на них" [211, 16.07.1907].

Восставшим не удалось добиться слаженных действий. По существу, отряды действовали только на территории проживания своего линиджа. В этом (наряду со стихийностью) была одна из основных тактических слабостей восстания, ставшая потом одной из причин поражения [191, с. 71-72; 6, с. 448].

Еще один очаг восстания возник в конце ноября 1904 г. в районе Ранумафаны. Отряды, руководимые вождями Махавелу и Ресухири, решили 30 ноября атаковать пост Манантенина и убить его командира сержанта Малеспину, известного зверским обращением с малагасийцами. Защищали пост Манантенина прибывшие туда с подкреплением и боеприпасами лейтенанты Хартманн и Барбасса. Повстанцам не удалось захватить Мананте-нину, однако в бою были убиты оба французских лейтенанта. После этого отряд Махавелу занял 2 декабря пост Ранумафана, служившие там малагасийцы не оказали сопротивления [7, № 70 52; 214, 6.10.1908].

После взятия Ранумафаны к отряду Махавелу присоединились вожди линиджей Раириви и Рехуве, многие жители долины р. Мандраре. Общими усилиями они захватили пост Эсира и уничтожили его гарнизон вместе с командиром, сержантом Пьетри. В долине Мандраре образовались освобожденные районы со своими органами власти.

Однако после победы у Ранумафаны повстанцы, как и отряд Кутави, разделились: часть направилась к центру провинции - Форт-Дофину, другая - к Манамбару (западнее Форт-Дофина), третья — по долине р. Мананара (восточнее Форт-Дофина). Отряды под командованием Махавелу убили французского поселенца Коншона, концессия которого располагалась на землях, ранее принадлежавших малагасийцам, разрушили строившийся на южной оконечности Мадагаскара маяк. К 15 декабря 1904 г. в округе Форт-Дофин партизаны заняли посты Ранумафана, Эсира, Манамбару, Махали и осадили Форт-Дофин [6, № 448; 7, № 70, 52].

Решительные действия повстанцев вызывали страх и растерянность у многих французов. Командиры постов были до такой степени напуганы восстанием, что, даже когда атак не было, требовали подкреплений, рассылали панические донесения. Посылаемые французами колонны повстанцы либо уничтожали, либо уклонялись от столкновения и вскоре после их ухода возобновляли свои действия [6, № 448; 7, № 52].

Каратели не останавливались ни перед чем, чтобы отомстить повстанцам, отыгрываясь на жителях деревень, расположенных на пути карательной колонны. Наиболее „неприятная“ работа отводилась „туземцам-добровольцам“. Добровольцы поджарили на огне старуху... Район полностью опустошен, за исключением посевов риса, который созреет лишь через два-три месяца, и тогда мы его при случае соберем... Наконец Бефануха получил удар прямо в сердце — его сын попал к нам в руки и был сожжен", — такими методами каратели „преследовали“ отряд партизан во главе с Бефанухой, который действовал в районе Бегугу [6, № 448; 7, № 52].

Взбешенные упорством партизан в боях в районе плато Беампумбу, в ходе которых те переходили в контратаки, французы не брали пленных; чтобы уберечь себя от пуль повстанцев, впереди шеренг гнали захваченных вождей [13]. Линидж амби-лиуни был сурово наказан — 18 человек были расстреляны на месте без суда и следствия только за то, что нашли у них вещи, пропавшие из уничтоженных партизанами постов [10, № 24]. Это было достаточным „доказательством“ причастности линиджа к восстанию. Неудивительно, что при приближении карателей жители деревень скрывались в бруссе с тем скарбом, который могли взять с собой [191, с. 79-82]. Бефануха имел все основания говорить крестьянам: „Идите с нами; с нами вы или нет, вы все будете убиты“ [191, с. 78].

Однако репрессии не дали ожидаемого эффекта. Повсеместно в районах боев между партизанами и карателями население уходило в леса. Обезлюдели окрестности поста Мидунги. Повстанческое движение ширилось, несмотря на то что его „усмиряли“ более 700 карателей [11]. Встревоженный развитием событий, Галлиени послал 12 декабря 1904 г. на юго-восток дополнительно две роты сенегальских стрелков под командованием майора Ваша [65, с.267-270]. На юго-восток Мадагаскара была стянута целая пехотная дивизия [191, с.82—83; 213, 27.12.1910].

Ваш применил уже отработанную Галлиени тактику „масляного пятна“. Не ослабляя гарнизоны постов, он оттеснял партизан по всему фронту боев. Прочесывание велось двумя колоннами: одна из них под командованием капитана Буржорона двинулась из Вагайндрану к Форт-Дофину вдоль побережья, другая - из Вагайндрану в Форт-Дофин внутренними районами - через Мидунги, Манантенину и Ранумафану. Вторую колонну возглавлял каштан Флерио де л'Англь. Кроме того, в Ранумафану была направлена колонна капитана Граммона (две роты) [6, №448].

Учитывая военную мощь противника, повстанцы были вынуждены отказаться от подвижной тактики и перейти к обороне подготовленных ими заранее укреплений. В ряде случаев они оказали серьезное сопротивление карателям, которые превосходили партизан по количеству и качеству оружия. С трудом удалось отряду Граммона 26 декабря 1904 г. взять укрепления на вершине холма Масасуа, где партизаны под предводительством Рабефанатрики забрасывали французов дротиками и камнями [6, №470; 191,с.84; 207,16.01.1905].

Несколько дней осаждали каратели укрепления близ деревни Вухимасина, где

отряд Махавелу и присоединившиеся к нему отряды создали форт с широким рвом и крепким палисадом. Доступ в форт шел через узкий и хорошо простреливавшийся гребень холма. После того как 16 января 1905 г. укрепление было взято, Махавелу с основной частью партизан прорвался и 2 марта 1905 г. атаковал колонну Граммона в верховьях р. Мандраре. Несколько человек убитыми и ранеными потеряли французы при взятии укрепленной деревни Нусамби на о-ве Нуси-Ве (15 декабря 1904 г.), однако и там захватить всех оборонявшихся не удалось. Бефануха продолжал сопротивление и после падения его основных баз на пике Дзумундахи (30 января 1905 г.), а отряд Кутави даже увеличился (за счет присоединившихся к нему сил линиджа Талалафици). К концу марта 1905 г., когда французы считали основные операции по подавлению законченными, в районе Мандрицара и Исуанала еще действовали повстанцы под командованием Регаки (около 1 тыс. человек) [202, 5.04. 1905; 201, 27.03.1905;214, 2.09.1908; 213, 6.07.1910]!

Упорное сопротивление оказывал отряд Кутави, который умело вел оборону в труднодоступном горном районе Иабумари. Первая попытка (15 апреля 1905 г.) взять его лагерь окончилась для французов потерей нескольких человек. После отхода майор Ваш направил 17 апреля 1905 г. в Иабумари все свои силы. Однако сражение никто не выиграл: каратели, изнуренные продолжительными боями, переместились на более отдаленную базу - Папангу. Их этого лагеря они могли контролировать важную дорогу Мидунги — Вангайнрану. В Папангу Кутави также соорудил сеть укреплений: бруствер, завалы на лесных тропинках, потайные ходы для неожиданных атак вне основного форта [191, с. 86-87; 6, №448; 7, №70].

Хорошо организованная оборона позволила партизанам удерживать Папангу до конца мая 1905 г. Целый месяц Кутави продержался там, затем покинул базу. Каратели захватили Кутави лишь в конце августа 1905 г. Используя противоречия между линиджами и обещав денежное вознаграждение за поимку Кутави, французы настроили против него местное население, подвергли пыткам всех его родственников. Его выдали властям крестьяне [6, №448; 191, с.88]. Кутави сковали по рукам и ногам, на шею навесили тяжелую деревянную колодку. Он был помещен в отдельную камеру, где затем был „найден мертвым" 5 сентября 1905 г. [7, № 70]. Многие его сподвижники умерли „по неизвестным причинам".

Подавление восстания было жестоким. Жителям тех мест, где происходило восстание, каратели ставили ультиматум: либо сдача всего оружия, уплата по 5 фр. за каждого жителя, участвовавшего в восстании, переселение на новые места, лишенные зарослей леса и кустарника, бесплатные отработки в пользу командующего дистриктом, либо поголовное истребление. Часто практиковалось взятие заложников, которых держали в тюрьмах по шесть месяцев и по году. Особо жестоко действовали каратели в ходе рейдов по „сбору оружия" [6, № 488; 7, № 70].

Появление карателей вызывало ужас у населения, многие бросались бежать. Солдаты стреляли по ним, отбирали скот, убивали вождей. Для устрашения на рыночных площадях выставляли отрубленные руки и ноги. Решив отомстить жителям родной деревни Бефанухи, каратели окружили ее ночью, подожгли посеvy риса. Когда один из жителей выбежал из деревни, боясь расстрела, его поймали и обязали деревню уплатить за него 500 фр. выкупа через двое суток. Чтобы его выкупить, пришлось продать 40 быков — две трети всего деревенского стада. Заключение в тюрьму фактически означало гибель. Заключенные умирали от побоев („естественной смертью"), от пыток (тяжелые колодки на шею, связывание веревками, пропитанными солью и перцем, что вызывало омертвление конечностей, подвешивание за ноги). Был случай, когда каратели посадили 25 заложников в тесную яму, поверх которой на досках расположилась стража — к утру 20 человек умерло от удушья [191, с.89-92; 6, № 448, № 470].

Несмотря на террор, на юге Мадагаскара практически не прекращались волнения в течение 1907—1910 гг. Новое крупное антиколониальное движение — садиавахе (с малагасийского букв.: те, кто носит набедренные повязки из лиан) — началось в феврале

1915 г. на крайнем юге Мадагаскара. Тысячи местных жителей со всем имуществом скрывались в зарослях колючего кустарника [128, с. 120]. Кочевой образ жизни в пустынной, безводной местности не позволял партизанам часто стирать одежду, и она становилась похожей по цвету на покрытые бурой пылью лианы.

Операции садиаве охватывали обширные районы, однако основная их деятельность связана с местностью, ограниченной на севере и западе р. Менарандра, на юге — дорогой Ампутика — Керимуса, на востоке — дорогой Керимуса — Махени. Эти земли населены антандруй и махафали [191, с.90—91].

Большинство жителей крайнего юга Мадагаскара - скотоводы. В поисках пастбищ они часто пересекали административные границы, что затрудняло фискальный контроль [8, № 55]. Кроме того, в дистрикте Ампанихи был введен налог на крупный рогатый скот, а в соседнем дистрикте Цихумбе - нет. Поэтому многие жители дистрикта Ампанихи держали скот в районе Цихумбе, чтобы не платить налогов [6, № 448]. В феврале 1915 г. отряды садиаве стали действовать на левом берегу р. Менарандра [7, № 70]. Эта местность относилась к дистрикту Ампанихи, центр которого располагался на противоположном берегу реки, широко разливавшейся в сезон дождей. Поэтому на пути французских солдат, базировавшихся в центре дистрикта, была большая водная преграда [7, № 70].

С созданием в сентябре 1915 г. базы на вершине труднодоступной скалы, где партизаны могли держать в безопасности свои семьи, скарб и откуда они могли совершать молниеносные, неожиданные операции, центр повстанческой активности переместился к северу от линии Керимуса - Лувукариву [191, с.92]. К тому времени условия, в которых сражались садиаве, значительно осложнились. Граница между провинциями Тулеар и Форт-Дофин была изменена: она стала проходить по р. Менарандра, что в большей степени соответствовало этническим границам и упростило организацию карательных операций (отряды одной провинции при преследовании партизан больше не переправлялись через реку, а „передавали" садиаве отрядам другой провинции). В Ампутаке был создан военный пост с гарнизоном в 30 солдат [47, 15.01.1916]. Губернатором провинции Форт-Дофин был назначен Берени, которому было предписано действовать „очень энергично" [154, с. 1149-1151].

Однако и к югу от Амбухици заросли кустарника оставались опасными для французов: по признанию колониальных властей, в середине 1916 г. отряд садиаве во главе с Эхелаке контролировал еще окрестности Ампутики [9, № 22]. В укреплении Амбухици садиаве продержались свыше полугода. Для штурма власти привлекли большие роты полицейских сил, операцией руководил губернатор провинции Берени. С падением Амбухици защитники укрепления сумели скрыться [8, № 84]. В официальных документах упоминания о действиях садиаве встречаются вплоть до ноября 1917 г. [9, № 22].

Своеобразными хранилищами боеприпасов садиаве служили гробницы предков, которые считаются на Мадагаскаре закрытыми для посторонних местами. В этих гробницах они укрывали ружья, дротики, порох. Население юга Мадагаскара снабжало партизан порохом, а в Анцанире был создан пункт ремонта и сборки оружия, в том числе кремневых ружей [8, № 84]. Жители отказывались давать сведения о садиаве карательным экспедициям. В разгар боев жители покидали целые деревни и уходили к партизанам [9, № 18].

Поддержкой партизаны пользовались и среди мерина. Члены тайного общества ВВС, деятельность которого была особенно активной в районе Высокого плато, проводили в Тананариве митинги, на которых призывали новобранцев „туземной полиции" не воевать против садиаве [125,с.45].

Вероятно, садиаве были связаны и с некоторыми европейцами. Во время восстания тщательному (хотя и безрезультатному) обыску подверглись фактории германских торговцев в Форт-Дофине — Тепсера и Меггера. Серьезные обвинения

выдвигались и против австрийского купца Шпейера [9, № 22]. Французы подозревали их в снабжении повстанцев оружием. Доказать виновность не удалось, однако вполне возможно, что партизаны были связаны с торговцами, как во время восстания меналамба.

Что представляли собой садиаве? В один из первых отрядов, сформированный в Ампутаке, вошли те, кто уже подвергся тюремному заключению за выступления против колониальных властей или, отказавшись платить налоги, ушел со всем семейством и скарбом в заросли колючего кустарника.

Вероятно, садиаве играли роль отрядов самообороны жителей, скрывавшихся в труднодоступных местах от произвола колониальных властей. Костяк составили те, кто не мог вернуться к мирной жизни, так как был объявлен „вне закона“. Основную, постоянно меняющуюся часть отряда составляли мужчины линиджей, приходивших в укрытия временно, чтобы спастись от карателей. Так, по данным губернатора провинции Форт-Дофин, отряд Беантаны насчитывал в 1915 г. „23 убежденных злоумышленника, к которым постепенно присоединились все нарушители законности на западе (провинции. — Авт.). Их поддерживало множество жителей деревень“ [9, № 19]. Самым крупным средоточием партизан был холм Амбухици, где, по сведениям французов, укрывалось около 250 повстанцев, действовавших отрядами по несколько десятков человек [9, № 18].

Лагерь в Амбухици был защищен скалами и колючим кустарником, которые укрывали жилища и хозяйственные постройки, в том числе емкости для сбора дождевой воды и склады продовольствия. Все это позволяло организовать там длительную оборону. Восставшие применяли тактику партизанской войны. Непредсказуемые и стремительные перемещения повстанцев нередко ставили карателей в тупик [7, № 70].

С ростом численности и приобретением навыков боевых действий деятельность садиаве принимала больший размах и новые, более зрелые формы. В январе 1916 г. один из руководителей карательных операций против садиаве, Лафито, отмечал в донесении губернатору провинции Форт-Дофин: „Сейчас мы имеем дело уже не с прежними мирными садиаве, которые удирали при одном виде вооруженных французов“. Укрепление на холме Амбухици каратели взяли лишь после серии атак [7, № 70]. Перемены произошли и в вооружении повстанцев. Если сначала они сражались в основном дротиками, пращами и рогатиной-китру, то со временем у них стало появляться больше ружей, в том числе современных, которые им доставляли контрабандисты. Садиаве наладили также производство пороха, пуль, ремонт оружия кустарным способом. Так, в деревне Анцанира было оборудовано несколько кузниц, где ремонтировалось и частично изготовлялось снаряжение [125, с.15, 17].

Последнее обстоятельство указывает на значительные изменения и в тактике садиаве, и в степени их сознательности. Если на первом этапе они ограничивались нападениями на небольшие транспорты с грузами для военных постов и поселений колонистов, отбивали отобранный у крестьян в счет уплаты налогов скот, то на втором этапе атаковывали военные объекты, прерывали линии связи. В начале 1916 г. телеграфная линия Ампанихи - Бехара трижды в течение двух месяцев была прервана на участке, который контролировали садиаве [9, № 18], Вряд ли партизаны представляли, что такое телеграфная связь, однако, несомненно, понимали, что она служит для сообщения между поселениями французов.

Командующий армейскими подразделениями в Форт-Дофине в письмах и телеграммах 1916 г. неоднократно выражал пессимизм по поводу перспектив борьбы с садиаве, а глава дистрикта Цихумбе опасался серьезных политических осложнений [191, с.97]. Основаниями для таких выводов были возраставшее сопротивление партизан, размах их действий. Страшила колониальную администрацию и популярность партизан. Характерны свидетельства о заявлениях вождей садиаве. Например, во время осады Амбухици глава оборонявшихся Беантана ответил посланному французами для ведения переговоров посреднику Махатампици: „Твой вазаха может сообщить в Цихумбе, Форт-Дофин, Тулеар или Тананариве, что мы здесь останемся, что бы ни случилось... Мы

предпочитаем умереть, нежели сдаться вазаха" [7, № 70].

В конце 1917 г. французам удалось подавить движение садиаве. По официальным данным, во время усмирения" патрули арестовывали многих жителей по одному подозрению в связях с повстанцами [9, № 18]. Вот как описывали обстановку в тюрьмах, куда попадали малагасийцы, сами колониальные чиновники: „повсеместно в колонии заключенные подвергаются террору" [7, № 70]. В таких условиях содержались и многие участники движения. Другие были осуждены на каторжные работы сроком от 5 до 20 лет, ссылку. Руководители восстания Релендза и Махатумби, а также Беантана, Масикавелу, Эхелаке были приговорены к 20 годам каторжных работ и 10 годам ссылки, Рецивала - к 20 годам каторжных работ и 15 годам ссылки [8, № 84].

Садиаве — последнее в серии антиколониальных движений 1895-1917 гг. Против повстанцев были брошены карательные отряды. Они были набраны из представителей этнических групп, которые соперничали с теми, кто составлял отряды садиаве. Французам удалось установить сотрудничество и с некоторыми представителями знати. Так, правитель махафали помогал французам разоружать партизан [191, с. 96]. Вождь одного из линиджей этнической группы антандруй, афундрауса, Махатампици способствовал тому, что сразу после установления на юге Мадагаскара власти французам афундрауса стали на их сторону. В награду за усердие вождь был назначен главой кантона Белуха. В период движения садиаве Махатампици поставлял французам сведения о передвижениях партизан, неоднократно был проводником карателей [6, № 470]. Для Махатампици и ему подобных существовали „почетные знаки отличия" и денежные премии [7, № 160].

Одна из основных причин поражения садиаве, как, впрочем, и восстания менамба и восстания 1904-1905 гг., заключалась в том, что все эти движения были устремлены в прошлое, направлены на восстановление прежнего, отжившего уклада. Для успешной антиколониальной борьбы было необходимо соединение политической борьбы с массовым народным движением. Переход к новому этапу борьбы впервые обозначился в деятельности тайного общества ВВС.

Создание общества во многом началось с усилий пастора Равелудзауны. В момент зарождения ВВС в 1912 г. ему было 32 года. Он получил образование вначале во французской протестантской миссии на Мадагаскаре. Затем его как примерного и способного ученика отправили в 1904 г. в Европу. В течение полутора лет он жил и учился во Франции, Нидерландах, Великобритании, Норвегии. Там Равелудзауна утвердился в мысли, что именно отставание в развитии помешало Мадагаскару отстоять независимость. Возвратившись на родину, Равелудзауна стал преподавателем и одновременно пастором в столичном протестантском храме Амбухитантели. Загоревшись идеей национального возрождения как средства освобождения от колониальной зависимости, он начал пропагандировать эту мысль среди близких ему по духу людей. В 1910 г. Равелудзауна совместно с группой студентов Медицинской школы создал Христианский союз молодых людей Тананариве, на собраниях которого обсуждались пути достижения подавленной цели. Члены общества пришли к выводу, что возрождение возможно лишь при условии, если каждый малагасиец посвятит себя родине. Ставилась задача духовного возрождения малагасийского общества. Хотя собрания союза выглядели как безобидные просветительские курсы, колониальная администрация усмотрела в его деятельности подрыв французской колониальной политики, и по личному приказу генерал-губернатора Мадагаскара Оганьера союз в том же году был запрещен.

ВВС объединяло представителей различных слоев малагасийской интеллигенции: учащихся, священников, чиновников, военных. В общество входили как мерина, так и бецилеу, представители других этнических групп Мадагаскара. Инициаторами создания общества были молодые образованные малагасийцы - священники Равелудзауна, Венанс Манифатра, Рафиринга, а также студент Медицинской школы в Тананариве Жозеф Равуаханги [125, с. 12-14; 188, с. 3-4].

Идеологической базой ВВС послужили статьи Равелудзауны в газете „Мпанулуцайна“ („Советник“). Они были посвящены истории Японии. С нескрываемым восхищением описывалось, как небольшое островное государство Азии сумело достичь степени развития, чтобы отразить колониальную экспансию европейских держав. Малагасийский читатель понимал, что речь шла о примере для подражания и о призыве способствовать социально-экономическому и культурному развитию родины для ее освобождения. Такими в общих чертах и стали основные идеи общества ВВС [12; 191, с. 95—96].

С образованием ВВС деятельность группы единомышленников Равелудзауны поднялась на новую ступень. От нерегулярных собраний они перешли к планомерной работе в рамках организации. Оформился ритуал приема в общество нового члена, во время которого его участники зывали к верховному божеству малагасийской религии — Андриаманитре и духам предков. В помещении, где происходила церемония, собирались члены одной из секций [188, с. 18]. Посвящаемый в члены ВВС становился на колени перед низким столиком, на котором располагались три покрытые белой материей чаши. В одной из них была земля, в другой — кровь, в третьей — копьё, символ родины, готовности пойти на жертву ради ее блага. Вступавший приносил клятву, в которой выражал готовность стать солдатом родины, не изменять своему делу, любить всех без различия малагасийцев, к какой бы этнической или социальной группе они ни принадлежали [188, с. 19]. После произнесения вступавшим клятвы, а руководителем церемонии (это был, как правило, старейшина секции) - ритуальных заклинаний все присутствующие, начиная с руководителя, клали правую руку на голову новичка. Это символизировало, с одной стороны, единство, с другой — тяжесть ответственности. Затем вступавший вставал, и руководитель, а за ним и все остальные обмакивали в крови указательный палец правой кисти и метили им лоб новичка. После этого он считался принятым в члены. Во время церемонии вступавший произносил семь клятв: любить родину, вовлекать в общество других членов, руководить духовным воспитанием малагасийцев, пропагандировать идеи ВВС, укреплять дружбу между малагасийцами, постоянно совершенствоваться, оправдывать оказанное доверие [188, с. 18-20].

Оформились и другие обряды. При встрече, например, члены ВВС, если они были одеты в европейскую одежду, расстегивали и застегивали несколько пуговиц, чтобы признать друг друга. Если же они были облачены в малагасийское одеяние, то узнавали друг друга по нескольким узлам на набедренной повязке. Во время поездок своеобразным паролем служил стебель какого-либо растения с двумя листьями. Руководитель секции имел отличительный знак - золотую пластину с выгравированными на ней буквами ВВС [125, с. 25-30].

Целями общества, как это видно из обряда посвящения, были развитие патриотических чувств, борьба с регионализмом, вовлечение как можно большего числа малагасийцев в бескорыстный и самоотверженный труд на благо родины, возрождение Малагасийского государства. Члены ВВС предполагали действовать только мирными средствами. ВВС не имел письменного устава, членские взносы не платились. Считалось, что и силу высокого сознания все будут без напоминания и давления отдавать все силы и средства общему делу [188, с. 21—25]. Члены общества публиковали соответствующие статьи в издававшихся на малагасийском языке газетах „Мпанулуцайна“, „Мазава“ („Ясный“), „Цара фанахи“ („Благонамеренный“), „Фитарикандру“ („Звезда“).

Общество характеризовалось отсутствием единства и сплоченности, что выражалось в значительных расхождениях в определении целей. Так, многие старейшие члены ВВС выступали за предоставление Мадагаскару автономии в рамках французской колониальной системы. По свидетельству одного из них, Рамаси Радзаубелины, члены ВВС „собирались потребовать автономии острова, но никогда речь не шла о том, чтобы добиться этого силой“ [11]. Но с распространением деятельности общества на юг, а также вовлечением в нее представителей крестьянства и ремесленников участники ВВС стали

выдвигать более решительные, более конкретные задачи: немедленное предоставление независимости, отмена налогов, свобода торговли [125, с. 45-46].

К середине 1915 г. общество имело разветвленную структуру. Оно делилось на секции по 20 человек в каждой; когда в секции становилось больше членов, то самый опытный из них выходил из нее и основывал новую. Таким образом, из всех членов секции лишь один знал членов другой. Секции были созданы в Тананариве и других крупных населенных пунктах центра страны - Анцирабе, Амбуситре, Фианаранцуа, Амбалавау. Началось распространение идей общества в восточной части острова, в районе городов Мураманга и Таматаве, в северо-западной части — в районе г. Анказубе. Общее число членов насчитывалось 500 человек. Руководство представляли религиозные деятели: три католика (иезуит отец Венанс Манифатра, брат Рафаэль из Института братьев христианских школ, доктор богословия Расамиманана) и три протестанта (пасторы Равелудзауна, Рабари, Разафимахефа). По сведениям французской контрразведки, среди руководителей ВВС был и принц Рамахатра, которого предполагалось провозгласить королем [7, № 160; 8, №40].

Активизация общества пришлась на послевоенное время. С развертыванием действий партизан садиавахе члены общества стали вести агитацию среди новобранцев-малагасийцев, которых посылали на юг страны на подавление восстаний. Несмотря на жесткий административный контроль французских властей, особенно усилившийся в годы войны, члены ВВС провели в столице несколько собраний с участием этих новобранцев, призывая их не стрелять в соотечественников [191, с. 96]. Появившиеся в газетах „Дара фанахи" и „Мазава" статьи почти открыто призывали малагасийцев включиться в дело национального возрождения [223, 17.12.1915; 216, 23.12.1915].

Французские власти были в курсе деятельности ВВС практически с момента создания общества. Нарушив тайну исповеди, о возникновении организации им сообщили французские миссионеры: Мартэн, представитель протестантской миссии во Фианаранцуа, отец Дюфрен из Амбалавау, отец Лефевр дю Прэй из Фианаранцуа, а также пастор Груль из протестантского педагогического училища в Тананариве. Чтобы определить масштабы деятельности ВВС и выявить ее структуру, колониальная администрация решила не принимать немедленных карательных мер, а заслать в общество провокаторов и осведомителей [188, с. 29].

Когда руководителям ВВС стало об этом известно, они отдали распоряжение с большой осторожностью принимать новых членов, усилить конспирацию. Однако приказ успел дойти лишь до пределов провинции Тананариве. В декабре 1915 г. человек, посланный из Фианаранцуа на юг, в населенный пункт Амбалавау, для создания новой секции, был выдан чиновником, которого хотел привлечь к деятельности ВВС. Чиновник сообщил обо всем начальнику дистрикта Бурна. Последний пренебрег указаниями центральных властей и отдал приказ о немедленных арестах. Поэтому французы были вынуждены прекратить выявление секций ВВС и начать повальные аресты, чтобы схватить хотя бы уже известных членов ВВС. Таким образом, в руки колониальной администрации попали не все члены общества. Тем не менее удар был нанесен сокрушительный [12; 8, №55; 11].

Основные события развернулись во Фианаранцуа — там членов ВВС было особенно много, в первую очередь среди молодежи. Их собрания проводились по четвергам в католической церкви Ивухидахи и в храмах, принадлежащих французской протестантской миссии, под видом воскресных занятий. Руководил ВВС во Фианаранцуа Рандзавула — директор „Эколь Рабо Сент-Этьен". Аресты, подготовленные, как видно, при активном участии французских миссионеров, были неожиданными для членов ВВС и всеобъемлющими - почти 120 человек были схвачены практически одновременно. Возглавляли операцию специально присланные из Тананариве высокопоставленный чиновник Гедес, а также комиссар полиции и секретные агенты разведки „Сюрте женераль". Арестованных из всех провинций свезли в Тананариве, где намечалось

провести расследование и судебный процесс. 24 декабря 1915 г. было закрыто несколько газет на малагасийском языке, приняты другие репрессивные меры [7, № 160; 191, с. 95; 125, с. 45].

Известие о раскрытии тайного общества вызвало переполох среди французов. Впечатление усиливалось широко распространившейся в годы войны на Мадагаскаре шпиономанией, стремлением усмотреть в разных инцидентах происки Германии или Японии. Не забылся страх, испытанный в годы движения меналамба. В январе 1916 г. пришла телеграмма от командира поста Белуха в области Андруй: патруль столкнулся с отрядом садиавахе в 150 человек, который с неожиданной решимостью сражался с французами и отбил пост Ампутака. В среде колонистов начали распространяться слухи. Говорили о раскрытом заговоре с целью всеобщего восстания для восстановления независимости, убийства всех французов на острове. Назывались даже предположительные даты начала действий — то 1 января, то 15 января, то февраль 1916 г., когда крестьяне закончат уборку риса. Некоторые утверждали, что заговорщики заминировали дома высших чиновников, намеревались отравить источники воды и таким образом погубить всех европейцев. В Анцирабе ожидали нападения партизанского отряда. Защищавшая интересы колонистов печать распространяла сообщения о том, что по всему острову якобы были созданы склады оружия и боеприпасов. Организация заговора приписывалась „германским агентам". Более того, сопоставляя появление ВВС на Мадагаскаре с созданием тайных обществ во французских колониях в Индокитае, газеты делали вывод об „общем заговоре Германии против Франции" [9, №20; 12; 209, 11.01.1916, 22.02.1916; 204, 15.01.1916].

Колониальная администрация стремилась успокоить колонистов, уверить их, что ВВС ничего опасного не представляет. Но исподволь над членами общества готовилась расправа. Обосновывая предполагавшиеся меры наказания, генерал-губернатор Гарби в отчете о деле ВВС, направленном в Париж 9 января 1916 г., указывал, что целью общества являлась по меньшей мере автономия острова и что члены ВВС предполагали вручить ему 15 января 1916 г. ультиматум с требованием предоставления автономии [204, 4.02.1916; 209, 11.03.1916; 7, № 160].

Продолжавшееся несколько месяцев следствие не выявило фактов подготовки членами ВВС заговора с целью изменения существовавших на Мадагаскаре порядков, тем более — намерений убить французских граждан. Выяснилось, что общество только начинало действовать, что у него практически не было оружия и средств, довольно расплывчатыми были цели. Тем не менее администрация, опасаясь политических последствий пропагандистской деятельности ВВС, отдала судебным властям распоряжение о применении наиболее суровых мер наказания подсудимых. Свежи были в памяти размах и решительность действий партизан меналамба, на юге разгоралось движение садиавахе, ВВС же грозило в будущем перерасти в единое общенациональное антиколониальное движение. Чтобы не допустить этого, власти прибегли к самым жестоким мерам. „Виновные, — заявил на суде генерал-губернатор Гарби, — будут безжалостно наказаны, правосудие сможет найти им справедливую и скорую кару, которую они заслуживают по малагасийским законам" [12; 7, № 52; 188, с. 30-31; 204, 12.02.1916; 47, 15.02.1916].

Хотя факт подрывных действий не был доказан, судьи, ссылаясь на французские законы, по которым само обсуждение возможности свержения существовавшего строя и составления планов является началом реализации антигосударственного заговора, обвинили членов ВВС в подрывной деятельности. 8 руководителей ВВС были приговорены к пожизненным каторжным работам, 26 человек — к каторжным работам на срок от 5 до 20 лет, 170 членов, многим из которых не было и 16 лет, были отправлены на остров-тюрьму Нуси-Лава у западного побережья Мадагаскара [7, № 160; 47, 15.05.1916; 125, с. 63-65-188, с. 33].

Были приняты меры по ужесточению административного надзора: издан указ об

усилении цензуры изданий на малагасийском языке, запрещены многие газеты. Другой указ запретил практически все „туземные ассоциации“. Чтобы собраться, малагасийцам надо было заранее подать властям прошение, сообщив о цели собрания и перечислив вопросы, которые предполагалось обсудить на нем. Даже если разрешение на собрание и выдавалось, то на нем обязательно присутствовал представитель колониальной администрации [47, 15.04.1916].

Появление и деятельность ВВС были исключением для Тропической Африки начала XX в. Организация, преимущественно политическая, с чисто политическими методами борьбы, но тайная, активно пропагандировала пути достижения независимости своей страны. Ее появление стало возможным благодаря уникальности исторического пути Мадагаскара во второй половине XIX в. и высокому социально-экономическому и культурному уровню развития Малагасийского государства. В колониальном обществе начала века единственной силой, способной вести политическую борьбу, была интеллигенция. Для ее возникновения на Мадагаскаре конца прошлого века сложились все необходимые предпосылки. Интеллигенция с самого момента ее зарождения была национальной.

Формирование интеллигенции происходило также в Западной Африке, где возникли первые политические организации Черного континента, но на качественно иной основе. Она в своем подавляющем большинстве не имела местных корней. Ее идеалы и интересы, равно как средства и методы их осуществления, были занесены из Америки, из чуждой, стоящей на качественно ином уровне развития культурно-исторической среды. Для интеллигенции Западной Африки, по сути, был неприемлем лозунг „предоставления независимости“ в любой его форме. Их политические методы борьбы не могли носить заговорщического характера и не нашли понимания и поддержки в современном им африканском обществе.

Совсем иное положение было на Мадагаскаре. Интеллигенция уже не находила перспективы в иной форме борьбы, кроме как в политической. Но из-за относительно изолированного развития в доколониальный период даже ее лучшие представители еще не видели другой цели, кроме возвращения к старому, независимому Малагасийскому государству. Именно это и было глубинной причиной слабости движения ВВС - борьбы новыми методами за старую, исторически обреченную капиталистическим направлением развития колониального общества цель. Деятельность ВВС была переходным этапом антиколониальной борьбы на Мадагаскаре. Члены общества вели пропаганду среди населения о возможностях и путях достижения независимости, о важности единства действий различных этнических и социальных групп. Эту работу впоследствии продолжили такие известные деятели национально-освободительного движения на Мадагаскаре, как малагасиец Жан Ралаймунгу, французы Поль Дюссак и Эдуар Планк.

БИБЛИОГРАФИЯ

I. Произведения основоположников марксизма-ленинизма

1. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. - Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 3.
2. Маркс К. Британское владычество в Индии. - Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 9.
3. Ленин В.И. О карикатуре на марксизм и об „империалистическом экономизме“. - Полное собрание сочинений. Т. 30

II. Неопубликованные материалы

4. ЦГАВМФ. Главный морской штаб. Ф. № 417, оп. 1, д. № 538. О плавании к.

„Джигит" из Кронштадта во Владивосток (вокруг Африки) на острова Фиджи и возвращение в Кронштадт. 23 авг. 1889 - 11 авг. 1892 г., л. 107-108.

5. ЦГАВМФ. Главный морской штаб. Ф. № 417, оп. 1, д. № 1352. Ведомости по учету количества миноносцев, прошедших через Суэцкий канал в 1881-1895 гг., и судов, перевозивших французские войска на о-в Мадагаскар в апреле-мае 1895 г., л. 13-14.

6. ARDM. Série D. Affaires politiques. Provinces. 448. Fort-Dauphin 1906-1921. 470. Tuléar. 1902-1921. 472. Vakinankaratra. 692. Fokonolona.

7. ARDM. Série D. Cabinet civil. 70. Province de Fort-Dauphin. 160. Guerre 1914-1918. 52. Mission d'Inspection Norès: 1919-1920. 364, 367. Main-d'oeuvre. 358. Commerce.

8. ARDM. Série D. Registres du Conseil d'Administration. 40. Procès-verbaux. Août 1914. 55. Procès-verbaux. Décembre 1915. 59. Procès-verbaux. Avril 1916. 65. Procès-verbaux. Décembre 1916. 82. Procès-verbaux. Juillet 1918. 84. Procès-verbaux. Septembre 1918.

9. ARDM. Série D. Télégrammes officielles. 16. Année 1914. 17. Année 1915. 18 à 21. Année 1916. 22. Année 1917. Des provinces vers Tananarive. 575. Année 1915. 576. Année 1916. De Tananarive vers des provinces.

10. ARDM. Série D. Travaux publics. 24. Fort-Dauphin. 1899-1925. 149 bis, 150, 151, 152. Chemin de fer Tananarive-Antsirabe.

11. ARDM. Collection Mirhridate.

12. ARDM. Série NN 91. Lettres non classées.

13. ARDM. Collection S. Rajaonera.

14. ARDM. Budgets: années 1909 à 1924: Dossiers N° 3, 4, 5 bis.

15. Archives d' Aix-en-Provence. Microfilms appartenants au Département d'Histoire E.E.S.L. Rapports économiques de Fort-Dauphin. 1913-1914. Rapport politique de Fort-Dauphin. 1915.

16. ARDM. Rabezavana: registre sur la rébellion qu'il a fait éclater en 1986.

17. ARDM. Série DD. 7, fol. 107v-108v. Ny raharaham-panjakana tao Paris.

III. Публикации архивных документов

18. [Chapus G., Mondain G.] Quelques rapports du gouvernement malgache avec les étrangers. - Mémoires de l'Académie Malgache, fasc. 31, Tananarive, 1940.

19. Documents sur l a Compagnie de Madagascar. P., 1867.

20. [Gamon A.]. Le code de Ranavalona I. - BAM. 1907, v. 5,

21. [Julien G.]. Institutions politiques et sociales de Madagascar. T. 2. P., 1909.

22. [Julien G.]. Les réformes de 1889, l'autonomie des fokonolona et les règlements des gouverneurs de rimerina. - BAM, 1902, v. 1, fasc. 1.

23. [Ozoux et Julien]. Lois et coutumes malgaches: Instructions aux sakaizam-bohitra; Code de 305 articles; Règlements des gouverneurs de rimerina (textes malgaches et français intégraux). Tananarive. 1932.

24. [Pascal R.]. Les rapports de quinzaine d'Hyppolyte Laroche, Résident général de France a Madagascar (1896). - BM, 1966-1967, N° 245-249.

25. Soratra-vavolombelona. Boky I. Ny fifandraisan'i Madagasikara tamin'ny vahiny hatramin'ny taona 1828 no ho mankany. Fianarantsoa, 1972.

26. Arsivam-pirenena. Soratra vavolombeiona 2. Madagasikara sy Eoropa 1868-1887. Antananarivo, 1979.

27. [Thebault E.]. Code des 305 article, promulgué par la Reine Ranavalona III, le 29 mars 1881. Texte malgache intégrale avec traduction française et note bibliographique. Tananarive, 1960.

28. [Valette J.]. La convention anglo-malgache sur les spiritueux. - BM, 1965, N° 230.

29. [Valette J.]. La convention anglo-malgache sur les témoins. - BM, 1964, N° 223.

30. [Valette J.]. Une lettre de Kingdom à Le Myre de Vilers. 23, I. 1985. -BM, 1965, N° 224.

31. [Valette J.]. Le protocole de Washington du 12 mars 1883. - ВМ, 1967, N° 249.

IV. Официальные публикации

32. Документы внешней политики СССР. Т. I, 11 января 1917 - 31 декабря 1918. М., 1957.
33. Россия. Министерство иностранных дел. Ежегодник. 1896, 33 год. СПб., 1896.
34. Annales de la Chambre des députés. Débats parlementaires. Session ordinaire de ..1883-1910.
35. Annales de la Chambre des députés. Débats parlementaires. Session extraordinaire de ... 1894, 1905.
36. Annales de la Chambre des députés. Documents parlementaires. Session ordinaire de ... 1906, 1909.
37. Annales du Sénat. Débats parlementaires. Session ordinaire de ... 1901, 1902.
38. Correspondances diverses et rapports de conférences entre les Plénipotentiaires du Gouvernement de la Reine de Madagascar et les Plénipotentiaires du Gouvernement de la République Française depuis le 24 juillet 1882 jusqu'au 10 juin 1884. Antananarivo, 1884.
39. Correspondance entre le Ministre des Affaires Etrangères de Madagascar et les Consules de France et Comissaire du Gouvernement de la République. 29.04-11.07.1882. Antananarivo, 1882, - Documents historiques de Madagascar. Fianarantsoa, 1968. N° 6-8.
40. Documents diplomatiques. Affaires de Madagascar. 1881-1896. P., 1883-1896.
41. Ducheme C. Rapport sur l'expédition de Madagascar. P., Nancy, 1897.
42. [Galliéni J.S.]. Madagascar de 1896 à 1905. Rapport du général Galliéni, gouverneur générale, au ministre des colonies (30 avril 1905). V. 1—2. Tananarive, 1905.
43. Galliéni J.S. Rapport d'ensemble sur la pacification, l'organisation et la colonisation de Madagascar, octobre 1896 à mars 1899. P., [6, r.].
44. Ny Gazety Malagasy, avrily 1896 - septambra 1896.
45. Hansard's Parliamentary Debates. 3 séries... 1882-1886.
46. Journal officiel de la République Française. P., 1902-1916.
47. Journal officiel de Madagascar et dépendances. Tananarive, 1896-1916.
48. Livre rouge. Antananarivo, 1894.
49. Rapport des negotiations qui eurent lieu entre le Gouvernement de Madagascar et les Plénipotentiaires Français, à Tananarive, par la médiation amicale de M. D. Maigrot, consul de S.M. le Roi d'Italie, du 13 juin au 17 août 1885. Antananarivo, 1885.
50. Ten Year's Review of Mission Work in Madagascar. Antananarivo, 1890.

V. Свидетельства очевидцев и современников, дневники путешественников, миссионеров

51. Пфейфер (штабс-капитан). Мадагаскарская экспедиция 1895 г. Сообщение в штабе войск гвардии и Петербургского военного округа. СПб., 1897.
52. Anfrevûle de la Salle L. A. Madagascar. P. 1902.
53. Anthouard A., Ranchot A. L'expédition à Madagascar. P., 1930.
54. [Benyowsky M.A.]. Voyages et mémoires de Maurice-Auguste comte de Benyowsky. Magnat des Royaumes d'Hongrie et de Pologne, etc. T. 2. P., 1791.
55. Brunet L. L'oeuvre de la France à Madagascar. P., 1903.
56. Carot J. Chez les Hova. P., 1898.
57. Colonel XXX. La vérité sur la guerre de Madagascar. Toulouse, 1896.
58. Colson P. Guide de Madagascar. P., 1895.
59. Condamy C. L'insurrection dans le sud de Madagascar. (1904-1905). P., 1914.
60. Darcy J. France et Angleterre. P., 1908.
61. Durand A. Les derniers jours de la cour Hova. P., 1933.

62. Escamps H. Histoire et géographie de Madagascar. P., 1884.
63. Gatti H. La guerre à Madagascar. P., 1896.
64. Galliéni J.S. Madagascar. 1898-1899. P., 1900.
65. Galliéni J.S. Neuf ans à Madagascar. P., 1908.
66. Galliéni J.S. La pacification de Madagascar. P., 1900.
67. Gamon A. Traité de la justice indigène à Madagascar. Tananarive, 1910.
68. Grandidier A. Les voyageurs françaises à Madagascar. P., 1894.
69. Guide de l'immigrant à Madagascar. V. 1. P., 1898.
70. Hanotaux G. L'affaire de Madagascar. P., 1896.
71. Hocquard E. L'expédition de Madagascar. (P.), 1897.
72. Julien G. L'affaire de Rainibetsimisaraka - Revue de Madagascar. Tananarive, 1902, v. 7.
73. Knight E. Madagascar in War Time. London, New York, Bombay, 1896.
74. Lacaille L. Connaissance de Madagascar. P., 1863.
75. Lacaze H. Souvenirs de Madagascar. P., 1881.
76. Latimer E. Europe in Africa in the 19 century. Chicago, 1969 (repr. 1895).
77. Lemure J. Madagascar: l'expédition au point de vue médical et hygiénique. P., 1896.
78. Locamus P. Madagascar et ses richesses. P., 1896.
79. Loisy X. Madagascar: étude économique. P., 1914.
80. Lyautey L. Choix de lettres 1882-1919. P., 1947.
81. Lyautey L. Lettres du Tonkin et de Madagascar (1894-1899). P., 1946.
82. Madagascar après la conquête. P., 1895.
83. Madagascar, past and present. L., 1847.
84. Mariel F. La France à Madagascar. P., 1887.
85. Martineau A. Madagascar en 1894. P., 1894.
86. Nim-Pijery. De Fort-Dauphin à Andévoranté. - La Nouvelle revue. P., 1907. t. 46, N° 182.
87. Oliver S. French Opérations in Madagascar, 1883-1885. - Journal of the United Service Institution. L., 1886, v. 30, No 133-137.
88. Oliver S, The True Story of the French Dispute in Madagascar. N.Y., 1969 (repr. 1885).
89. Piolet J. Madagascar et les Hova. P., 1895.
90. Poirier J. Conquête de Madagascar (1895-1896). P., 1902.
91. Raombana. Histoires I. Fianarantsoa, 1980.
92. Riols J. La guerre de Madagascar, anciennement France Orientale. P., 1896.
93. Sibree J. Fifty Years in Madagascar. L., 1924.
94. Suau P. France à Madagascar, histoire politique et religieuse d'une colonisation. P., 1908.
95. Truitard L. Madagascar et les intérêts français. Dijon, 1912.
96. You A. Madagascar. Paris, Nancy, 1905.

VI. Энциклопедические и справочные издания, библиографии

97. Демократическая Республика Мадагаскар (Справочник). М., 1985.
98. Firaketana ny fiteny sy ny zavatra malagasy. A-L. Tananarive, 1937-1969.
99. Fontvieille J. Bibliographie de Madagascar. 1956-1963. Tananarive, 1971.
100. Grandidier A., G. Bibliographie de Madagascar. Tananarive, v. 1, 1905-1906; v. 2, 1935; v. 3, 1957.
101. Nuce M., Ratsimba J. Bibliographie annuelle de Madagascar. 1964-1969. Tananarive, 1966-1970, v. 1-6.
102. Southern African dictionary of national biography. L., N.Y., 1966.
103. Valette J. F. Esquisse d'un guide des sources du droit malgache aux archives de la

République Malgache. - ВМ, 1964, N° 220.

VII. Исследования и литература

104. Аке К. Политическая экономия Африки. М., 1985.
105. Балезин А.С. Африканские вожди и правители в Уганде. М., 1986.
106. Буато П. Мадагаскар. Очерки по истории мальгашской нации. М., 1961.
107. Васильев Л.С. Проблемы генезиса Китайского государства (формирование основ социальной структуры и политической администрации) . М., 1983.
108. Емельянов А.Л., Шапошникова М.Ю. Франко-малагасийская борьба вокруг договора 1885 г. (анализ двух вариантов текста) . – Вопросы африканской истории. М., 1983.
109. История Африки в XIX - начале XX века. М., 1984.
110. История национально-освободительной борьбы народов Африки в новое время. М., 1976.
111. Источниковедение африканской истории. М., 1977.
112. Киселев Г.С. Колониальная Африка. Формирование классового общества (состояние проблемы и перспективы ее разработки). М., 1985.
113. Кочакова Н.Б. Пожжение африканской цивилизации. Ифе. Ойо. Бенин. Дагомея. М., 1986.
114. Куббель Л.Е.. Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1988.
115. Орлова А.С. Общественный строй мальгашей в XIX в. (Из истории острова Мадагаскар). – Труды института этнографии, т.43. Африканский этнографический сборник. Л.-М., 1958.
116. Пабеманандзара Р. Мадагаскар. История мальгашской нации. М., 1956.
117. Симония Н. А. Страны Востока: пути развития. М., 1975.
118. Субботин В. А. Колониалистское движение во Франции и Тропическая Африка. – Проблемы колониализма и становление антиколониальных сил. М., 1979.
119. Субботин В. А. Колонии Франции в 1870-1918 гг. Тропическая Африка и острова Индийского океана. М., 1973.
120. Сюсюмов М.Я. Проблемы асинхронного развития в древности (к постановке вопроса). – Античная древность и средние века. Вып. 13. Свердловск, 1976, с. 30-48.
121. Тэрнер В. Символ и ритуал. М., 1983.
122. Фрэзер Д.Д. Фольклор в Ветхом завете. 2-е изд. М., 1985.
123. Эволюция восточных обществ. Синтез традиционного и современного. М., 1984.
124. Andrew C., Kanya-Forstner A. The French «Colonial Party», Its Compositions, Aims and Influence, 1885-1914. - The Historical Journal. Cambridge, 1971, v. 14, No 1.
125. Aro-Naba. Tambin'ny fitiava-tanindrazana. Antananarivo, 1982.
126. Augagneur V. Erreurs et brutalite's coloniales. P., 1927.
127. Avny Serge D. Madagascar. An Example of Indigenous Modernisation of a Traditional Society in the 19 century - African Affairs. L., 1969, v. 67, N 271.
128. Battistini R. Géographie humaine de la plaine côtière Mahafaly. Thèse complémentaire de doctorat. P., 1964.
129. Berthier H. Le protectorat du 1.10.1895 au 18.1.1896. - ВМ, 1941 v. 24.
130. Binoche J. Les élus d'outre-mer au Parlement de 1871 à 1914. - Revue française d'histoire d'outre-mer. P., 1971, v. 58, N° 210.
131. Binoche J. Le rôle des parlementaires d'outre-mer dans la conquête de Madagascar. - Revue d'histoire moderne et contemporaine. P., 1975 v 22 N° 3.
132. Boiteau P. Contribution à l'histoire de la nation malgache. P. Antananarivo, 1982.
133. Cahuliac G. Contribution à l'étude médico-militaire de l'expédition de Madagascar en 1895. - ВМ, 1966, N° 240-243.

134. Campbell G. Labour and the Transport Problem in Impérial Madagascar, 1810-1895. - *Journal of African History*. L., 1980, v. 21, N° 3.
135. Chapman O. Across Madagascar. L., 1942.
136. Chapus G. Quatre-vingt ans d'influence européennes à Madagascar. - *BAM* 1925, v. 8.
137. Chapus G., Mondain G. Rainilarivony, un homme d'état malgache P 1953.
138. Cooke J. Madagascar and Zanzibar: a Case Study in African Colonial Friction. - *African Studies Review*. East Lansing (USA), 1970, v. 13, N° 3.
139. Corpus d'histoire du droit et des institutions. Antananarivo, 1975.
140. Dandouau A., Chapus G. Histoire des populations de Madagascar P 1952.
141. Davidsan A.B. African Résistance and Rébellion against the Imposition of Colonial Rule. - *Problems in the history of Colonial Africa, 1860-1960*. N.Y., 1970.
142. Davidson A.B. African Résistance and Rébellion Against the Imposition of Colonial Rule. - *Emerging Themes of African History*. Nairobi, 1968.
143. Décary R. Les anciennes industries du métal à Madagascar. - *Communauté' et continents*. P., 1962, v. 54, N° 14.
144. Décary R. L'Androy. v. 2. Histoire. Civilisation. Colonisation. P., 1933.
145. Decary R. Coutumes guerrières et organisation militaire chez les anciens malgaches. P., v. 2, 1966.
146. Delhorbe G. Monnaie, crédit et banque à Madagascar. - *Notes, reconnaissance et explorations*. Tananarive, 1905, N° 1.
147. Deschamps H. Histoire de Madagascar. P., 1960.
148. Ettis S. The political élite of Imerina and the Revolt of the Menalamba. - *Journal of African History*. L., 1980, v. 21, N° 2.
149. Esoavelomandroso F. L'attitude malgache face au traité de 1885. Antananarivo, 1977.
150. Esoavelomandroso M. Le mythe d'Andriba - Omaly sy anio. Antananarivo, 1975, N° 1-2.
151. Esoavelomandroso M. La province maritime orientale de «Royaume de Madagascar» à la fin du 19 siècle. Antananarivo, 1976.
152. Gontard M. Les allemands à Madagascar à la veille de la guerre. - *BM*. 1965, N° 232.
153. Gontard M. Madagascar pendant la première guerre mondiale. Tananarive, 1969.
154. Gontard M. Les troubles dans le Sud de Madagascar pendant la première guerre mondiale. - *BM*. 1968, N° 271.
155. Grandidier G. Galliéni. P., 1931.
156. Hanotaux G., Martineau A. Histoire des colonies françaises et de l'expansion de la France dans le monde. V. 6. Madagascar. P., 1934.
157. Hardyman J. The Church and Sorcery in Madagascar. - *African Initiatives In Religion*. Nairobi, 1971.
158. Hardyman J. Le gros canon d'Ambavatafandro. - *BAM*. 1972, v. 50, fasc. 1.
159. Hatzfeld O. Madagascar. P., 1952.
160. Heseltine N. Madagascar. L., 1971.
161. Histoire militaire de Madagascar. P., 1931.
162. Histoire physique, naturelle et politique de Madagascar. V. 5. Histoire politique et coloniale. T. 2. Grandidier G., Décary R. Histoire des merina (1861-1897). Tananarive, 1956.
163. Howe S. The Drama of Madagascar. L., 1938.
164. Huet E. Tragédie malgache? P., 1936.
165. Isnard H. Madagascar. P., 1964.
166. Jacob G. Léon Suberbie et les relations franco-malgaches de 1882 à 1887. - *Revue française d'histoire d'outre-mer*. P., 1965, v. 52, N° 188-189.
167. Julien G. Madagascar et ses dépendances. P., 1926.
168. Launois P. L'état malgache et ses transformations avant le régime français. P., 1932.
169. Leblond M. Les grandes heures des îles et des mers françaises. P., 1949.

170. Lebon, A. La pacification de Madagascar. P., 1928.
171. Massiot M. L'administration publique à Madagascar. P., 1971.
172. Molet L. La conception malgache du monde, du surnaturel et de l'homme en Imerina. V. 1. P., 1979.
173. Mondain G. Un registre officiel du temps de Rasoherina et de Ranavalona II. - BAM, 1926, v. 9.
174. Munthe L., Ravoajanahary C, Ayache S. Radama I et les Anglais: les négociations de 1817 d'après les sources malgaches (sorabe inédits). Omalysy anio. Antananarivo, 1976, N° 3-4.
175. Mutibwa P. African Heritage and the New Africa. Kampala, 1977.
176. Mutibwa P. Britain's abandonment of Madagascar - Transafrican Journal of History. Nairobi, 1973, v. 3, N° 1-2.
177. Mutibwa P. The Malagasy and the Europeans. L., 1974.
178. Rabemananjara J. Nationalisme et problèmes malgaches. P., 1959.
179. Raharijaona H. Le centenaire des instructions aux sakaizambohitra. - BAM, 1978, v. 61, fasc. 1-2.
180. Rajaofera F. L'éclatement de l'armée malgache. - BAM, 1960, v. 38.
181. Rajaofera F. Législation militaire de l'ancienne armée malgache. - BAM, 1960, v. 38.
182. Ralaimihoatra E. Histoire de Madagascar. Antananarivo, 1982.
183. Ranaivo-Rabetokotany L. Essai sur l'héraldique malgache. - Arsivam-pirenena. Tamara, Antananarivo, 1979, N° 7-8.
184. Randriamboavonjy R. Soratra vavolombelona momba ny fokonolona. - BM, 1973, N° 322, t. 332-348.
185. Randrianarisoa P. La diplomatie malgache face à la politique des grandes puissances (1882-1895). P., 1968.
186. Ranjeva R. The Malagasy Monarchy and International Law. - African International Legal history. N.Y., 1975.
187. Rasoanasy J. Menalamba sy tanindrazana. Antananarivo, 1976.
188. Ravelonahina E. Tena WS fanta-bahoaka. Antananarivo, 1967.
189. Sombin-tantaran'ny Menalamba. - Arsivam-pirenena. Tantara. Antananarivo, 1979, N° 7-8.
190. Un soulèvement à Madagascar. - Illustration. P., 31.12.1904.
191. Ny tolom-pahafahan'ny vahoaka malagasy. Antananarivo, 1976.
192. Valette J. Les anciens palais de justice de Tananarive. - BM, 1964, N° 220.
193. Valette J. L'enregistrement des actes de toute nature à Madagascar. - BAM, 1960, v. 38.
194. Valette J. Fianarana azo raisina momba an-dRadama rainy. Tananarive, 1963.
195. Valette J. Au sujet de la condamnation et la mort Ravoninahitriniarivo. - BM, 1966, N° 247.
196. Vidai H. Recherches autour du Code des 118 Articles. - BAM, 1970, v. 48, fasc. 1-2.

VIII. Периодические издания

197. Antananarivo Annual and Madagascar Magazine. A Record of Information on Topography and Natural Productions of Madagascar and its Customs, Traditions, Language and Religious Beliefs of its People. Antananarivo.
198. Bulletin de l'Agence générale des colonies. P.
199. Bulletin de la Société de géographie commerciale de Paris. P.
200. Bulletin économique de la colonie de Madagascar et dépendances. Tananarive.
201. Echo de Madagascar. Tananarive.
202. Eclair de l'Emyrne. Tananarive.

203. Guide annuaire de Madagascar. Tananarive.
204. Journal de Madagascar. Tananarive.
205. Journal des économistes. P.
206. Action à Madagascar. Tananarive.
207. Lanterne de Madagascar. Tananarive.
208. Quinzaine coloniale. P.
209. Tribune de Madagascar et dépendances. Tananarive.
210. Cri de Tamatave. Tamatave.
211. Journal du commerce de Madagascar. Tananarive.
212. Petit temps. P.
213. Progrès de Madagascar. Tananarive.
214. Réveil de Madagascar. Tananarive.
215. Temps. P.
216. Mazava. Tananarive.
217. Petit Madagascar. Tananarive.
218. Questions diplomatiques et coloniales. P.
219. Revue des deux mondes. P.
220. Revue politique et littéraire. P.
221. Time s. L.
222. Trompetra volamena. Tananarive.
223. Tsara fanahy. Tananarive.
224. Vaovao frantsay-malagasy. Tananarive.

Список сокращений

- ЦГАВМФ - Центральный государственный архив военно-морского флота.
ARDM - Archives de la République Démocratique de Madagascar.
BAM - Bulletin de l'Académie Malgache. Tananarive.
BM - Bulletin de Madagascar. Tananarive.